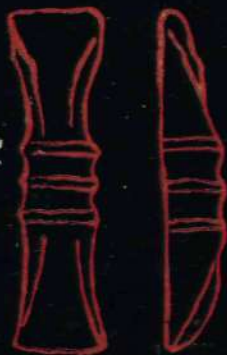

Древняя
и средневековая
культура
ЧАЧА

Древняя
и средневековая
культура
ЧАЧА

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

**Древняя
и средневековая
культура
ЧАЧА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ—1979

В монографии обобщены новые материалы, освещаются отдельные этапы древней и средневековой культуры земледельцев и скотоводов Ташкентского оазиса.

Для историков, археологов, антропологов, студентов вузов гуманитарного профиля и всех интересующихся древней историей народов Узбекистана.

Ответственный редактор —
кандидат исторических наук

Г. В. ШИШКИНА

Д $\frac{10302-1081}{М 355 (05)-79}$ 160—79

© Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1979 г.

Введение

Ташкентский оазис, в древности включавший два владения — Чач и Илак, принадлежит к числу регионов, к которым в первую очередь применима характеристика К. Маркса об особенностях развития восточной экономики, политической и социальной структуры в связи с наличием здесь двух укладов — земледельческого хозяйства одной части населения и скотоводческого другой¹.

С северо-востока, востока и юга оазис ограничен хребтами Чаткальских и Кураминских гор, с юго-запада — второй по величине водной артерией Средней Азии — Сырдарьей, носившей в древности название «река Чача», а с северо-запада открыт со стороны бескрайних степей средней и нижней Сырдарьи до Приаралья, обжитых с древности пастушеско-скотоводческими племенами. Здесь располагались прекрасные пастбища, часть которых принадлежала и Чачу. «Между Исфиджабом и берегом реки Чача находится главное пастбище всего Исфиджаба и некоторых частей Чача, Параба и Кенджде», — сообщает аноним X в., прекрасно знавший экономику Восточного Мавераннахра².

Тесно связанный с этими районами Чач в эпоху бронзы входил в ареал скотоводческо-земледельческих культур андроновско-тазабагьябского круга, о чем свидетельствуют и отдельные находки орудий и украшений, и комплексы погребальных курганов. В то же время природно-климатические условия способствовали развитию здесь земледелия. Ос-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 1, 24, с. 33.

² Худуд ал Алем. Цит. по сб. «Материалы по истории туркмен и Туркмении». Т. 1. М.—Л., 1939, с. 216.

новая территория оазиса орошается двумя крупными притоками Сырдарьи — Чирчиком (Парак, Тюрк) и Ахангараном (река Илака). Формирующиеся в горных отрогах, при выходе в долину они разливаются несколькими протоками на обширной равнинной территории и образуют широкие поймы, удобные для развития земледелия на базе системы искусственного орошения.

В эпоху перехода от поздней бронзы к раннему железу среди скотоводческих хозяйств нижнего Ахангарана, а затем в бассейне междуречья появляются ранние земледельческие поселения, занимавшие локальные участки, удобные для каирного и болотного земледелия, и постепенно расширявшиеся вдоль русел Чирчика и Ахангарана.

По месту первой находки эта культура получила название бургулюкской. Несмотря на то, что объекты ее были открыты в 30-е годы Г. В. Григорьевым, а выделены в культуру в 1940 г. А. И. Тереножкиным, до настоящего времени почти не изучены такие важные вопросы как генетические корни культуры, элементы фортификации и пространственно-планировочный характер поселений, формы хозяйства и уровень хозяйственно-экономического потенциала населения. Поэтому в начале 70-х годов была выделена специальная группа для раскопок памятников этой культуры. На поселениях вскрыто более 30 жилых комплексов, получен вещественный материал, включающий орудия труда, керамическую посуду, украшения.

Широкие исследования стерильных объектов обоснованно позволили углубить нижнюю дату культуры, определить типы жилья, уровень хозяйства, виды ремесел, решить многие вопросы культурно-экономических связей бургулюкцев. Однако ряд вопросов пока не решен. Не выявлены погребальные памятники бургулюкцев. Предметом дискус-

сии остаются и хронологические рамки культуры в целом, так как в оценке верхней границы отсутствует единое мнение среди специалистов, изучающих объекты данного типа. Это отразилось и на данной монографии. В то же время значение бургулюкской культуры, раскрывающей пути формирования земледелия на стыке со скотоводческими районами, выходит за рамки Ташкентского оазиса. Поэтому систематизация и полная публикация всех материалов, полученных на разных этапах работ, и широкие исследования известных бургулюкских поселений приобретают большое значение как генетическая база земледельческой культуры северных районов Средней Азии.

В первый раздел данной монографии введены все памятники бургулюкского типа — от первых находок до раскопок 1977 г., выявляющие уровень наших знаний о первых шагах земледелия в Ташкентском оазисе.

Не менее важны для этнической и социально-экономической истории региона памятники скотоводов и земледельцев античного времени, представленные каунчинской культурой. Это время широких перемещений скотоводческих народов, внедрения сарматидных элементов, вторжения гуннских групп, создания полукочевого владения Кангуй. Все эти движения сильно повлияли на формирование культуры и этнических компонентов долины Средней Сырдарьи и в частности Ташкентского оазиса. В результате исследований погребальных сооружений в долине Чирчика и Ахангарана выявлены значительные изменения не только материальной культуры, но и этнических признаков. Становится характерной интенсивно нарастающая монголоидность, причем не исключено, что Чач сильно влиял в этом отношении на северную Фергану. В то же время формировались города, причем определенную роль в градооб-

разующем контингенте играли оседающие кочевники.

В определении этих моментов важную роль играет изучение памятников материальной культуры скотоводов предгорий и некрополей, связанных с пунктами оседлоземледельческой культуры.

Следующий важный аспект исследований — городская культура оазиса. Древний Чач принадлежит к числу урбанизированных регионов. По данным средневековых географов, в оазисе насчитывалось более 50 городских пунктов.

Историческая география Чача и Илака в значительной мере разработана и обобщена³. Однако историческая топография городов, их историко-культурный и архитектурно-планировочный облик на различных исторических этапах — белое пятно в истории региона. Широкие раскопочные работы по изучению городов Чача, предпринятые в последние годы на территории Ташкента и области в целом, позволяют надеяться, что постепенно эти пятна будут исчезать.

Основной объект исследования городской культуры оазиса — городище Канка. Это самый крупный и наиболее сохранившийся памятник городского типа оазиса и, как показали раскопки, на сегодняшний день самый древний городской центр оазиса. Канка отождествлена со столицей Ташкентского владения античной эпохи, а в средневековую пору с Харашкетом, вторым по величине после Бинкета центром Чача.

На территории Канки впервые для Ташкентского оазиса проведено исследование крупных объектов и групп хозяйств, давших материал для архитектурно-пространствен-

³ Массон М. Е. Ахангаран, археолого-топографический очерк. Ташкент, 1954; Буряков Ю. Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса. Ташкент, 1975.

ной характеристики города, плотности застройки, степени концентрации и топографии ремесел, уровня жизни, социальной структуры.

К настоящему времени получены материалы для характеристики жилых комплексов в цитадели и двух городских территориях верхнего архитектурно-строительного уровня X—XI вв. н. э. Интересные керамические наборы и комплексы орудий труда дают представление об основных видах ремесел средневекового Харашкета. В целом материалы раскопок помогают воссоздать архитектурно-композиционный облик города X—XI вв. и дают новые данные о социальной структуре Харашкета.

Значительный новый нумизматический материал, полученный на городище, позволяет по-новому понять многие вопросы ранней истории Караханидов Восточного Мавераннахра. Материалы, отражающие круг связанных с древней культурой Чача вопросов, объединены в коллективную монографию. Введение подготовил Ю. Ф. Буряков, раздел «Древнейшие земледельцы Ташкентского оазиса» — А. И. Тереножкин (материалы бургулюкской и каунчинской культур в зоне Ташкентского канала) и Х. Дуке (бургулюкские объекты в долине Ахангарана); «Памятники скотоводов Чача (Курганы каунчинской культуры в окрестностях Кавардана) — К. Алимов. В разделе «Из истории городской культуры средневекового Чача (по материалам Харашкета)» «Топографию городища» написал Ю. Ф. Буряков, «Раскопки в цитадели» — Ю. Ф. Буряков и В. И. Набоков, «Раскопки в шахристане I» — Ю. Ф. Буряков, «Раскопки в шахристане III» — Л. Г. Брусенко и З. С. Галиева. Раздел «Чач и Илак при Караханидах по нумизматическим данным» подготовил Б. Д. Кочнев, заключение — Ю. Ф. Буряков.

ДРЕВНЕЙШИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ ТАШКЕНТСКОГО ОАЗИСА

МАТЕРИАЛЫ БУРГУЛЮКСКОЙ И КАУНЧИНСКОЙ КУЛЬТУР В ЗОНЕ ТАШКЕНТСКОГО КАНАЛА¹

В 1940 г. в Ташкентской области было построено грандиозное ирригационное сооружение — Ташкентский канал. Археологические наблюдения за земляными работами, осуществлявшимися в то время в основном вручную, на этом строительстве, на участке от начала строящегося канала до р. Ахангаран², проводил Г. П. Савельев.

Ташкентский канал (рис. 1) берет начало из арыка Карасу близ места впадения в него речки Кызылсай. Вначале от сел. Уртасарай до сел. Бешбай он проходит по низменной орошенной и обработанной полосе земель. Почти на всем протяжении подпочва в этой местности складывается из гравия и галечника, очевидно, не очень древнего происхождения, так как в них постоянно встречаются окатанные водой фрагменты глиняных сосудов, приблизительно рубежа нашей эры. Около сел. Бешбай канал входит в лессовые холмы, которые, чередуясь с небольшими долинами, тянутся до р. Ахангаран. В низинах и долинах канал залегает неглубоко, местами идет даже в береговых дамбах, а прорезав увалы, он становится шире и глубже (иногда до 10—17 м).

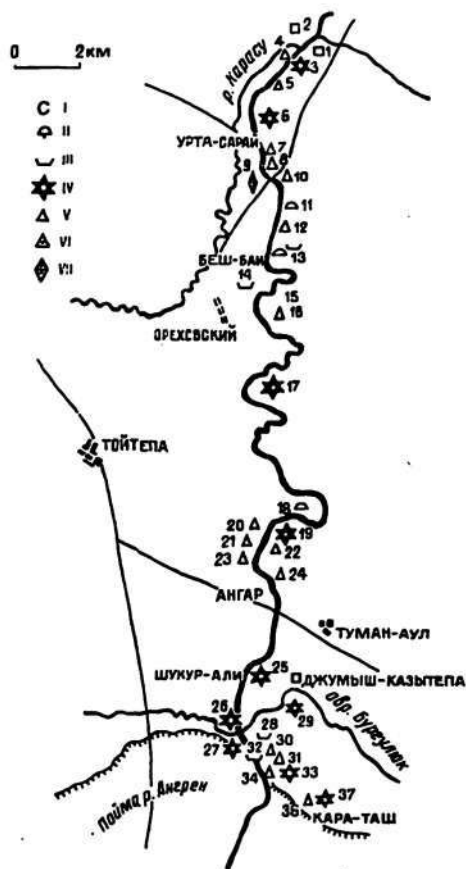
¹ Предварительное сообщение см. в ст. «Памятники материальной культуры на Ташкентском канале». «Известия УзФАН», 1940, № 9. Данная статья написана в 1940 г. и должна была публиковаться в «Трудах Узбекистанского филиала АН СССР» 1941 г. Однако в связи с начавшейся Великой Отечественной войной не была опубликована. В настоящее время ее подготовили к печати по сохранившейся корректуре, в которую внесли некоторые изменения.

² Далее, до конца канала, археологический надзор осуществлял Т. Миргиязов, материалы которого в данной статье не использованы.

Вдоль трассы канала известно несколько крупных археологических памятников, из которых можно упомянуть развалины древнего поселения Кыркбурантепа, находящиеся близ головы канала, обширное курганное поле (мингтепа) близ сел. Шукурали и городище Джумышказытепа около сел. Уртааул. Археологические находки распределяются в основном равномерно

Рис. 1. Археологическая карта Ташкентского канала. Пункты памятников и находок:

1 — городище Кыркбурантепа с культурными наслоениями типа Каунчи II и XV—XVI вв.; 2 — городище (тепа) с культурными слоями тепа Каунчи II и X—XII вв.; 3 — поселение XII в.; 4 — каменный шлифованный топор II тысячелетия до н. э.; 5 — обломок бронзового ножа и бронзовые уздечные бляшки VII—VI вв. до н. э.; 6 — поселение XV—XIX вв.; 7 — бронзовый нож и бронзовое шило первой половины II тыс. до н. э.; 8 — медная куфическая монета; 9 — клад серебряных монет 1533—1556 гг.; 10 — фрагмент глиняного сосуда IX—X вв.; 11 — захоронение времени Каунчи II; 12 — бронзовый кинжал и глиняный сосудик начала железного века; 13 — курганы и грунтовые могилы типа Каунчи II и джунского типа; 14 — захоронение андроновской культуры; 15 — могилы джунской ступени; 16 — обломок бронзового кельта и глиняного сосуда бронзового века; 17 — палеолитическая стоянка; 18 — курган рубежа нашей эры; 19 — поселение бургулюкской культуры; 20 — бронзовый наконечник стрелы андроновской культуры; 21 — бронзовый нож начала железного века; 22 — железное стремя VII—VIII вв.; 23 — железный наконечник копья; 24 — медная куфическая монета; 25 — поселение IX—XII вв.; 25—29 — поселения бургулюкской культуры; 30 — бронзовый нож начала железного века; 31 — фельс Нуха, сына Мансура; 32 — погребение джунской ступени; 33 — поселение бургулюкской культуры; 34 — бронзовое шило; 35 — поселение середины I тысячелетия н. э.; 36 — глиняные сосуды андроновской и бургулюкской культур; 37 — поселение бургулюкской культуры; I — городище; II — курганы; III — могилы; IV — стоянка, поселение; V — отдельная находка; VI — монета; VII — клад монет.

по всей трассе канала. В долине, по которой проходит арык Қарасу, и ближе к реке Ахангаран находились поселения, а на прилегающих к ним возвышенностях главным образом курганы и грунтовые могильники.

Поступившие к нам со строительства канала материалы довольно разнообразны и относятся к различным периодам древней истории.

Приводим описание наиболее важных в научном отношении находок и памятников, которые обнаружены в зоне строительства Ташкентского канала, пытаясь при этом соединить их между собой по возможности в хронологически последовательные группы.

Палеолитическая стоянка (пункт № 17). Древнейшим памятником на описываемой территории оказалась палеолитическая стоянка на южном склоне увала к востоку от сел. Тойтюбе. Следы стоянки обнаружил десятник М. В. Шварц на глубине 3,5 м от поверхности и до 4,2 м. Здесь найдено кострище с обожженной землей и углями, вокруг которого отмечены куски кремневых галек со следами искусственных склонов, кремневые орудия ножевидной формы и кости животных. Грунт, в котором залегали находки, представлял лесс с включением мелких известковых и гипсовых частиц — конкреций, линзочек песка и отдельных пустот, достигающих 5—6 мм в поперечнике.

Среди кремневых пластин не оказалось ни одного орудия, были лишь пластины удлиненно-овальной формы с раковистыми изломами, сколотые с разных галек. Кости животных сильно минерализованы и не определимы из-за плохой сохранности.

Эпоха бронзы и начала железного века

При строительстве канала найдено небольшое количество бронзовых и керамических изделий, то разрозненных, то образующих небольшие комплексы. В большинстве случаев обстоятельства находок не выяснены или записаны со слов колхозников и рабочих, нашедших и передавших нам эти ценные вещи. Они относятся к бронзовому и началу железного века. Поскольку мы не уверены в точной археологической периодизации всех находок, описываем их совместно.

Пункт № 4 к северу от сел. Уртасарай. На левобережье р. Карасу, близ головы Ташкентского канала, найден своеобразный каменный шлифованный топор (рис. 2, 9). Орудие двустороннее, посередине перехвачено двумя поперечными желобками, на внутренней стороне отмечена лунка; при помощи желобков орудие прикреплялось к древку. Лезвия расширяющиеся, поставлены поперечно к оси рукояти. Орудие сделано

из камня серой твердой кристаллической породы, отшлифовано, а желобки и лунка шероховатые. Судя по форме и отделке, орудие не имело производственного назначения, а являлось боевым, соответствующим по назначению булаве. Длина орудия 15,8 см, толщина в середине 3,6, ширина лезвия 4,5 см.

Пункт № 5 к северу от сел. Уртасарай. На левом берегу Ташкентского канала в одном месте обнаружены конец узкого бронзового однолезвийного ножа (рис. 3, 1), круглая выпуклая бляха с четырьмя отверстиями в основании для перекрещивающихся ремней (рис. 3, 2), узкая дуговидная бляха, своего рода пронизь, с одним отверстием для пропуска ремня (рис. 3, 3), овальная бляшка на толстой подножке, основанием ей служила короткая четырехгранная обойма, через которую проходил ремень (рис. 3, 4) и обломок кольцевидной обоймы (рис. 3, 5). Все перечисленные бляшки составляли единый комплекс и принадлежали к уздечному набору.

Пункт № 7 к юго-востоку от сел. Уртасарай. На левой стороне строящегося канала, на глубине 3 м от поверхности, в лессе, было найдено два бронзовых предмета: очень широкий

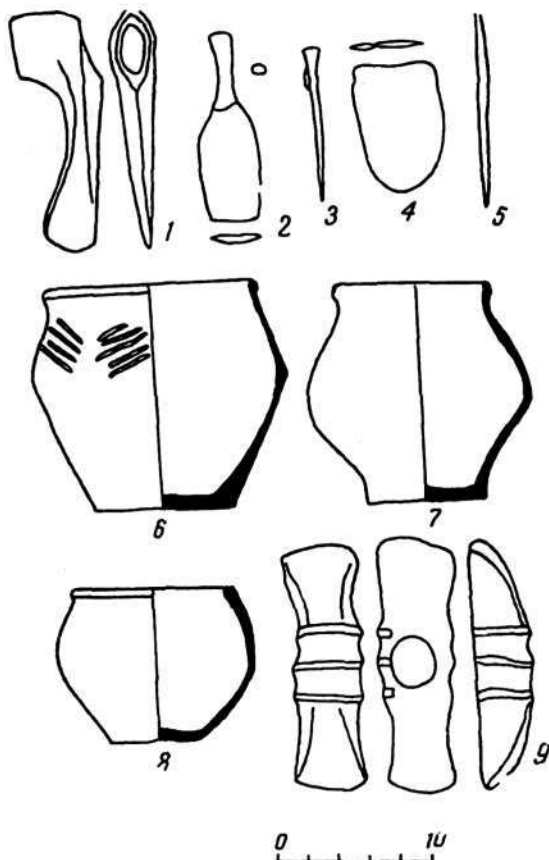

Рис. 2. Предметы бронзового века:

1—3 — Чимбайлыкский клад 1898 г.; 4—5 — нож и шило из пункта № 7; 6—7 — сосуды из пункта № 14; 8 — сосуд из пункта № 36; 9 — топор из пункта № 4 и камень.

нож, от которого сохранился конец в виде тонкого клинка шириной 5,3 см (рис. 2, 4), и большое (13,8 см) четырехгранное шило с коротким черенком для рукояти (рис. 2, 5).

Здесь же на выброшенной из канала земле мы обнаружили фрагмент большого глиняного сосуда (рис. 3, 7), вылепленно-

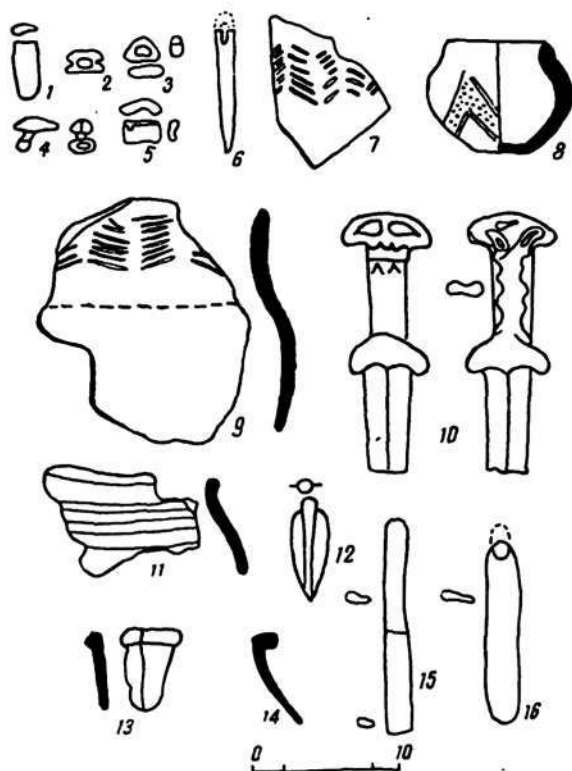

Рис. 3. Предметы бронзового и начала железного века:

1—5 — нож и уздечные бляшки из пункта № 5; 6 — булавка из пункта № 1; 7 — фрагмент сосуда из пункта № 7; 8—11 — керамика и кинжал из пункта № 12; 13—14 — обломки келта и сосуда из пункта № 16; 12 — наконечник стрелы из пункта № 20; 15 — нож из пункта № 21; 16 — нож из пункта № 30; 1—6, 10, 12, 13, 15, 16 — бронза, остальное — глина.

го вручную. Судя по плотному черепку, сосуд сделан из хорошо промешанной глины и сильно обожжен; в изломе и на поверхностях ровного темно-серого цвета. Сосуд украшен орнаментом в виде пояска из шести ломанных под углом линий, занесенных штамповкой.

Пункт № 10 к северо-востоку от сел. Бешбай. В выброшенной из канала земле был подобран фрагмент стенки с краем от большого лепного сосуда (рис. 3, 9), изготовленного из глины с примесью мелкотолченного кварца или гранитной дресвы. Сосуд прочный, в изломе и с поверхности черного цвета. Горло широкое, образованное чуть отогнутым венчиком, переходящим при помощи выступающего плечика в неширокий корпус. Выше плечиков сосуд украшен широким поясом, образованным 7—8 ломанными под углом линиями, оттиснутыми пластинчатым штампом.

Пункт № 12 к северо-востоку от сел. Бешбай. Здесь Ташкентский канал пересекает широкую (около 110 м) ложину, падающую с лесовых возвышенностей в долину р. Карасу, т. е. с востока на запад. На дне долины, в русле прокладываемого канала, на глубине 1 м от современной поверхности, обнаружены зольные пятна, ямы, отмечены некоторые находки. Отсюда происходит маленький округлый плоскодонный сосудик (рис. 3, 8) с прямым высоким обломанным горлом, украшенный по корпусу двумя ломанными под углом линиями, между которыми проходят один-два ряда точек. Черепок сосуда плотный, глина без примесей, обжиг выше среднего, цвет в изломе и на поверхности черный. Сохранившаяся высота сосуда 7,5 см, диаметр корпуса 10 см. Найденный здесь же черепок происходит от крупного лепного сосуда (рис. 3, 11). Край сосуда отогнут наружу и образует низкую шейку, ниже которой по плечу идет пояс из ряда горизонтальных линий, оттиснутых неглубоким штампом. Глина черепка плотно промешана и содержит обильную примесь толченых раковин: снаружи черепок черный, в изломе розоватый.

Недалеко отсюда был вырыт бронзовый кинжал со слегка погнутым клинком и обломанным концом (рис. 3, 10). Клинок короткий, массивный, в сечении ромбический. Рукоять отделяется от клинка перекрестием, воспроизводящим в литье накладку, отчасти похожим по форме на скифские кинжалы с бабочковидными перекрестиями. Рукоять очень короткая, массивная, с широким полукруглым навершием. Одна сторона ее плоская, навершие на ней украшено двумя значками, высеченными в металле зубилом в виде глазка. Ниже в разных местах видны насечки зубилом, образующие ломаные линии. По другой стороне рукояти идет желобок с волнистым краем, вверху заканчивающимся клювовидным выступом. Сохранившаяся длина бронзового кинжала 18 см, длина рукояти (без навер-

шая и перекрестия) составляет 7, ширина клинка 3,2, толщина 6 см.

Пункт № 13 к востоку от сел. Ореховского. На левой стороне канала в разное время было найдено два лепных сосуда. Один из них — горшочек из глины с обильной примесью толченых раковин (рис. 2, 8). У него остросереберный корпус, низкая шейка и отогнутый наружу венчик. По плечикам горшочек украшен 4—5 линиями неглубокого штампа, образующими треугольники. Обжиг неравномерный, поверхности покрыты темными и красными пятнами недокала. Высота сосуда 14,8 см, диаметр корпуса 16,5. Другой сосуд, по сообщению наших информаторов, происходит из могилы. У него высоко поставленный округлый корпус, сравнительно узкое горло и отогнутые приотстренные края (рис. 2, 7). В верхней части он украшен 3—4 слабо оттиснутыми ломанными под углом линиями. Глина сосуда с примесью толченых раковин, обжиг неравномерный, серого и черного цветов; наружная поверхность, хотя и неровная, заглажена или залощена до блеска. Внутри сосуда видно, как была наращена лента глины, образующая шейку с венчиком. Высота сосуда и диаметр корпуса по 14 см.

Пункт № 16 к востоку от сел. Ореховского. На левом берегу канала при снятии края насыпи кургана, стоящего на вершине лессового увала, найдены обломки бронзового кельта и лепного сосуда. От кельта (рис. 3, 13) сохранилась часть стенки с краем в виде выступающего ободка. Стенка с гранью, в ее широкой части есть отверстие с вдетым в него куском бронзовой проволоки. От сосуда сохранился край без орнамента (рис. 3, 14). Корпус сосуда был выпуклый, венчик сильно отогнутый наружу; глина черепка содержит обильную примесь толченых раковин, плотно промешана, цвет черепка светло-желтый.

Пункт № 20 к северу от сел. Ангар. На правом берегу канала в разных местах обнаружено два бронзовых наконечника стрел, один из которых утрачен. Сохранившийся экземпляр (рис. 3, 12) — двухлопастный с коротко выступающей втулкой; длина наконечника 5 см, ширина 2,5.

Пункт № 21 к северу от сел. Ангар. На правом берегу канала, на глубине 1 м от поверхности, найден бронзовый нож с обломанным в настоящее время концом клинка (рис. 3, 15). Нож прямой, однолезвийный со слабо обособленной рукоятью; лезвие очень острое. Длина сохранившейся части ножа 14,5 см, длина рукояти 8,5, ширина клинка 1,8 см.

Пункт № 30 к югу от сел. Уртааул. На левой стороне канала, южнее оврага Бургүлюк, обнаружен однолезвийный нож с обломанными концами (рис. 3, 16). Спинка ножа слегка горбатая, лезвие прямое, острое, вверху рукояти есть отверстие для ремешка. Сохранившаяся длина ножа 12,3 см, ширина 2,2.

Пункт № 34 на берегу р. Ахангаран. Близ края высокого правого надпойменного берега р. Ахангаран в разных местах найдено два маленьких четырехгранных шила.

В дополнение к описанным упомянем еще о бронзовой массивной булавке (рис. 3, 6) из урочища Кызылсай, близ начала Ташкентского канала. Булавка четырехгранная с обломанным верхним концом, на котором виден край ушка. Длина ее 8,8 см, ширина 1, толщина 0,4 см.

Как видно из приведенных описаний, часть предметов обнаружена в местах древних поселений (пункт № 12), часть — в погребениях. Судя по комплексности находок и сведениям информаторов, к числу погребальных можно отнести находки в пунктах №№ 5, 7, 14, 16. Происхождение других находок не выяснено.

Возраст, а иногда и культурная принадлежность некоторых находок определяются сравнительно легко. К числу древнейших среди них с известной долей вероятности можно отнести фрагмент широколезвийного ножа и шило из пункта № 7 около сел. Уртасарай (рис. 2, 4, 5). Шило длинное, что, как известно по данным археологии юга Европейской части СССР, было свойственно культурам среднего бронзового века, первой половины II тыс. до н. э. По-видимому, к этому времени можно отнести и нашу находку, чему не противоречит широкий нож. В связи с этими предметами упомянем об известном кладе бронз, найденном в 1898 г. на берегу р. Чирчик.

Мы упоминали об этом кладе в одной из своих статей, где неудачно поместили его в схеме периодизации культурных ступеней Согда и Чача вместе со значительно более поздними находками бронзового века³. В состав клада входят вислобушный топор хорошего литья с овальным проухом для рукояти, тщательно откованный обоюдоострый нож с прямым черенком, заканчивающийся лопаточковидным расширением, булавка в виде четырехгранного стержня с круглой высокой шейкой и круглой шляпкой на конце и 577-граммовый слиток

³ Тереножкин А. И. Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII. М.—Л., 1950, рис. 69, 2—4 и рис. 70, 1, 2.

бронзы (рис. 2, 1—3). Нож из клада по форме похож на ножи катакомбной и одновременных с ней культур Восточной Европы, чем и определяется его возраст, соответствующий в основном второй четверти II тысячелетия до н. э.⁴

Следующую отчетливо выделяемую группу составляют памятники среднеазиатского варианта андроновской культуры. К их числу принадлежат прежде всего глиняные сосуды из захоронений к югу от селения Бешбай в пункте № 14 (рис. 2, 6, 7), из пункта № 36 около сел. Караташ (рис. 2, 8) и, вероятнее всего, обломок кельта в пункте № 16 у сел. Ореховское (рис. 3, 13). К андроновской культуре, очевидно, следует отнести также большой бронзовый двулопастной наконечник стрелы из пункта № 12 у сел. Ангар, соответствующий по форме и размерам наконечникам стрел клада из сел. Бурчмулла в Ташкентской области, относящегося к основному периоду андроновской культуры⁵.

Далее следуют памятники самого конца бронзового и начала железного века. Среди них прежде всего назовем различные уздечные принадлежности и обломок бронзового однолезвийного ножа из пункта № 5 около сел. Уртасарай (рис. 3, 1—5), многочисленные аналогии которым имеются, например, в составе заупокойных даров из курганов Уйгарака VII в. до н. э.⁶ К этому или несколько более раннему времени можно отнести и отдельные находки бронзовых однолезвийных ножей (рис. 3, 15, 16). Интересно, что керамика, которая по обстоятельствам находок могла бы быть связана с древностями начала железного века (рис. 3, 7—9), судя по формам и ornamentации, находилась здесь в прямой зависимости от андроновских традиций⁷. К этому времени относится и очень интересный бронзовый кинжал, найденный в окрестностях сел. Бешбай и отлитый, как нам кажется, по кинжалу скифского образца с железным клинком (рис. 3, 10). Железный акинак⁸

⁴ Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. М., 1955, рис. 12, 2 и 3.

⁵ Тереножкин А. И. Клад андроновских бронзовых предметов из с. Бричмулла близ Ташкента.— СА, 1962, № 3, с. 279, рис. 2, 1—4.

⁶ Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. М., 1973.

⁷ Кривцова-Гракова О. А. Указ. соч., с. 53, рис. 12, 2, 3; Она же. Археология Украинской ССР. Т. 1. Киев, 1971, с. 321, рис. 88, 8.

⁸ Максимов Е. К., Полесских М. Р. Заметка об акинаках.— СА, 1971, с. 242, рис. 1, 1, 2.

с бронзовой рукоятью, по которой идет желобок с волнистыми краями («фигурные вырезы»), который происходит из села Лопатино Пензенской области, может служить редкой аналогией к нему.

Памятники бургулюкской культуры

В урочище Уйшун (Уйсун), на берегах оврага Бургулюк, трасса канала рассекла небольшое древнее поселение, обозначенное на нашей карте пунктом № 27.

До начала земляных работ на Ташкентском канале мы осмотрели часть поселения на левом берегу оврага. Здесь по обеим сторонам трассы канала найдено три холмика, похожих на насыпи курганов, на поверхности которых было подобрано несколько фрагментов лепной посуды. Канал прошел между этими буграми и лишь отчасти затронул их полы. Позже мы выяснили, что культурный слой прослеживается на протяжении 170 м. Он залегает на глубине 0,6—1 м от поверхности и отличается небольшой насыщенностью материалами, состоящими преимущественно из обломков глиняной посуды, различных зернотерок и костей животных.

На вскрытом участке поселения обнаружено несколько расположенных недалеко друг от друга ям, представляющих остатки землянок. Обстоятельства не позволили нам выяснить планировку этих жилищ, тем не менее по разрезам удалось установить, что по длине и ширине они были довольно обширными. Так, на левом борту канала зачистился полный разрез одного из жилищ (рис. 4), длина которого равнялась 7,6 м, а глубина от поверхности 2,6 м. В правой стороне ямы находилась глиняная (пахсовая) вымостка шириной 1,5 и высотой 0,3 м, соответствующая по своему положению у стены землянки суфе (лежанка). В понижении, в середине жилища, видны две выкладки из сырцовых кирпичей: с правой стороны от середины они лежали горизонтально, образуя своего рода стопку, слева они сплошным рядом были поставлены на ребро. По одной полностью сохранившейся стороне удалось установить, что длина кирпича равнялась 32 см, ширина точно не определена, но вероятнее всего кирпичи были квадратной формы. Толщина их 8—10 см. Ниже кирпичей находилось кострище диаметром 30 см. Яма жилища над полом была заполнена тонкослоистыми напластованиями золы с обычными культур-

ыми остатками. В нескольких местах на поселении отмечены глинобитные печи, тщательно промазанные изнутри жидкой глиной. Детально описать такие печи нам не удалось.

На правом берегу оврага Бургулюк в 60 м ниже линии трассы канала обнаружен курганоподобный холм. В шурфах, заложенных нами на его вершине, на глубине 1 м от поверхности отмечен золистый культурный слой, содержащий зна-

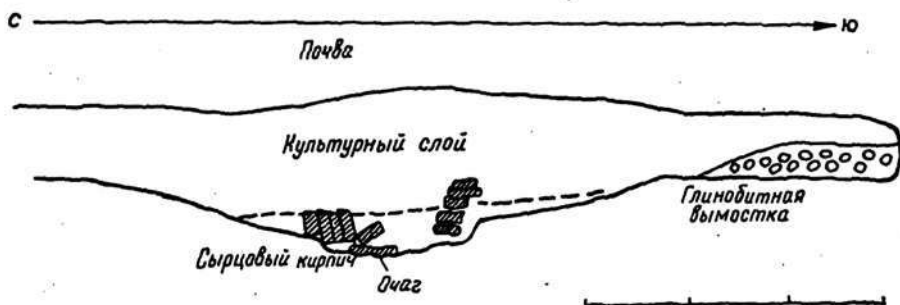

Рис. 4. Разрез землянки на поселении бургулюкской культуры на левом берегу оврага Бургулюк, в пункте № 27.

чительное количество обломков глиняной посуды и костей животных.

Собранные на поселении керамические материалы отличались особым своеобразием, что позволило нам выделить ранее не известную для Ташкентского оазиса культуру раннего железного века, названную по местонахождению первого открытого памятника бургулюкской.

По трассе канала, в пункте № 36, на краю надпойменного берега р. Ахангаран, найдена миска бургулюкского типа с попорченным краем. Недалеко отсюда, на левом берегу канала, в лесу, на глубине 2—5 м обнажились какие-то нами не установленные сильно изогнутые прослойки земли, насыщенные золой и докрасна прокаленными комьями глины с мелкими обломками сосудов бургулюкского типа. На левом берегу оврага Бургулюк, в пункте № 29, в 1,5 км выше трассы канала и на краю надпойменной террасы р. Ахангаран, в пункте № 37, в 2 км выше трассы канала, обнаружено два бургулюкских поселения. Культурный слой в пункте № 37, в береговом обнажении залегает на глубине 1—1,5 м и отчетливо прослеживается до 70 м.

Описываемая ниже керамика и другие предметы происходят преимущественно с поселения в овраге Бургулюк, в пункте № 27. Значительная часть фрагментов сосудов с бургулюкских поселений представлена чашами или мисками, котлами для варки пищи и жаровнями. Их лепили на шаблоне, обтянутом тканью, от которой на внутренней стороне дна иногда виден четкий отпечаток грубоватого полотняного плетения. На шаблоне изготавливали только дно сосуда, а стенки и края наращивали из более или менее широких лент глины. Миски лепили наращиванием лишь одной ленты, а котлы — трех или четырех полос, причем верхняя, образовавшая край сосуда, была самой узкой.

Чаши лепили из тщательно промешанной глины с небольшой примесью мелкооточенной дресвы (гранит); хотя их поверхности тщательно заглаживали, все же на них заметны неровности от вдавлений пальцами. Обжиг чаш значительно выше среднего, поэтому они ровного светло-желтого цвета. Одна чаша (рис. 5, 1) полушаровидной формы со слегка вогнутыми краями; диаметр венчика ее 16,4 см, высота 10,4. Другая чаша также полусферическая, но более глубокая и с сильнее вогнутыми краями (рис. 5, 2); диаметр венчика 18 см, диаметр корпуса 20 и высота 14 см. Встречаются обломки чаш с отогнутым наружу (рис. 5, 3) и прямым краем (рис. 5, 4). Некоторые чаши расписаны красной краской. Мы нашли обломок одной большой чаши (25 см в диаметре) (рис. 5, 5), по краю расписанной вертикальными соединенными внизу полосками, нанесенными пальцами.

Одни котлы, изготовленные из глины с небольшой примесью дресвы, светло-желтого цвета, как и миски, другие, в глине которых больше дресвы, темного. Один большой целый котел происходит с Бургулюкского поселения (пункт № 27). Форма его (рис. 6) неправильная шаровидная, с широким горлом, образованным отогнутым венчиком. Он снабжен коротким носиком, поставленным под краем, а на противоположной стороне — ручкой, имеющей вид широкой длинной пластины, поставленной горизонтально и немного приподнятой. Сделан он из глины с обильной примесью дресвы, поэтому черепок у него рыхлый, хотя обжиг хороший. Низ котла перекалился и закоптился от долгого использования для варки пищи. Высота котла 34 см, диаметр венчика 34, диаметр корпуса 48,5 см. Обломки от подобных больших котлов обычны в материалах бургулюкских поселений. Наряду с ними постоянно встречаются

ся обломки и небольших котелков такой же формы, снабженные носиками для слива и ручками. В двух случаях ручки у котлов были другой формы: у одного (рис. 5, 6) — в виде

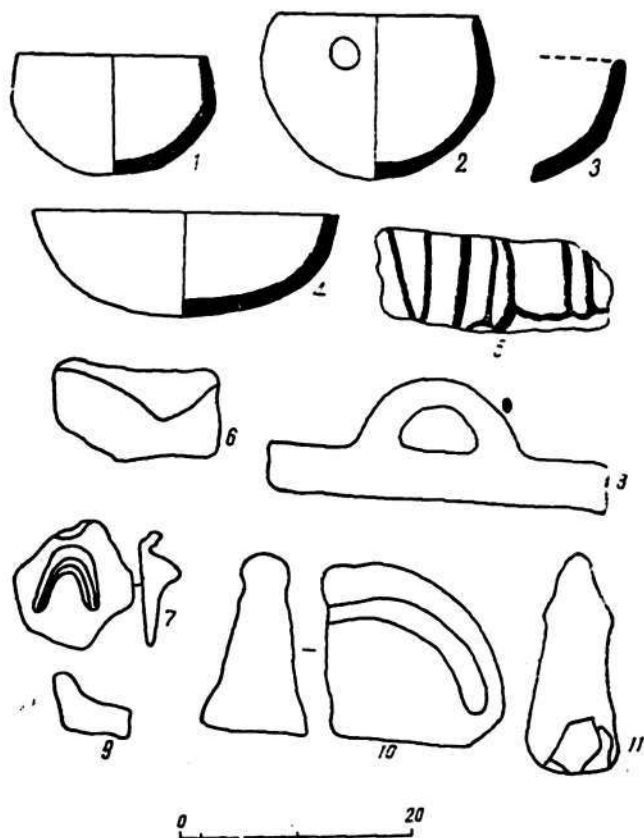

Рис. 5. Предметы бургулюкской культуры:

1, 3—10 — керамические изделия с поселения в пунктах № 26 и 27 на берегах оврага Бургулюк; 11 — пест; 2 — миска из пункта № 33; 1—10 — глина; 11 — камень.

массивного округленного выступа края, опущенного вниз, у другого (рис. 5, 7) налепленная ниже края ручка имеет подковообразную форму.

Котлы закрывались глиняными крышками. Одна целая крышка (рис. 5, 8) представляет массивный кружок с прямо обрезанными краями и большой дуговидной ручкой. Обжиг ее

высокий, цвет желтый, диаметр 29,5 см, толщина 4 см. Края у крышек, как и в описанном выше случае, прямые или закругленные. Концы ручек закреплялись в глубоких гнездах, делавшихся на крышках, и снаружи тщательно обмазывались глиной.

Жаровни круглые, плоскодонные, с вертикальными снаружи и отлогими изнутри низкими стенками (рис. 5, 9). Диаметр их 30 см, высота 3,6 см. Встречаются их обломки редко, при

Рис. 6. Глиняный котел из пункта № 27 на левом берегу оврага Бургулюк:

а — вид сбоку; б — вид сверху.

этом они бывают такими рыхлыми из-за обильной примеси дресвы в глине, что рассыпаются в руках.

На поселениях часто находят зернотерки, песты, терочники, изготовленные из гранита. Зернотерки обычные, имеют вид свальных плит с плоской поверхностью. Нижние плиты — 35 см длины, 15 см ширины и до 7 см высоты. Верхние камни по форме похожи на нижние, но округлее и меньше. Длина их бывает до 24 см, ширина 8, высота 6 см. Пестики обычные, коническо-цилиндрические, расширяющиеся к низу, под верхом имеют рельефный поперечный пояс для упора руки (рис. 5, 11). Терочники, как и во всех памятниках древних культур, шаровидные (до 8 см в диаметре), с грубо оббитыми поверхностями и зашлифованными до блеска плоскостями. Все орудия (зернотерки, песты и терочники) служили для переработки различных продуктов земледелия.

Глиняные стойки (рис. 5, 10) — это массивные полукруглые фигуры с широким, устойчивым основанием. Длина их до 23 см, ширина основания до 9, высота 13 см. По обеим сторонам они украшены дуговидно идущими неглубокими желобками.

Заканчивая описание вещей с поселений бургулюкского типа, упомянем еще о четырех бусинах-пронизях из стекловидной пасты цвета слабой окиси меди; длина их до 3 см.

Размеры поселений, их количество, остатки больших жилищ, широкое употребление глины в постройках, наличие сырцовых кирпичей в качестве обычного строительного материала и часто встречающиеся на поселениях орудия для переработки продуктов земледелия свидетельствуют, что носители бургулюкской культуры вели устойчивый оседлый образ жизни и были по преимуществу земледельцами, очевидно, на основе развитой ирригации. Кости домашних животных (лошади, крупный и мелкий рогатый скот) находили на поселениях в сравнительно небольших количествах, видимо, скотоводство занимало у жителей второстепенное место.

Мы не располагали вещественным материалом, на основании которого можно было бы точно установить абсолютную хронологию памятников бургулюкского типа. Лучше обстоит дело с их относительной хронологией. Вскоре после открытия бургулюкских поселений на трассе Ташкентского канала мы обратили внимание на то, что культурные остатки бургулюкского типа в виде обломков круглодонной посуды с отпечатками тканей оказались в слоях, подстилающих на Каунчитепа руины архитектурных сооружений и культурных наслоений с материалами культуры Каунчи II, выделенной Г. В. Григорьевым. Подобная стратиграфия позволила нам еще в 1940 г. точно установить, что бургулюкская культура старше ступени Каунчи II. Руководствуясь тем, что бургулюкская керамика близка по формам к усуньской в Киргизии, памятники которой М. П. Грязнов и М. В. Воеводский датировали III—I вв. до н. э., мы отнесли бургулюкские поселения в Ташкентской области к тому же периоду⁹. Позднее, пытаясь согласовать хронологию ранних культур Согда и Чача между собой, мы отнесли бургулюкскую культуру к IV—III вв. до н. э. и обратили внимание на ее связь с Семиречьем¹⁰.

После наших работ на Ташкентском канале памятники бургулюкской культуры вновь привлекли внимание исследователей лишь три десятилетия спустя. Ю. Ф. Буряков и Г. Дада-

⁹ Тереножкин А. И. Каунчи-тепа.— «Известия УзФАН СССР», 1940, № 8, с. 84—86.

¹⁰ Тереножкин А. И. Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII. М.—Л., 1950, с. 153 и 155, рис. 69, XVII.

баев, производившие археологические работы в Ташкентской области в 1968—1970 гг., обнаружили еще ряд тепе, на которых под наслоениями времени Каунчи II оказались слои с бургулюкскими материалами. Полученные ими данные обогатили наше представление об этой культуре, еще раз подтвердили ее большое историко-культурное значение для изучаемой территории. Им удалось установить, что наличие расписанных красным ангобом сосудов и их формы указывают на связь бургулюкской культуры с чустской, восходящей к началу железного века, и памятниками шурабашатской ступени в Фергане, относящимися к V—III вв. до н. э.¹¹

К сожалению, в новых материалах отсутствовали предметы, которые помогли бы нам уточнить абсолютный возраст бургулюкской культуры. Непреложен тот факт, что она относится к раннему железному веку и, не имея истоков в местных культурах позднего бронзового века и начала эпохи железа, как следует из материалов с Ташкентского канала (рис. 2 и 3), очевидно, обязана происхождением каким-то еще не ясным нам миграционным процессам, истоки которых могут лежать в Фергане.

Керамика начала железного века, ряд образцов которой описан выше (рис. 3, 7—9, 11), была плоскодонная и украшалась преимущественно поясами ломанных под углом линий. По формам и орнаментации она генетически, по-видимому, связана еще с андроновской культурой, широко распространенной в Средней Азии. Если мы не ошибаемся, относя такую керамику к началу железного века, чего нельзя категорически исключать, учитывая случайность ее находок в ходе наблюдений на строительстве Ташкентского канала, то можно предположить, что в ту эпоху в Ташкентском оазисе не было чустских культурных элементов и, следовательно, появиться на этой территории они могли лишь несколько позднее, приблизительно в VII или VI в. до н. э. в результате передвижения больших этнических групп из Ферганы.

Памятники каунчинской культуры

Честь открытия и первоначального изучения каунчинской культуры принадлежит Г. В. Григорьеву. В 30-х годах он вы-

¹¹ Буряков Ю. Ф., Дадабаев Г. Памятники античного времени в Ташкентском оазисе. ИМКУ, вып. 10, 1973, с. 41 сл., рис. 1—5.

делил ее в результате обследования и раскопок на Каунчитепи и других ему подобных в Ташкентском оазисе. Он разделит эту культуру на две ступени — Каунчи I и Каунчи II. Следуя его заключению мы также писали о существовании двух таких культурных ступеней. Однако, если черты Каунчи II были для нас во всех отношениях очевидны, Каунчи I оставалась недостаточно ясной. Мы не отрицаем, что такая культурная ступень, как Каунчи I, существовала, но до сих пор неизвестно, чем определяется ее своеобразие. Л. М. Левина, много занимавшаяся проблемами культур области среднего течения р. Сырдарьи, по-своему решила вопрос об этих культурных ступенях: все те признаки, которыми Г. В. Григорьев характеризовал ступень Каунчи II, она целиком перенесла на культурную ступень Каунчи I, а ступень Каунчи II поставила в соответствии с той ступенью, которую в среднеазиатской археологии принято называть джунской культурой¹². В течение долгого времени такая подмена археологических понятий оставалась непонятой, тем более, что Л. М. Левина в своей замечательной работе о керамике не сделала никаких оговорок по интересующему нас вопросу.

Мы придерживаемся старой номенклатуры, вкладывая в определение ступени Каунчи II те признаки, которыми определял ее в свое время Г. В. Григорьев; самым главным для нее он считал наличие кружек с зооморфными ручками, исчезающих в джунское время. Не исключено, что ступени «Каунчи I», о которой писал Г. В. Григорьев, не существовало, поэтому в данном случае речь должна идти только о каунчинской культуре. Ни в ходе наблюдений на строительстве Ташкентского канала, ни позднее мы не обнаружили данных, подтверждающих возможность выделения особой ступени Каунчи I. Под культурой Каунчи мы подразумеваем только ту культурную ступень, которую Г. В. Григорьев называл «Каунчи II».

Важнейшие памятники этой ступени мы обнаружили к востоку от сел. Бешбай, где Ташкентский канал прошел через край небольшой курганной группы. В пункте № 13 при прокладке канала было скрыто несколько курганов, обнаружилось и несколько могил без насыпей. Все могилы имели вид катакомб, однако ни в одном случае нам не удалось проследить форму входных ям из-за высокого темпа земляных работ на

¹² Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. М., 1971, с. 178 сл.

стройке. Курганы располагались на вершине и по склонам небольшого лессового увала.

Могила в пункте № 11 к северо-востоку от сел. Бешбай. При зачистке берегового откоса Ташкентского канала на глубине

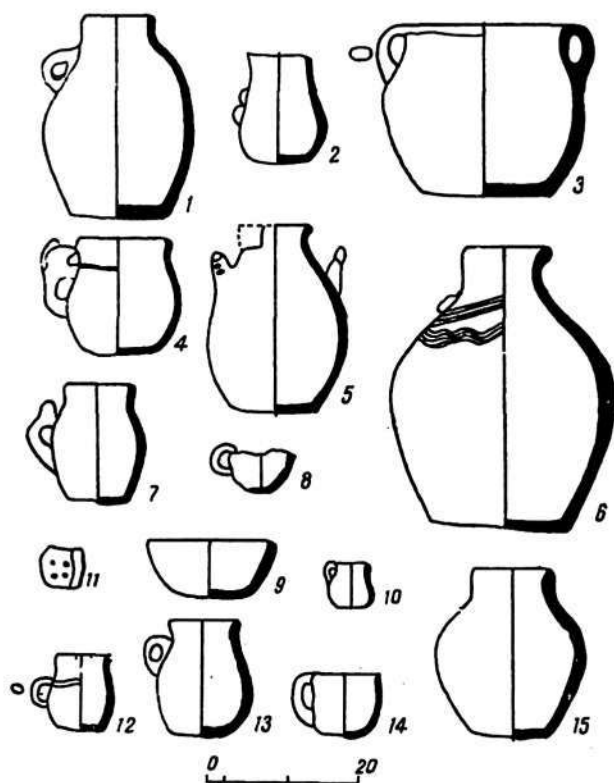

Рис. 7. Глиняные сосуды культуры Каунчи II:

1, 2, 7, 10 — из могил пункта № 13; 3—6 — из могил пункта № 11; глиняные сосуды джунской культуры: 8, 9, 11 из кургана 14 в пункте № 13; 12—15 — из могил в пункте № 27.

2,5 м от поверхности был срыт край могильной ямы. Курганный насыпи над ней не замечено. Из могилы извлечены два кувшина, кружка и корчага. Кружка большая, искусной работы (рис. 7, 4), отличающаяся широкими пропорциями. Ручка у нее украшена оригинальной головкой животного с тремя

продольными гребнями. Кувшин (рис. 7, 5) средних размеров, корпус его яйцевидный, сильно сужающийся кверху, шейка образована отгибом венчика. На плечиках находятся две дуговидные ручки, украшенные косыми насечками. Сосуд покрыт красным ангобом и тщательно отделан вертикальным лощением. Другой кувшин (рис. 7, 6) отличается большими размерами. Корпус у него яйцевидный, горло сравнительно широкое, венчик отогнут наружу. Ручка была одна, вертикальная, но она не сохранилась. По верхней части корпуса сосуд украшен шестью прямыми и волнистыми лентами, нанесенными гребенчатым зубчатым инструментом. Корчага (рис. 7, 3) — это широкий, довольно высокий сосуд с двумя вертикальными ручками по краям.

Недалеко от этого места, в могильной яме под курганом, найдены лепной кувшин без ручек, небольшая кринка с обломанным краем и ручкой, украшенная двумя резными линиями, и корчага с резным орнаментом.

Могила в пункте № 13 к северо-востоку от сел. Бешбай. Могила № 1. Дно могилы (рис. 8) обнаружено у правого борта канала на глубине 3,5 м от поверхности поля. До расчистки землекопы извлекли из нее два сосуда. В могиле оказалось три захоронения.

Захоронение 1. Костяк ребенка возраста смены зубов лежал в вытянутом положении на спине головой на северо-восток. По распавшимся костям черепа рассыпаны голубой, зеленый и прозрачный стеклянный бисер, обломки полых бронзовых шариков и круглых позолоченных бус, служивших, очевидно, украшением головного убора. На запястье правой руки обнаружены остатки перевязи-браслета из нити или жилки, с нанизанными на нее чередующимися между собой бронзовыми бубенчikovидными пуговками с петельками и крупными стеклянными распавшимися бусинками (рис. 9, 1).

Погребение 2. Костяк, вероятно, мужской, лежал в том же положении, что и предыдущий, справа от него. На левой стороне грудной клетки найдена крупная, похожая на пряслице, керамическая пуговица в виде неправильного кружка с отверстием в середине (рис. 9, 2).

Погребение 3. Скелет ребенка, сильно потревоженный землекопами, лежал вправо от предыдущего и в той же позе, как можно было судить по остаткам костей. Справа от черепа стояли большая глиняная кружка и маленький кувшинчик. Кружка (рис. 10, 3) лепная, плоскодонная, с выпуклым кор-

пусом и почти прямым венчиком. На плечике вертикальная зооморфная ручка с отбитой головкой, вероятно, изображавшая хищника. Поверхность сосуда покрыта красным ангобом и немного залощена. Кувшинчик (рис. 10, 4) очень грубой лепки, на узком горле — маленькая вертикальная ручка. Около правой ноги костяка найдена железная кольцевидная пряжка

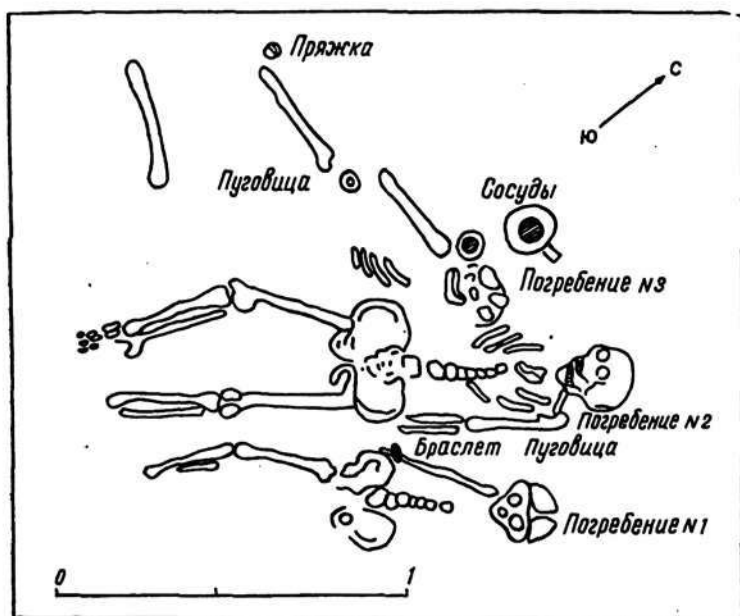

Рис. 8. План могилы 1 в пункте № 13 к востоку от села Бешбай.

ка с короткой хоботкообразной загнутой вниз иглой (рис. 9, 4) и пуговица (рис. 9, 3) из белого известнякового камешка в виде четырехугольной плиточки с одним отверстием.

По сообщению землекопов, ранее найденные ими сосуды — кружка и кувшин — стояли в ногах захороненного. Кружка (рис. 10, 2) небольшая с вертикальной ручкой, заканчивающаяся вверху заостренным выступом. Кувшин (рис. 10, 1) большой с высоким выпуклым корпусом и небольшим горлом, на котором находится маленькая четырехгранная в поперечнике ручка с круглым налетом вверху в виде лепешечки. Судя

по стройности формы и наличию песчаной подсыпки на дне, кувшин, по-видимому, изготовлен на ручном круге.

Могила № 2. Могила обнаружена в средней части трассы канала. В ней было два захоронения взрослых людей, лежавших в вытянутом положении головой на восток.

Погребение 1. В изголовье скелета стоял кувшин, края которого и ручка частично обломаны при земляной работе (рис. 10, 6). У кувшина сравнительно высокое неширокое гор-

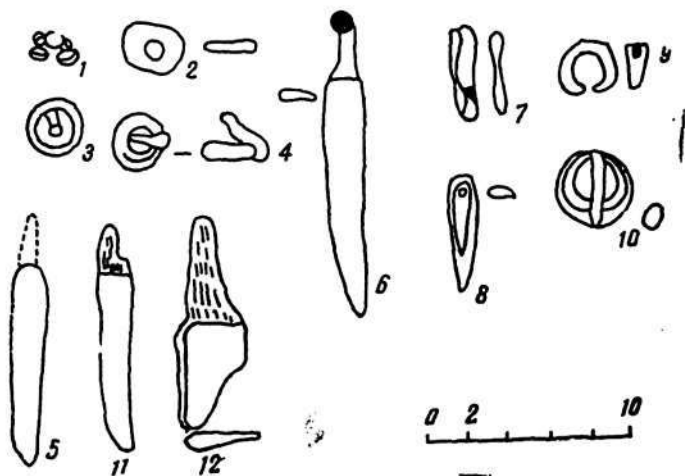

Рис. 9. Вещи культуры Каунчи II:

1 — браслет-перевязь; 2—3 — пуговицы; 4 — пряжка; 5—6 — ножи; 7 — пинцет; 8 — каменное острие для сурмления; 9 — перстень; 10 — пряжка; 11 — нож из могил в пункте № 13; 12 — кинжал из могил джунской культуры в пункте № 15.

ло с помещенной на нем вертикальной ручкой. Внутри сосуда видны незаглаженные швы на линиях наращивания стенок при лепке горизонтальными лентами. У стопы левой ноги стояла глиняная кружка (рис. 10, 5) с выпуклым корпусом и прямым горлом. Ручка у нее вертикальная с головкой барана. Поверхность сосуда покрыта красным ангобом и частично за-
лощена.

Погребение 2. На левой стороне груди скелета лежала часть какого-то маленького железного орудия. У правой руки, ниже локтя, найден железный нож с обломанными концами длиной в 9 см (рис. 9, 5). У левой ноги лежали две почти одинаковые по форме и размерам кринки. У более характерной

(рис. 10, 7) из них узкий высокий корпус, переходящий в неширокое горло с отогнутым наружу венчиком. Ручка вертикальная с тремя глубокими ямками. Поверхность сосуда по-

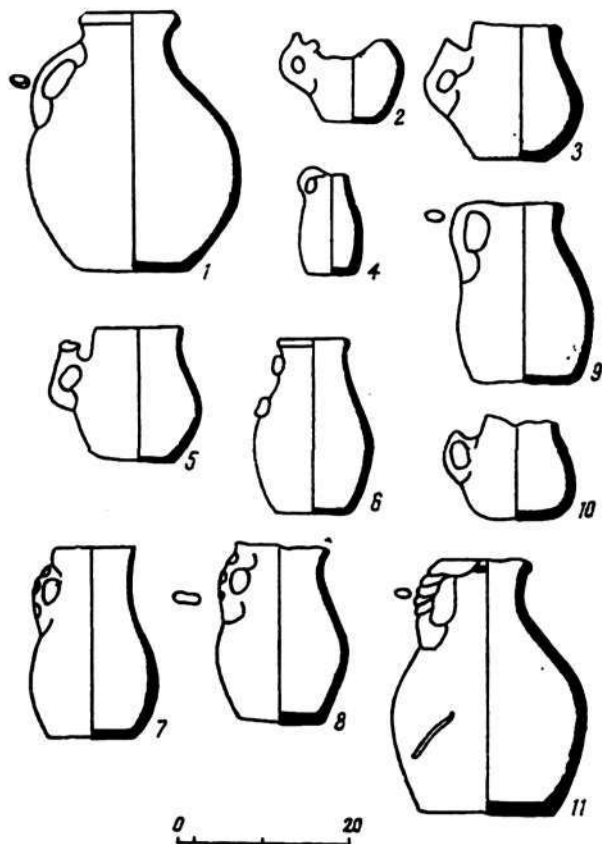

Рис. 10. Глиняные сосуды из могил пункта № 13 культуры Каунчи II:

1—3 — из могилы 1; 4—8 — из могилы 2; 9—11 — из могилы 5.

крыта красным ангобом. Вторая кринка (рис. 10, 8) отличается от предыдущей только более широкими пропорциями, на ручке заметны пальцевые вдавления.

Могилы № 5. Могилы обнаружена почти у самой подошвы увала, на поверхности признаков курганный насыпи не заме-

чено. Глубина ее от поверхности 3 м. Погребальная камера имела вид катакомбы длиной несколько более 2,5 м, шириной 2 и высотой 1 м и была заполнена рыхлой землей. В могиле находилось три погребения.

Погребение 1. Костяк взрослого человека лежал вдоль западной стены могилы головой на юг; левые конечности, прижатые к стенке катакомбы, были вытянуты, правая рука откинута почти перпендикулярно в свободное пространство камеры, правая нога согнута в колене. В головах костяка стояла широкодонная кринка ручной работы с высоким корпусом и вертикальной ручкой, идущей от края (рис. 10, 9).

Погребение 2. Костяк взрослого человека лежал вдоль северной стены катакомбы головой на восток. Череп ушел в приподнятые плечи, ноги слегка согнуты в коленях и свалились на левый бок. У верхнего эпифиза правого бедра (очевидно, раньше у пояса) лежал небольшой железный нож (рис. 9, б): черенок короткий, так что деревянная рукоять обнимала верхнюю часть клинка, спинка ножа дуговидно изогнутая, лезвие почти прямое; длина клинка ножа 11 см, черенка 2,7, ширина клинка 1,8 см. За черепом, у восточной стенки катакомбы, найдены белые стеклянные бусы в виде коротких пронизей (большинство распалось), серая полушаровидная бусина, пряслицевидная глиняная пуговица (распалась), косметический пинцетик (рис. 9, 7), согнутый из железной полоски со следами нитяной обмотки у рабочего конца, длиной 4,3 см, шириной 0,9 см; косметическое острие (рис. 9, 8) с отверстием для подвешивания из плотного камня темно-розового цвета длиной 5,5 см, шириной 1,3 см; комочек графита-сурьматаш, железные перстень и пряжка из стержня, который имеет ромбическое сечение с недлинным язычком и загнутым вниз концом (рис. 9, 10).

Погребение 3. Скелет взрослого человека расположен вытянуто вдоль южной стены камеры головой на восток. Правая рука лежала вдоль туловища, левая откинута в свободное пространство гробницы под прямым углом, ноги слегка раскинуты в коленях. В юго-восточном углу катакомбы, за черепом, стояли большой кувшин и кружка. Кувшин (рис. 10, 11) лепной работы с высоким выпуклым корпусом, высоким широким горлом. Ручка скручена из круглых колбасок в виде жгута, идет от края и упирается в нижнюю часть шейки. Поверхности сосуда, особенно в верхней половине, тщательно заглажены, обжиг отличный. Кружка (рис. 10, 10) грушевидной формы

с обычной вертикальной ручкой и гладким выступом вверх. Поверхности сосуда заглажены до блеска и покрылись при обжиге сеткой мелких трещин. Под западным краем кувшина оказалась фаланга пальца с железным перстнем без глаза (рис. 9, 9).

Могила № 7. Мы затрудняемся сказать определенно, была ли здесь грунтовая яма или катакомба, вернее всего послед-

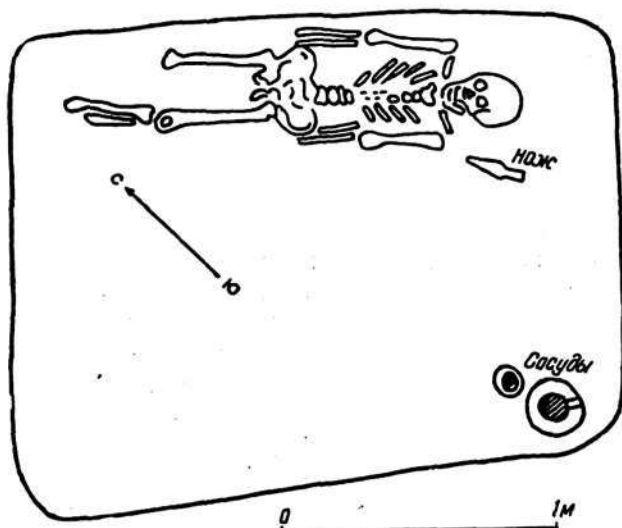

Рис. 11. План могилы 7 в пункте № 13 восточнее сел. Бешбай.

нее. Дно ее обнаружено на глубине 2,5 м от поверхности поля. Могила (рис. 11) имела вид широкого четырехугольника неправильной формы длиной 2,15 м и шириной 1,5—1,75 м. Вдоль северо-восточной стены в вытянутом положении головой на юго-восток лежал скелет взрослого человека. Слева от черепа найден железный нож (рис. 9, 11) с коротким черенком, следами деревянной рукоятки, заходившей на верхнюю часть клинка, и клинком с горбатой изогнутой спинкой. В южном углу могилы особняком стояли кружка и кувшин. Кружка (рис. 7, 2) обычной грушевидной формы с отбитой в древности ручкой, имевшей, вероятно, зооморфную головку, покрыта ангобом красного цвета и тщательно заглажена в верхней половине.

Кувшин (рис. 7, 1) грубой ручной работы с криво посаженной ручкой на плече. Поверхности этого сосуда плохо заглажены, по-видимому, из-за наличия большой примеси дресвы в глине.

Могила № 6. Над могилой не было видно курганной насыпи. Глубина ее от поверхности 3 м, план ее не выявлен. Из нее извлекли большую миску с прямыми стенками, покрытую красным ангобом, ручку от разбитого лепного кувшина, два миниатюрных сосудика с ручками, один из которых тщательной ручной работы с красным ангобом (рис. 7, 10), а другой, подобный ему по форме, грубее и не ангобирован, круглая пуговица-бусина из кремнистой породы камня, недостаточно отшлифованная. Материалы из этой могилы дошли в полуразрушенном виде. К числу каунчинских памятников она отнесена на основании находки миски, подобной миске из описываемой ниже могилы № 8.

Могила № 8. Обнаружена при прокладке канала несколько выше по его течению от описанных ранее захоронений. Из нее происходят: широкая кружечка с ручкой, снабженной головкой животного, отбитой в древности, маленький черный сосудик с двумя вертикальными ручками и залощенными до блеска поверхностями, миска с прямыми стенками и неправильно обрезанными краями, покрытая внутри и снаружи красным неравномерно заглаженным ангобом, каменное точильце, имеющее вид четырехгранного брусочка с обломанным концом и затертыми от точки поверхностями, круглая крупная бусина из кремнистой породы.

Чтобы закончить описание памятников каунчинского типа, обнаруженных при строительстве Ташкентского канала, нам остается упомянуть о трех кружках с зооморфными ручками, происходящих из разрушенных могил в пункте № 13 у сел. Бешбай и сел. Ореховское. На ручках двух кружек отмечены головки баранов с рогами в виде двусторонней спирали, на ручке третьей (пункт № 13) изображено хищное животное (рис. 7, 7) со стоячими ушами и длинной мордочкой, схематический сходное с лисицей или собакой.

Инвентарь из могил каунчинской культуры не отличается разнообразием. Более обильно представлены различные кувшины, кринки, кружки, корчажки и миски, железные ножи и некоторые украшения в виде бус и пуговиц. Глиняная посуда из этих могил во всем идентична керамике культуры Каунчи II из раскопок Г. В. Григорьева, среди нее нет только

котлов для варки пищи¹³. Характерно, что могилы эти коллективные и не содержат предметов вооружения, что резко отличает их от могил джунского типа, о которых речь пойдет ниже.

Могилы джунской культурной ступени

К их числу мы отнесли различные остатки из случайно открытых и большей частью разрушенных могил, объединяемых близкими по формам глиняными сосудами, изготовленными на гончарном круге, некоторыми лепными сосудами и связанными с ними металлическими изделиями. В наблюдаемых случаях по составу вещей они соответствуют захоронениям в курганах около г. Янгиюля, раскопанным в 1937 г., той их группы, выделенной Т. Г. Оболдуевой в качестве джунской культуры¹⁴.

Курган № 4 в пункте № 13 к северо-востоку от сел. Бешбай. Сравнительно полные наблюдения нам удалось провести лишь при сносе этого кургана. Высота его 0,9 м, диаметр 19 м. В нем открыто три захоронения.

Погребение 1. В центральной части насыпи с уровня погребенной поверхности начали встречаться перемешанные и разбитые кости нескольких взрослых и детских скелетов, происходивших из основного разграбленного захоронения. Больше всего их было около дна могилы, на самом же дне они отсутствовали. Глубина могилы от погребенной подкурганной поверхности 3,5 м, ширина 2,3. На дне могилы на гранитной плитке стоял маленький глиняный сосудик (рис. 7, 11) лепной работы, похожий на горшочек с четырьмя вертикальными ребрышками по стенкам, в промежутках между которыми сделано по 5 и 9 сквозных отверстий. Такого рода сосудики, постоянно встречающиеся в сарматских могилах позднего времени на юге Восточной Европы, считаются курильницами и имеют культовое назначение.

Погребение 2. Почти над ямой центрального и основного погребения было открыто детское захоронение. Оно сопровождалось тремя небольшими глиняными сосудами: лепкой круглодонной чашечкой (рис. 7, 8) с вертикальной кольцевидной ручкой, упирающейся в верхний край с наружными по-

¹³ Григорьев Г. В. Краткий отчет о работах янгиюльской археологической экспедиции 1937 г. Ташкент, 1940; Он же. Каунчи-тепе (раскопки 1935 г.), Ташкент, 1940.

¹⁴ Оболдуева Т. Г. Курганы каунчинской и джунской культур в Ташкентской области. КСИИМК, вып. XXVIII, М.—Л., 1948.

верхностями красного цвета, залощенными почти до блеска; кружечкой (рис. 7, 12) с округлым корпусом, высоким вертикальным горлом и маленькой вертикальной кольцевидной ручкой ниже горла, покрытой красным ангобом, залощенной и украшенной поясом из трех линий горизонтального линейного штампа, и горшочком (рис. 7, 13), возможно, изготовленным на гончарном круге со сравнительно узким горлом, круто отогнутым венчиком и кольцевидной ручкой на плечике с гладкими поверхностями темного цвета.

Погребение 3. Под южной полкой кургана на глубине 1 м от поверхности обнаружено погребение взрослого человека. При нем найдено три сосуда: один широкогорлый, буровато-красного цвета с просыаной подсыпкой на дне; второй, дошедший в обломках, похож на горшочек из предыдущего захоронения (рис. 7, 13), горло у него отделено от корпуса валиком, на дне подсыпка проса, что, возможно, свидетельствует о его изготовлении на ручном круге; третий сосуд (рис. 7, 14) — это кружечка лепной работы с прямыми стенками и неровными поверхностями из глины с дресвой, неровного, кострового обжига.

Могила в пункте № 15 к востоку от сел. Ореховское. При прокладке канала в этом месте были обнаружены две могилы.

Могила 1. Погребение обнаружено на глубине 2,5 м от поверхности. На месте сохранилась верхняя часть скелета взрослого мужчины, лежавшего головой на восток. У его левой руки находился сильно окислившийся железный (однолезвийный?) кинжал с широким клинком и коротким, слегка изогнутым черенком для деревянной рукоятки. Длина клинка кинжала 32 см, ширина 3,3, длина насада для рукоятки 5 см. При кинжале сверху, по-видимому, во вторых ножнах лежал прижавевший к нему большой длинный железный нож, длина которого 18 см, с черенком 24 см. Рядом с кинжалом находилась железная пряжка, вероятнее всего от портупейного пояса. Пряжка овальная с длинной железной обоймой и язычком, конец которого загнут вниз хоботком.

Могила 2. Из бывшего в могиле инвентаря сохранились верхняя часть однолезвийного кинжала с черенком (рис. 9, 12) и бронзовая поломанная пряжка с обоймой для ремня и прямым язычком.

Погребение в пункте № 28 к югу от сел. Уртааул. На левом берегу оврага Бургулюк в пределах поселения бургулюкской культуры обнаружено одно древнее захоронение.

Скелет человека, лежавший в могиле на глубине 2 м от дневной поверхности, был сильно поврежден при земляных работах. Лишь по отдельным костям скелета, оставшимся на первоначальном месте, установлено, что он лежал в вытянутом положении головой на юго-восток. Около головы скелета стояли два одинаковых по форме кувшина, изготовленных на гончарном круге (рис. 7, 15). У них неширокое горло, средне выпуклый корпус, причем и по форме, и по наружной отделке они похожи на горшочек из кургана № 4 у сел. Бештау (рис. 7, 13). На дне одного из них обнаружен отпечаток тонкой ткани полотняного плетения. Кроме того, в могиле найдены бронзовый бубенчик с ушком, обломки бронзового зеркала с выпуклостью в середине и низким рельефным ободком по краю (диаметр 10 см) и половина железной пряжки с прямым язычком.

Погребение в пункте № 32 к северу от р. Ахангаран. В нескольких сотнях метров от берега р. Ахангаран обнаружено погребение, в котором зафиксировали сосуд и меч. Сосуд пропал. От меча сохранились обломки двухлезвийного клинка, один из которых с коротким черенком от рукоятки. Длина меча более 55 см, ширина 3,5. Все эти материалы находят аналогии в предметах из курганов на арыке Джун около г. Янгюля, но их малочисленность не может расширить наше представление о культуре Джун или о джунской ступени культуры каунчи.

В кургане № 7 около арыка Джун, помимо других вещей, найдена бронзовая фибула без надписи типа *Aucissa*. На особую важность этого предмета обратил внимание Б. А. Литвинский и пришел к такому весьма важному выводу: «В джунский могильный комплекс эта фибула могла попасть в конце I — начале III в. Именно этим временем, скорее всего II — III вв., на наш взгляд следует датировать Джунский могильник и представленную им культуру, так как весь комплекс находок, включая керамику, относится к этим столетиям»¹⁵. Этот вывод, имеющий принципиальное значение для археологии Ташкентского оазиса, основан на том, что фибулы данного типа, итальянские по происхождению, в основном бытовали в Европе в I в. н. э., хотя не исключен вариант их существования до раннего периода III в. Если вопрос о датировке куль-

¹⁵ Литвинский Б. А. Джунский могильник и некоторые аспекты кангуйской проблемы. — СА, 1967, № 2, с. 31—32.

туры Каунчи II и джунской культуры и в том и в другом случае нуждается в уточнении, то благодаря выявленной Б. А. Литвинским фибуле достоверно устанавливается, что хронологический рубеж между Каунчи II и Джундом лежит в I в. н. э. или самое позднее во II в. Предложенная Б. А. Литвинским дата — одна из наиболее обоснованных в научном отношении для археологии древнего времени и имеет непреходящее значение для освещения проблем археологии Средней Азии. В частности, как мы писали в одной из работ, она позволяет установить, что ступень культуры Согда Тали-барзу I по связи с культурой Каунчи II закончилась не позднее того же хронологического рубежа, как и ступень Каунчи II¹⁶, т. е. в I или во II в. н. э.

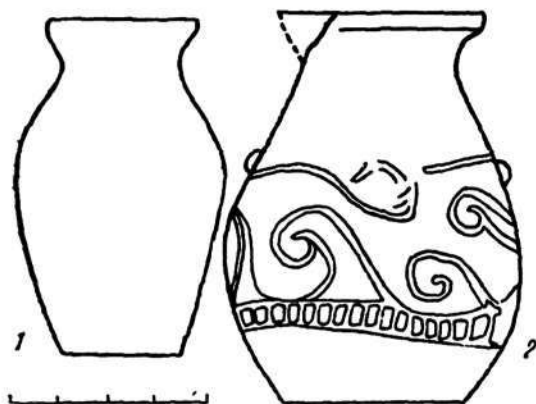

Рис. 12. Древние сосуды не установленного времени и культурной принадлежности:

1 — из пункта № 33 на правом берегу р. Ахангаран; 2 — из района восточнее сел. Ореховское.

На городище Кырк-бурантепа (пункт № 1 близ головы Ташкентского канала) найдено несколько предметов, соответствующих культуре Каунчи II. Здесь подобраны обломки кувшинов, кружек с зооморфными ручками, миски грубой лепной работы, зернотерки, стойки из глины с головами в венках, рога баранов и изображение головы быка, которое, по данным Л. М. Левиной, относится к более позднему времени.

Из прочих предметов с канала интересны два целых сосуда отличной гончарной работы. Первый сосуд (рис. 12, 1), отличающийся очень стройной формой, небольшой, с яйцевидным корпусом, низким горлом и сильно отогнутым наружу венчиком, сделан из чистой глины, покрыт красным ангобом и имеет красный обжиг самого высокого качества. Второй сосуд

Из прочих предметов с канала интересны два целых сосуда отличной гончарной работы. Первый сосуд (рис. 12, 1), отличающийся очень стройной формой, небольшой, с яйцевидным корпусом, низким горлом и сильно отогнутым наружу венчиком, сделан из чистой глины, покрыт красным ангобом и имеет красный обжиг самого высокого качества. Второй сосуд

¹⁶ Тереножкин А. И. Вопросы периодизации и хронологии древнейшего Самарканда. — СА, 1972, № 3, с. 96.

(рис. 12, 2) с выпуклым корпусом, высоко поставленным горлом и сильно отогнутым венчиком, покрыт черным ангобом, псхожим на потрескавшийся лак. На плечиках — три конических налепа, ниже них по корпусу идет разнообразный резной орнамент, в котором главное место отведено узору в виде волнистого орнамента. Ранее нам не были известны ни время, ни культурная принадлежность этих сосудов, и в настоящее время ничего нового о них мы не можем сказать, так как новых находок керамики подобного рода не встречено.

Памятники VIII—XII вв. н. э.

Разрозненные остатки материальной культуры VIII—XII вв. н. э. отмечены на различных участках строительства Ташкентского канала, но более богато и комплексно они представлены в сборах в пункте № 25 около сел. Уртааул. Здесь канал прошел через западный край какого-то средневекового поселения, полукольцом охватывавшего высокое древнее городище Джумишказытепа. В выемках земли обнажились остатки сырцовых построек, фундаменты или какие-то кладки из обожженных кирпичей, ямы, заполненные кухонными и бытовыми остатками, гончарные печи.

На поселении часто встречались хумы обычного для того времени типа с высоким горлом и наклепленной на венчик гребенчатой лентой и так называемые глиняные столики на трех ножках с прочерченным орнаментом на нижней стороне.

Керамика представлена обычными для X—XII вв. сосудами, изготовленными на гончарном круге и имеющими красный обжиг, и поливными сосудами. Среди неглазурованной посуды чаще всего встречались небольшие узкогорлые кувшинчики, украшенные иногда орнаментом в виде бахромы, волнистых линий или штампов. Часто встречались крышки от сосудов, украшенные кругами зубчатого гребенчатого орнамента. Зафиксированы находки больших и малых лепных котлов из глины с приписью шамота.

Глазурованная посуда встречалась преимущественно в обломках и была малочисленна. Нашлись обломки блюд, маленьких мисочек типа пиал, почти целая широкогорлая кринкообразная банка и несколько светильников. Расписаны они коричневой, красной и зеленой красками, различными узорами, в том числе подражающими известным арабским надписям «благополучие». На одном обломке белого глазурованного блю-

да видна арабская надпись (рис. 13, 6). Стенки светильников расписаны в елочку и стилизованными листьями (рис. 13, 7), ручка одного из них украшена оттиснутым штампом с изящной плетенкой и пальметками.

В числе важнейших металлических вещей, происходящих с поселения, следует упомянуть железный серп, железный нож, железный крюк и серебряный браслет. Серп (рис. 13, 5) фраг-

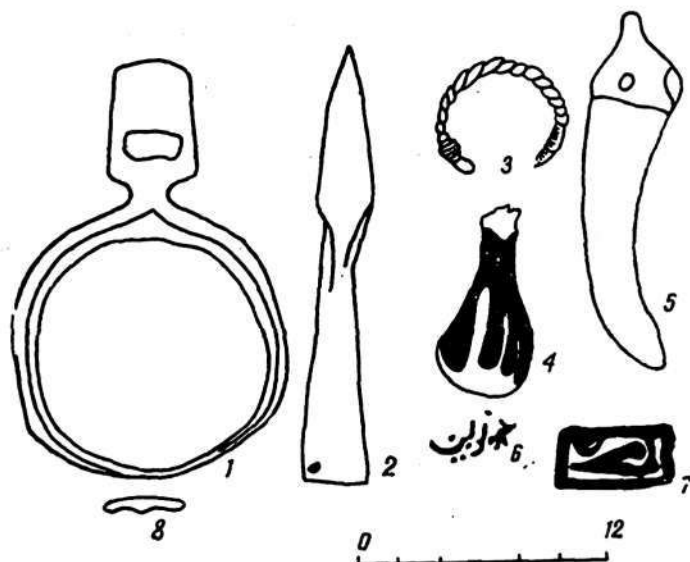

Рис. 13. Средневековый материал:

1 — стремя из пункта № 22; 2 — наконечник копья из пункта № 25; 3—7 — браслет, погремушка, серп, надпись и орнамент на сосудах с поселения IX—XII вв. у сел. Уртааул; 8 — обломок глазурованного сосуда из пункта № 33; 1, 2, 5 — железо; 3 — серебро; 6—8 — керамика.

ментированный, не сильно изогнутый. Деревянная рукоять крепилась на не очень длинном черешке и заходила основанием на верхний край серпа с загнутыми боками для более прочного охвата рукояти, которая дополнительно прикреплялась к серпу железным гвоздем. Железный однолезвийный нож имеет непропорционально короткий клинок с продольными желобками на обеих сторонах и длинную пластинчатую ручку с тремя гвоздями, с помощью которых на ней крепилась

двусторонняя деревянная колодочка. Серебряный браслет скручен из трех проволок в виде утончающегося к концам жгута, а сами концы обмотаны тонкими серебряными проволочками (рис. 13, 3). Интересна глиняная погремушка грушевидной формы с тремя ушками на конце ручки, расписанная по желтому неглазурованному фону темно-бурой краской (рис. 13, 4). Кроме того, на поселении найдено четыре монеты бухархудатского типа с именем халифа Махди и один саманидский фельс 335 г. х. (965—966 г. н. э.), чеканенный в Бухаре.

В пункте № 33 близ берега р. Ахангаран найден целый кувшин, от которого сохранился крупный обломок, покрытый черной глазурью и расписанный под куфическую витиеватую надпись.

К югу от сел. Уртасарай, в пункте № 9, вырыт клад, состоявший из 25 серебряных монет. Сохранилось девять штук: одна с именем Убайдуллы-бахадур хана, чеканенная в Самарканде в 940 г. х. (1533—1534 г. н. э.); две монеты Науруз-Ахмад-бахадур хана 960 г. х. (1552—1553 г. н. э.) и 962 г. х. (1554—1555 г. н. э.) и шесть монет Тимур-Ахмад-бахадур хана 963 г. х. (1555—1556 г. н. э.). В разных местах по каналу обнаружено еще несколько потертых куфических монет.

В пункте № 21 близ сел. Ангар в разных местах отмечены железное стремя и наконечник копья хорошей сохранности. Стремя (рис. 13, 1) с большой четырехугольной петлей для ремня, округлой дужкой и неширокой подножкой. Тип этого стремени хорошо известен по древностям алано-хазар на юге Европейской части СССР и различных тюркских племен на Алтае VIII—IX вв. У наконечника копья (рис. 13, 2) большая широкая втулка с отверстием для гвоздя, которым закреплялось древко, и небольшим плоским пером. Возраст и культурная принадлежность наконечника нам не известны.

БУРГУЛЮКСКИЕ ОБЪЕКТЫ В ДОЛИНЕ АХАНГАРАНА

Бургулюкская культура была открыта А. И. Тереножкиным в 1940 г. вдоль канала Бургулюк на правобережье р. Ахангаран во время строительства Ташкентского канала¹⁷.

¹⁷ Тереножкин А. И. Согд и Чач. КСИИМК. вып. XXXIII, 1950, с. 153, 155.

Толчком к дальнейшему изучению бургулюкской культуры послужило открытие в 1972 г. Ю. Ф. Буряковым на правом берегу р. Ахангаран ряда поселений и исследование землянки, давшей археологический материал бургулюкского облика.

Для установления стратиграфии бургулюкской культуры весьма важны шурф и раскоп, заложенные в 1974—1977 гг. на поселении № 1 левобережья р. Ахангаран. В первых своих публикациях всхолмления, где расположены бургулюкские жилища, мы называли объектами¹⁸. Считаем более точным, как это принято в археологии, называть их поселениями. Поселения бургулюкской культуры обычно располагаются недалеко друг от друга на лессовых всхолмлениях, вытянутых цепочкой вдоль берегов р. Ахангаран и включающих скопления землянок. Обычно в них находится от 4 до 14 землянок. В плане землянки овальной, округлой, прямоугольной и квадратной формы длиной 2,6—6,5 м, шириной 1,7—3,5 м.

Предварительные результаты изучения бургулюкской культуры в 1974—1975 гг. изложены автором в нескольких научных статьях¹⁹ и коллективной монографии²⁰.

В 1976—1977 гг. на левобережье р. Ахангаран на поселении № 1 а впервые обнаружили три двухкомнатных жилища, представляющие две соединенные между собой землянки с общим входом (рис. 14). На полу обычно располагались хозяйственные ямы, а также очаги округлой и прямоугольной формы, иногда маленькие ямки-лунницы для плавки бронзы.

На поверхности очертания землянок напоминают небольшие впадины округлой, овальной или подпрямоугольной формы, но большая часть их была похожа на половину или 2/3 овала или круга. Это указывает на то, что обращенная к водохранилищу сторона была размыта. Жилища на поселениях размещены неровными рядами, на разных расстояниях друг от друга и несколькими террасами. Нам удалось исследовать лишь землянки на верхних террасах.

Особо следует отметить, что в процессе раскопок мы выявили три типа жилищ. I тип — это легкие постройки наподобие шалашей. Обычно в них вдоль стен, на полу, находили разного диаметра ямки для столбов, поддерживавших легкую кровлю. До настоящего времени такого рода жилищ исследо-

¹⁸⁻¹⁹ Дукe X. К вопросу о бургулюкской культуре. — ОНУ, 1976, № 8, с. 48—51; Он же. Раскопки памятников бургулюкской культуры в 1975 г. ИМКУ, вып. 13, 1977, с. 48—54.

²⁰ Древности Туябугуза. Ташкент, 1978.

бано три. II тип — это землянки в плане овальной, округлой, прямоугольной и квадратной форм, врытые в материковый лесс, описание которых приводилось в предыдущих работах²¹. III тип — землянки, врытые в материковый лесс и состоящие из двух комнат: две соединяющиеся между собой землянки с общим входом, ориентированные обычно с запада на восток, но землянка № 1 с севера на юг. Жилищ такого рода исследовано три, все на поселении № 1 а на левобережье р. Ахангаран. Поскольку последний тип жилищ открыт не так давно и данные о нем нигде не опубликованы, ниже приводим их подробную характеристику.

Землянка № 1 расположена в 80 м южнее края поселения, в трех метрах от берега водохранилища и состоит из двух комнат: южная почти округлой формы в плане и северная почти овальной. Размеры южной части землянки 5×4 м, глубина 0,5 м. В северной части хорошо прослеживается вход (ширина его 0,75 м) в южной части. К северо-западу от него обнаружены остатки какого-то очага в виде скопления золы, угольков и обожженной глины. В северной части землянки выявлено четыре хозяйственных ямы.

Хозяйственная яма № 1 округлой формы размером 80×75 см, глубина 20 см. Заполнение ее — рыхлый грунт темно-коричневого цвета с зольными прослойками. В яме найдено три небольших булыжника, 12 фрагментов лепной керамики бургулюкского облика, 28 обломков костей животных и небольшой фрагмент железного стерженька. Поскольку яма неглубокая, можно предположить, что сюда он попал случайно.

Хозяйственная яма № 2 расположена в 10 м южнее хозяйственной ямы № 1. Она округлой формы диаметром 70 см, глубиной 45 см. Заполнена рыхлым грунтом серовато-бурого цвета. В ней отмечено 13 фрагментов лепной керамики бургулюкского облика, три булыжника, 57 костей животных и их обломков, несколько кусков обожженной глины темно-коричневого цвета.

Хозяйственная яма № 3 в плане почти круглой формы размерами 90×100 см, глубиной 65 см. Грунт рыхлый, сероватого цвета. В ней найдено 9 булыжников, 22 фрагмента лепной керамики бургулюкского облика, 112 костей животных и их обломки.

²¹ Дукее Х. Раскопки памятников, с. 48—50; Буряков Ю. Ф., Дукее Х. [и др.]. Древности Туябугуза. Ташкент, 1978.

Хозяйственная яма № 4 находится у западной стены в 15 см южнее хозяйственной ямы № 2. Яма округлой формы диаметром 68 см, глубиной 32 см. Грунт рыхлый, темно-серый. В ней обнаружено 8 булыжников, 13 фрагментов лепной керамики бургулюкского облика и 245 костей животных и их обломки.

Северная часть землянки размером 5,9×3,75 м, глубиной 0,55 м. Основной вход в землянку № 1 на востоке, со стороны водохранилища, его ширина 85 см. Удалось установить лишь толщину южной стены — 1,5 м. В северо-восточной части сохранились остатки какой-то печи в виде пятна золы и сильно прокаленной (до красноты) глины. Размеры пятна с севера на юг — 1,3 м, с запада на восток — 0,9, глубина — 0,2 м. В заполнении землянки — лесс светло-коричневого цвета, рыхлый с вкраплениями золы и мелких угольков. Пол и стены выявлены довольно четко. В заполнении землянки и на полу найдено 52 фрагмента лепной керамики бургулюкского облика (40 стенок и 12 венчиков).

Землянка № 2 расположена в 4 м южнее землянки № 1 и состоит из двух в плане почти овальных комнат. Ориентирована с запада на восток.

Восточная часть землянки. Восточная стена полностью размыта водами водохранилища, и общий вход в нее выявить не удалось. Длина восточной части землянки с севера на юг 3,3 м, оставшаяся часть ширины составляет около 2 м, глубина 0,25 м. В заполнении этой части землянки — рыхлый грунт светло-коричневого цвета с небольшим количеством зольных пятен. В заполнении и на полу найдено 11 фрагментов лепной керамики бургулюкского облика, среди них четыре венчика и семь обломков костей животных плохой сохранности. В северной части на полу, рядом со стенкой, видна хозяйственная яма. В плане она округлой формы, диаметром 1,5 м, глубиной 55 см. Грунт в яме рыхлый, темно-коричневый, с большими фрагментами обожженной до красноты глины — остатки какой-то разрушенной несохранившейся печи. В яме обнаружено пять фрагментов керамики, подобных найденным в других землянках, но среди них один расписной. Кроме того, в яме отмечено 11 обломков костей животных плохой сохранности.

Западная часть землянки. В восточной стене западной части землянки находился вход из одного помещения в другое; ширина входа 0,75 м, размер западной части землян-

ки $2,6 \times 1,8$, глубина 0,25. В заполнении этой части землянки — грунт серовато-зеленоватого цвета. В северной части у стены сохранились остатки очага. Пол возле него обожжен до темно-коричневого цвета. В заполнении и на полу выявлено 19 фрагментов лепной керамики бургулюкского облика (17 стенок и два венчика).

Землянка № 3. В 1977 г. на поселении № 1 а обнаружена еще одна землянка, состоящая из двух камер или ком-

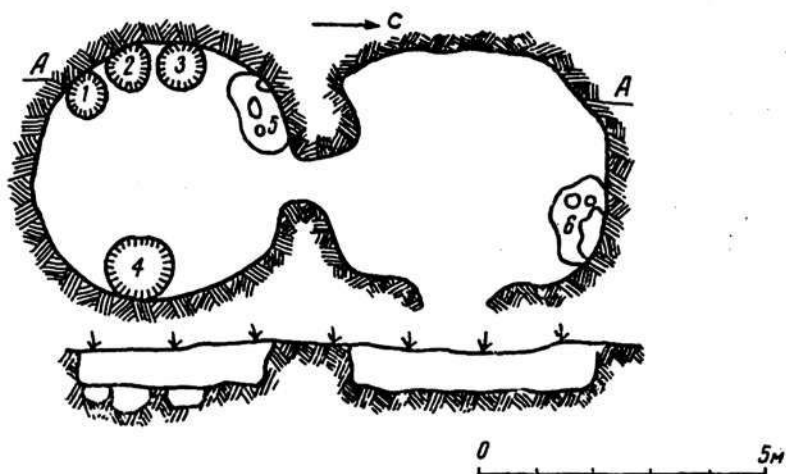

Рис. 14. Левый берег Ахангарана. Поселение № 1. Землянка № 1. План и разрез:

1—4 — хозяйственные ямы; 5—6 — очаги.

нат — западной и восточной. Камеры соединены между собой проходом шириной 1,4 м. Землянка ориентирована с запада на восток. Восточная часть размыта водами водохранилища, поэтому удалось выявить лишь ширину (3,94 м) восточной камеры с севера на юг. Напротив входа в западную камеру находился очаг прямоугольной в плане формы размером 50×60 см и высотой 30 см. Рядом с очагом, северо-северо-западнее его находилась яма округлой формы диаметром 0,9 м и глубиной 0,45 м, заполненная зольным грунтом.

Длина западной камеры с запада на восток — 5,2 м, ширина с севера на юг — 4,5 м, глубина от 0,32 м в южной части до 0,68 м в западной. На глубине 18—22 см по всей землянке

проходят слои золы мощностью до 30 см с обгоревшей до темно-коричневого и розового цвета глиной. Западная часть землянки почти округлой формы, но ее южная стена в середине имеет дугообразный, полусферический изгиб (проем). Длина изгиба с запада на восток 1,85 м, ширина с севера на юг 1,1 м. На расстоянии 25 см от западной стены на полу обнаружена хозяйственная яма № 2, округлой формы диаметром 30—35 см и глубиной 20 см, заполненная лессом и золой. В северо-западной части вплотную к стене на полу в 1,15 м севернее хозяйственной ямы № 2 выявлена хозяйственная яма № 1. Диаметр ее — 52 см, глубина — 25 см. Заполнение ямы — рыхлый лесс желтого цвета, перемешанный с золой. В 30 см восточнее этой ямы отмечена неглубокая яма округлой формы, диаметром 30 см, глубиной 6—7 см. В 6 см восточнее ее выявлена еще одна яма прямоугольной формы с закругленными углами размером 25×40 см, глубиной 6—10 см. Обе ямы почти вплотную подходят к северной стене. В заполнении землянки и на полу встречен богатый археологический материал. Выявлено 494 фрагмента лепной керамики бургулюкского облика, среди них 31 венчик, на двух экземплярах под венчиком был носик-слив, два фрагмента ручек, две зернотерки и одно точило.

Собранный за последние годы археологический материал бургулюкской культуры пока позволяет рассматривать его как единое целое. Однако в настоящее время есть основание полагать, что в будущем удастся выделить более ранние и поздние комплексы. Уже сейчас среди керамических материалов, судя по одной из последних работ А. Аскарова²², можно выделить более ранний этап бургулюкской культуры — Бургулюк I и более поздний — Бургулюк II. Так, среди расписной керамики встречается ряд фрагментов венчиков от бокалообразных сосудов с черной росписью чустского типа. На них по светло-коричневой лощеной поверхности под венчиком нанесен орнамент черной краской в виде сравнительно мелких сеточек. К раннему периоду можно отнести и керамику с красной и темно-коричневой росписью и орнаментом в виде треугольников, расположенных под венчиком сосуда вершинами вниз, заполненных овальными кружочками и ломаными линиями, и широкие сетки, расположенные горизонтально и наклонно под венчи-

²² Аскаров А. Расписная керамика Джар-Кутана. Бактрийские древности. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л., 1976.

ком и на тулове сосуда. Вероятно, в дальнейшем и среди бронзовых орудий и оружия также можно будет выделить более ранние экземпляры. Все же большинство орнаментальных мотивов на фрагментах керамики бургулюкского типа представлено треугольниками, расположенными в ряд под венчиком сосуда вершинами вниз и закрашенными сплошной заливкой. А. Аскарров считает относительно поздним элементом орнамента сплошь залитые узоры²³. По его мнению, поселения раннебургулюкской культуры наиболее поздние среди таких памятников расписной керамики, как Джар-Кутан, Кучуктепа, Яз-1, Тиллятепа²⁴. К поздним признакам А. Аскарров относит и находки серповидных каменных ножей, характерных для чускской культуры Ферганы и для Северной Бактрии. Однако на поселениях бургулюкской культуры серповидные каменные ножи не найдены ни на поверхности поселений, ни в землянках. Поэтому, если в принципе мы согласны с А. Аскарровым относительно сплошь залитых узоров, то отсутствие серповидных каменных ножей на бургулюкских памятниках позволяет не только ввести бургулюкскую культуру в круг указанных памятников, но и считать их синхронными.

Как мы уже отмечали, в хозяйственной яме № 1 землянки № 1 был обнаружен небольшой фрагмент стерженька железного предмета. По нашему предположению, он попал сюда случайно, однако в настоящее время мы не располагаем материалом, который помог бы нам резонно аргументировать появление его в неглубокой яме. Следовательно, до выявления новых железных фрагментов мы не можем отнести эту землянку к сравнительно более позднему времени, так как комплекс керамики явно бургулюкского облика.

В одной из своих работ мы попытались доказать, что у бургулюкцев была довольно развита бронзовая индустрия, так как за первые два сезона нашли около 20 бронзовых предметов²⁵. Однако раскопки 1976—1977 гг. это предположение не подтвердили. В 1976 г. не обнаружено бронзовых предметов, а в 1977 г.— всего 3 шила. Таким образом, исследовав 11 поселений бургулюкской культуры и 51 жилище, мы обнаружили 20 бронзовых изделий. Поскольку бронзовые шилья не отражены в литературе, приводим их полное описание. Два бронзо-

²³ Там же, с. 19.

²⁴ Там же.

²⁵ Буряков Ю. Ф., Дуке Х. [и др.]. Древности Туябугуза.

вых шила зафиксированы на поверхности поселения № 1. Оба — прямоугольные в сечении, уплощенные с расширением посредине, очевидно, отделяющим рабочую часть от черенка. Вероятно, эти шилья были снабжены деревянной или костяной рукоятью, которая не сохранилась. Длина шила № 1 9 см, ширина 4 мм, ширина в расширенной части — 8 мм. Небольшая часть черенка отломана. Длина шила № 2 7,2 см, ширина 4 мм; ширина в расширенной части 6 мм. Часть черенка отломана. Шило-резец или шило-стамеска обнаружено на полу землянки № 19 поселения № 1. Оно также уплощенное, прямоугольное в сечении, с некоторым расширением в нижней части. Это двоярное орудие не имело деревянной или костяной рукоятки, поскольку выполняло двоякую функцию: с острого конца его использовали как шило, а с другого — как резец или стамеску. Длина его 7,9 см, ширина 6 мм, ширина в расширенной части 8 мм. Описанные бронзовые шилья наиболее близкие аналогии находят в комплексах Яз I в Южной Туркмении²⁶. Бронзовые шилья с расширением в середине, разделяющим рабочую часть и черенок, из Туябугузского водохранилища также находят некоторые аналогии в нескольких комплексах андроновской культуры, однако последние в сечении не уплощенные, а квадратные²⁷.

Поскольку основные формы бургулюкской керамики уже описаны, мы ограничимся их кратким перечислением. Подробно рассмотрим лишь формы, обнаруженные в последние годы и не отраженные в литературе²⁸. Вся керамика сделана от руки и почти вся круглодонная, кроме жаровен и некоторых сероглиняных, миниатюрных сосудиков с уплощенным дном. По внешним признакам ее можно разделить на три подгруппы: расписную, нерасписную и с серым покрытием. Подробное описание керамики первой подгруппы (расписная) уже отражено в печати²⁹.

В последние годы на поселении № 1 найдено четыре фрагмента новых форм горшка. Наружная поверхность их розоватого цвета, с сильно отогнутым наружу венчиком, округлым

²⁶ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, 1959, № 73, табл. XXXIII, 7.

²⁷ Черников С. С. К вопросу о составе древних бронз Казахстана. — СА, XV, 1951, с. 155, рис. 2, 4.

²⁸ Дукс Х. К вопросу о бургулюкской культуре. — ОНУ, 1976, № 8, с. 49—50; Он же. Раскопки памятников..., с. 51—52.

²⁹ Буряков Ю. Ф., Дукс Х. [и др.]. Древности Туябугуза, с. 71.

туловом, на плечиках наклепная ручка с маленьким округлым отверстием посередине, иногда подобные горшки расписывали темно-красной краской с орнаментом по плечикам в виде горизонтальных и наклонных сравнительно узких полос. Миски большие и маленькие, полусферической формы с чуть вогнутым венчиком. Некоторые из мелких мисок изготовлены на матерчатом шаблоне.

Материалы по керамике с черепком серого цвета по существу не опубликованы, поэтому мы приводим подробное описание ее. Для керамики этой подгруппы в основном характерны три формы сосудов: миниатюрные сосудики, жаровни и корчаги.

Миниатюрные сосудики представлены тремя экземплярами. Первый из них полусферической формы с диаметром венчика 9,6 см, диаметром донца 5,5 и высотой 6 см. Стенки утолщены к донцу, донце почти плоское, слегка вогнуто, венчик прямой. Второй миниатюрный сосудик полусферической формы с диаметром венчика 7,4 см, диаметром донца 3 и высотой 4,5 см. Тулово постепенно сужается и плавно переходит в узкое плоское донце. Венчик слегка загнут вовнутрь. Третий миниатюрный сосудик с округлым туловом и диаметром венчика 5,5 см, диаметром донца 3,5 и высотой 4,9 см. Донце уплощенное, сосуд стоит неустойчиво, сравнительно толстостенный, венчик прямой.

Жаровни представлены двумя разновидностями: круглые и прямоугольные с закругленными углами, почти овальной формы. Круглые жаровни плоскодонные с низкими вертикальными стенками, диаметр их 27—30 см, высота 3,5—3,8 см. Прямоугольные жаровни с закругленными углами, также плоскодонные с низкими вертикальными стенками. В 1976 г. в землянке № 11 на поселении № 1 удалось собрать целую жаровню описанного типа. Длина ее 60 см, ширина 40, высота 4 см. Почти все жаровни изнутри сильно закопчены.

Корчаги. Тулово шаровидной формы, круглодонное, с относительно толстыми стенками. Венчик резко отогнут наружу. Обычно наружная поверхность этих сосудов серая, а внутренняя светло-коричневая или розоватая.

При определении возраста памятников Чача в эпоху поздней бронзы и раннего железа мы столкнулись с большими затруднениями вследствие почти полного отсутствия датирующих находок и малочисленности исследованных многослойных памятников.

Как отмечалось выше, был исследован ряд многослойных памятников в Ташкентской области, где под наслоениями каунчинской культуры обнаружили слои с материалами бургулюкской. Таким образом, относительная хронология бургулюкской культуры устанавливается достаточно определенно: она древнее, чем Каунчи I, и этот древнейший этап каунчинской культуры датируется I в. до н. э.³⁰

Значительно сложнее вопрос абсолютной хронологии. Мы уже отмечали в предыдущих работах, что сравнения бургулюкской керамики и бронзовых изделий с синхронными памятниками Средней Азии и Афганистана дают одну и ту же датировку бургулюкской культуры — примерно IX—VII вв. до н. э.³¹ Однако тогда между комплексами бургулюкской культуры и Каунчи I существует значительный хронологический разрыв, примерно в 600 лет. Чем объяснить такой значительный разрыв между бургулюкской культурой и Каунчи I? В настоящее время этот вопрос остается открытым. Может быть этот разрыв еще не заполнен археологически, или же следует несколько удревнить первый этап каунчинской культуры? По мнению Л. М. Левиной, накопление новых материалов поможет уточнить дату Каунчи I в сторону дальнейшего не очень существенного заглужения³².

Мы согласны с высказыванием Л. М. Левиной о том, что сосуды бургулюкского типа не могут быть типологически увязаны с каунчинскими, хотя отдельные их черты, например, носики-сливы, заставляют продолжать поиски связующих звеньев между ними и каунчинскими. И далее, современный уровень наших знаний не позволяет связывать каунчинскую культуру с бургулюкской³³. А может быть хронологический разрыв между бургулюкской и каунчинской культурами можно заполнить, выделив два этапа бургулюкской культуры: более ранний Бургулюк I и более поздний Бургулюк II? Все это наши предположения, но факт остается фактом: в настоящее время между этими двумя культурами существует пока необъяснимый разрыв в 600 лет.

³⁰ Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, VII. М., Изд-во «Наука», 1971, с. 178—179.

³¹ Дукеев Х. К вопросу о бургулюкской культуре. — ОНУ, 1976, № 8, с. 50—51; Он же. Раскопки памятников..., с. 51—54; Буряков Ю. Ф., Дукеев Х. [и др.]. Древности Туябугуза, с. 89.

³² Левина Л. М. Указ. соч., с. 179.

³³ Там же, с. 91.

Отсутствие памятников предшествующего периода не позволяет проследить истоки бургулюкской культуры. В одной из работ В. М. Массон писал: «Бургулюкская культура характеризует уровень развития Чача, когда здесь начала складываться оседлоземледельческая культура, архаизируемая сильным влиянием кочевых соседей. Появление в Бургулюке расписной керамики, видимо, следует сопоставить с наличием росписи на сакской посуде, может быть результатом влияния оседлоземледельческой культуры Ферганы»³⁴.

А. И. Тереножкин считает, что в этот период в Ташкентском оазисе еще не было чустских элементов и что они могли появиться лишь позже в результате передвижения больших этнических групп из Ферганы, приблизительно в VII или VI вв. до н. э.

В настоящее время в вопросе о происхождении бургулюкской культуры мы считаем наиболее приемлемой точку зрения А. Аскарова. Он отмечал: «Еще более ощутимые изменения в жизни первобытных племен Средней Азии и соседних областей произошли в конце II и начале I тысячелетия до н. э. В этот период в пределах огромных просторов степей и долин равнинной зоны севера Средней Азии, в тех местах, где условия благоприятствовали развитию культуры земледелия, намечается переход к оседлому образу жизни групп племен из среды «степняков», которые организовывали свои хозяйства в лоймах и низовьях больших саев и рек родникового происхождения. Так возникают локальные древнеземледельческие центры в окружении общин степных скотоводов. Эти центры представлены чустской культурой Древней Ферганы, раннебургулюкской культурой Ташкентского оазиса, кучуктепинской и тиллятепинской культурами Древней Бактрии, культурой Яз I и Анау IV A подгорной полосы Южного Туркменистана»³⁵.

Косвенным подтверждением этого положения можно считать тот факт, что керамика андроновско-тазабагъябского типа и бургулюкская имеют некоторые, хотя и незначительные, общие черты. И та и другая сформованы ленточным способом, и у той и у другой иногда на внутренней поверхности заметны отдельные участки со следами отпечатков ткани, свиде-

³⁴ Массон В. М. Указ. соч., с. 62.

³⁵ Аскаров А. Бронзовый век Южного Узбекистана (к проблеме развития локальных очагов древневосточных цивилизаций). Автореф. докт. дисс. М., 1976, с. 28—29.

тельствующие об особой технике лепки сосудов. Важно отметить, что среди керамики андроновско-тазабагъябского облика уже появляются сосуды с носиками-сливами, расположенными под горловиной,— столь характерный признак для бургулюкской керамики³⁶. Следует также подчеркнуть, что одним из основных орнаментальных мотивов для расписной керамики и керамики андроновско-тазабагъябского типа является треугольник с различным заполнением.

Таким образом, где-то в IX—VII вв. до н. э. на территории Чача, благоприятной для развития земледелия, начала складываться оседлоземледельческая бургулюкская культура, остальная же территория Чача была занята, видимо, пастушеско-скотоводческими племенами, культура которых значительно отличалась от бургулюкской. Приступая к рассмотрению хозяйства бургулюкских племен, следует подчеркнуть, что краткий его обзор уже дан в одной из наших работ³⁷.

В настоящее время земледельческий характер хозяйства бургулюкских племен не вызывает сомнения. Этот вывод основывается на оседлости населения, тяготении поселений к небольшим саям и рекам, наборе орудий труда и т. д. Какие виды культур возделывали бургулюкцы, неизвестно. Пока не удалось выявить остатки ирригационных сооружений на поселениях или вокруг них. Однако поскольку в эпоху поздней бронзы и раннего железа в соседней Ферганской долине (чустская культура) возделывали мягкую пшеницу и ячмень, можно предположить, что бургулюкцы, их соседи, возделывали те же культуры. С. А. Семенов отмечал, что земледельцы, на каком бы уровне они не стояли, вынуждены были искать разные способы хранения урожая и запасов пищи³⁸. В результате археологических исследований бургулюкских поселений установлено, что для хранения зерна и других продуктов сельского хозяйства бургулюкцы выкапывали в полу землянок и вокруг них значительное количество хозяйственных ям. На синхронных поселениях чустской культуры запасы пищи также хранили в многочисленных хозяйственных ямах, обнаруженных на таких крупных поселениях, как Чуст и Дальверзин³⁹. При

³⁶ Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Стоянка степной бронзы в Южном Таджикистане.— УСА. Вып. 1. Л., 1972, с. 44 и рис. 19А, 1.

³⁷ Буяков Ю. Ф., Дуке Х. [и др.]. Древности Туябугуза, с. 89—92.

³⁸ Семенов С. А. Происхождение земледелия. Л., 1974, с. 284.

³⁹ Спришевский В. И. Чустское поселение эпохи бронзы (из раскопок 1954 г.). КСИИМК, вып. 69. М., 1957, с. 41—44; Он же. Раскопки

уборке урожая бургулюкцы использовали бронзовые серпы⁴⁰. Для переработки различных продуктов земледелия употребляли зернотерки ладьевидной формы больших и малых размеров, пестики и терочки. Все эти каменные орудия делали из гранита.

Большую роль в жизни бургулюкских племен играло также пастушеское скотоводство, тесно связанное с земледелием, а охота и рыболовство — второстепенную. На поселениях бургулюкской культуры найдены сотни костей домашних животных, среди которых преобладают кости коров, овец и лошадей. Важное место в хозяйстве бургулюкских племен занимало и бронзолитейное дело. Кроме 20 бронзовых орудий, в некоторых землянках отмечены бронзовые шлаки, однако литейные формы пока не обнаружены. В одной из работ мы предположили, что металл могли плавить в специальных землянках-мастерских в маленьких очагах-лунницах⁴¹. Бургулюкские племена занимались также ткачеством, о чем свидетельствуют фрагменты керамики и некоторые целые сосуды с отпечатками ткани на внутренней поверхности.

Таким образом, древнеземледельческая бургулюкская культура входит в круг памятников расписной керамики Ферганы, кучуктепинской, жаркутанской и тиллятепинской Древней Бактрии, Яз I и Анау IV A подгорной полосы Южной Туркмении. Эти регионы, сходные по материальной культуре, имели локальные варианты. Поскольку эти памятники датируются началом I тысячелетия до н. э., то синхронная им бургулюкская культура должна датироваться тем же временем.

Чустского поселения в 1956 г.—СА, 1958, № 3, с. 186; Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА, 1962, № 118, с. 15—17; Он же. Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., 1966, с. 195.

⁴⁰ Дукее Х. Раскопки памятников..., с. 51.

⁴¹ Бурыков Ю. Ф., Дукее Х. [и др.]. Указ. соч., с. 90.

ПАМЯТНИКИ СКОТОВОДОВ ЧАЧА

(Курганы каучинской культуры
в окрестностях Кавардана)

В течение ряда лет Шаш-Илакский отряд Института археологии ведет археологические исследования близ поселка Кавардан, где в 1972 г. было обнаружено городище Кавардан¹. С северо-восточной стороны к городищу примыкают погребальные курганы с лессовыми насыпями. Они расположены в двух-трех метрах друг от друга, а некоторые вплотную один к другому. Форма их круглая, диаметр 7—15 м, высота 0,70—2 м, таких курганов насчитывается более 300.

В 1974—1977 гг. мы провели раскопки четырех погребальных курганов², один из которых был разрушен грабителями.

Курган № 1. Насыпь круглая, правильной формы, диаметр 8,6 м, высота 1,05 м. При снятии насыпи в юго-западной части был обнаружен вертикальный дромос. В плане он прямоугольный, длиной 1,7 м, шириной 1,6 м. На глубине 3,1 м дромос сужается до 1,4 м длины, 0,9 ширины и продолжается до глубины 4 м.

Дромос горизонтальный, протяженностью 1,1 м, высотой 0,7 м, шириной 0,6 м. Он подводит к катакомбе, выкопанной перпендикулярно дромосу, вход заложен сырцовым кирпичом размером 50×30×10, 2×30×12 см.

Катакомба со сводчатым перекрытием. Длина свода 2,5 м, ширина 1,4, высота до 0,9 м. При расчистке катакомбы обнаружено три скелета. В восточной части лежал скелет взрослого человека, на спине, слегка повернутый на правый бок, го-

¹ Буряков Ю. Ф., Ростовцев О. М., Левен Г. Д. Работы Шаш-Илакского отряда. — «Археологические открытия 1972 г.», М., 1973, с. 457.

² Работы вел К. Алимов под руководством Ю. Ф. Бурякова.

ловой на север. Череп раздавлен упавшим сводом. На переносице — золотой наносник, на безымянном пальце правой руки — железное кольцо. Кости плохой сохранности. С правой стороны лежал детский скелет, на спине, головой на север. При расчистке обнаружено три круглых стеклянных бусинки черного цвета диаметром 0,5 см, одна пастовая бусинка бочковидной формы длиной 3,8 см, толщиной средней части 1 см,

Рис. 15. Курган № 1. Керамика.

амулет зеленого камня в виде кисти винограда, бронзовое колечко диаметром 1,5 см. Третий скелет находился у входа, лежал в вытянутом положении на спине, головой на север. В могиле найдено восемь сосудов (рис. 15). Они расположены справа и слева от входа, близ головы и ног первого погребенного. Все сосуды лепные, однако моделированы тщательно. Среди них можно отметить следующие формы.

Неглубокая чашка на высоком поддоне высотой 3,5 см, диаметр 11 см. Красноангобированная, черепок в изломе красного цвета с примесью известковых включений. Венчик прямой, слегка вогнут, диаметр венчика 19 см, высота 12. Близка к ней по форме и вторая чашка, так же красноглиняная, деформированная, на плоском поддоне. Венчик овальный, слегка вогнут, диаметр устья 13,5 см, диаметр дна 7, высота 4,7 см.

Другая форма керамики представлена горшковидными кружечками. Кружка красноглиняная, грушевидной формы с раздутым туловом и вертикальной ручкой. Диаметр венчика 7,5 см, диаметр донца 6,5, высота 11,5 см.

Вторая кружка красноглиняная, грушевидной формы с вертикальной ручкой, отбитой в древности. Диаметр венчика 9,2 см, диаметр донца 8, высота 10 см. В наборе находилось три кувшина:

1) красноглиняный с примесью известковых включений на плоском поддоне. Тулово выпуклое, на плечике около горловины волнистый процарапанный орнамент. Диаметр венчика 11 см, диаметр донца 17, высота 25 см;

2) сероглиняный с раздутым туловом, овальным венчиком, отогнутым наружу; диаметр венчика 4,2 см, диаметр донца 3, высота 7,5 см. Венчик частично отбит;

3) красноглиняный, покрыт красным ангобом, тулово выпуклое, украшен процарапанным орнаментом, нанесенным до обжига. Орнамент состоит из горизонтальных и волнистых линий, чередующихся с горизонтальными прямыми. Венчик овальный, отогнут наружу, диаметр 11 см, диаметр донца 16, высота 26,3 см.

Интересно наличие в наборе фляги. Она красноглиняная, покрыта светлым ангобом, тулово округлое с прочерченным спиральным орнаментом. Горло венчика прямое, диаметр его 11 см в сечении. Высота фляги 26 см, диаметр 23,5, диаметр плоского бока 17 см.

Курган № 2. Диаметр насыпи 9,5 м, высота 0,65 м. При снятии насыпи в центре обнаружен дромос, ориентированный с юго-востока на северо-запад. Длина его 2,45 м, ширина 1,40 м. Он опускается вертикально на глубину 3,4 м, где сужается до 2 м в длину и 0,7 в ширину. В нижней части дромоса — ступенчатый выступ. Дромос опускается до 0,8 м. Вход в катакомбу с юго-восточной стороны заложен сырцовым кирпичом, размером $45 \times 25 \times 8$; $45 \times 27 \times 8$; $? \times 25 \times 8$. Высота входа 0,57 м, ширина 0,70 м. Катакомба перпендикулярна дромосу, она сводчатой формы, длина 2,45 м, ширина 1,40, высота 0,80 м. При расчистке обнаружен скелет человека. Костяк лежал на спине, головой на северо-восток. Рядом с ним находилось четыре сосуда (рис. 16).

Кувшин — красноангобированный, с выпуклым туловом, вертикальной петельчатой ручкой. По окружности тулово украшено процарапанным волнистым орнаментом. Венчик оваль-

ный, отогнут наружу, его диаметр 13,5 см, диаметр донца 27 см.

Чашка — красноангобированная, полусферической формы, диаметр устья 20,5 см.

Кружка — красноангобированная, тулово выпуклое с вертикальной ручкой, изображающей барана (рис. 17), на тулове

Рис. 16. Курган № 2. Керамика.

с противоположной ручке стороны видна лепная тамга S-образной формы. Диаметр венчика 10 см, диаметр донца 7, высота 14 см.

Фляга — красноглиняная, тулово округлое, покрыто светлым ангобом с прочерченным спиральным орнаментом на выпуклом боку. Горло прямое, венчик овальный, отогнут наружу. Диаметр венчика 12 см, высота 29,5, диаметр тулова 27, диаметр плоского бока 21 см.

Курган № 3. Насыпь круглая, диаметр 11,7 м, высота 1,1 м, земля лесовая. При снятии насыпи обнаружен дромос длиной 2,4 м, шириной 1,5 м. На глубине трех метров дромос уменьшается до 1,45 м в длину и 0,90 м в ширину. Вход в катакомбу в юго-восточной части дромоса, заложен коьями разной величины (60×30×25; 52×19×15; 40×30×25). После закладки дромос идет горизонтально до 0,55 м. Катакомба перпендику-

лярна дромосу. Длина ее 2,3 м, ширина 1,4 м. При расчистке обнаружено шесть скелетов. Погребальная камера функционировала неоднократно. При последующих захоронениях первоначальный костяк сдвигали в сторону. У северной и южной стен лежали три сдвинутые кучки костяков. У восточной стены

Рис. 17. Курган № 2. Кружка с тамгой.

найден скелет взрослого человека, головой на север, рядом справа лежал пятый костяк также головой на север. У входа находился шестой. Он уложен на спине, ориентирован головой на север. Справа от черепа стоит 8 сосудов: красноглиняная чашка полусферической формы с диаметром устья 19 см (рис. 18); красноглиняная кружка с выпуклым туловом и двумя вертикальными ручками. Сосуд покрыт красным ангобом и лощением, диаметр донца 6 см, диаметр венчика 8. Около него кувшин светлоангобированный с выпуклым туловом и вертикальной ручкой. По окружности тулова кувшина укра-

шено процарапанным волнообразным орнаментом. Венчик овальный, слегка отогнут наружу, диаметр донца и венчика 16×11,5 см, высота 36 см. Возле нее красноангобированная кружка с выпуклым туловом и вертикальной ручкой, изображающей барана. Донце плоское, диаметр 8,5 см, диаметр венчика 10, высота 14,5 см. Близ нее светлоангобированная чашка, стенка в средней части тулова перегибается и растрескивается вверх к венчику. Венчик овальный, диаметр 19,8 см, диаметр донца 15,8, высота 9,5 см. В чашке сохранились остатки пищи. Затем две красноангобированные кружки с выпуклым туловом и вертикальной ручкой в виде барана. Донце плоское, диаметром 8 см, диаметр венчика 8,3, высота кружки 13,9, у второй —

диаметр венчика 9,6 см, донца 15,7 см. С краю еще одна красноангобированная чашка полусферической формы, диаметр устья 17 см.

Курган № 4. Насыль круглая, диаметр 7,6 м, высота 0,7 м. При снятии насыпи в северо-западной части обнаружен дромос. Контуры дромоса восстановить не удалось. На глубине

Рис. 18. Курган № 3. Керамика.

3,9 м обнаружена катакомба, разрушенная грабителями. При расчистке катакомбы выявлены разрозненные кости скелета и сурьматаш.

В результате раскопок установлено, что все вскрытые погребальные комплексы одинаковы по устройству могил (дромос, катакомбы, закладка), положению и ориентации скелетов (на спине, головой на север) и по инвентарю, представленному двадцатью сосудами, изготовленными не на гончарном круге. Такие сосуды широко распространены в могильниках Средней Азии. Они известны в катакомбных могилах Таджикистана³, Ферганской долины и ее предгорных районах⁴. Устойчивая

³ Мандельштам А. М. Могильник Аруктау в Бешкентской долине (Южный Таджикистан). КСИИМК, вып. 76, с. 76 и след.

⁴ Заднепровский Ю. А. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960, с. 113 и след.

северная ориентация скелетов в исследованных погребениях характерна для захоронений первых веков нашей эры в Куюмазарском могильнике⁵, в курганах этого же времени у станции Вревской⁶.

Среди погребального инвентаря всех вскрытых погребений наиболее обильной и интересной оказалась керамика, представленная в основном четырьмя характерными типами сосудов, встречающимися одновременно: это кувшины, кружки, чаши и фляги.

Кувшин с петельчатой ручкой, покрытый светлым ангобом, находит аналогии с сосудами из погребений первых веков нашей эры Туябугуза⁷ и найденными на «Никифоровских землях» под Ташкентом⁸. Кружки с выпуклым туловом широко известны по находкам в Каунчи-тепе⁹ и в курганах около этого городища¹⁰, причем на ручках имеются изображения баранов¹¹. Известны они и по находкам из погребений в Фергане¹² и Карамазарских горах¹³, и здесь они датируются Б. А. Литвинским не позже первых веков нашей эры¹⁴. Следовательно, все четыре кургана можно отнести к первым векам нашей эры.

⁵ Обельченко О. В. Курганные погребения первых веков н. э. и кенотафы Куюмазарского могильника. Труды САГУ, новая серия, вып. СХІ. Археология Средней Азии, IV. Ташкент, 1957, с. 116—117.

⁶ Воронец М. Э. Отчет об археологической экспедиции Музея истории Академии наук Узбекской ССР о раскопках погребальных курганов первых веков нашей эры возле станции Вревская в 1947 г. Труды Музея истории народов Узбекистана. Вып. I. Ташкент, 1951, с. 46.

⁷ Хранятся в фондах Музея истории народов Узбекистана АН УзССР.

⁸ Хранятся на кафедре археологии ТашГУ.

⁹ Григорьев Г. В. Отчет об археологической разведке в Янги-Юльском районе УзССР в 1934 г. Ташкент, 1935, с. 16.

¹⁰ Григорьев Г. В. Келесская степь в археологическом отношении. ИАН КазССР, 1948, № 46. Серия археологическая. Вып. I, с. 55 и след.

¹¹ Тереножкин А. И. Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, с. 154, табл.

¹² Воронец М. Э. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории АН УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 годах. Труды Музея истории Узбекской ССР. Вып. II. Ташкент, 1954, с. 70.

¹³ Гулямова Э., Давидович Е. А. [и др.]. Археологические и нумизматические коллекции Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, 1956, с. 21, табл. 5.

¹⁴ Литвинский Б. А. Об изучении в 1955 г. погребальных памятников кочевников в Кара-Мазарских горах. Труды АН ТаджССР. Т. XIII. Сталинабад, 1956, с. 42.

ИЗ ИСТОРИИ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЧАЧА

(По материалам Харашкета)

Топография городища

Крупнейшим памятником городской культуры оазиса является городище Канка. Оно расположено в западной части Ташкентского оазиса, в 8 км восточнее Сырдарьи (рис. 19).

Руины этого городища неоднократно привлекали внимание и любителей археологии, и специалистов. В 1868 г. его осматривал известный русский художник В. Верещагин, в конце XIX — начале XX в. исследовали члены ТКЛА, в 1934 г. изучал отряд М. Е. Массона, который не только снял план и собрал материал, но и, сопоставив данные письменных источников с топографией и размерами памятника, отождествил его со средневековым Харашкетом, вторым по величине городом Чача после его столицы. Специальному анализу был подвергнут термин Канка в связи с древнейшими историческими и мифологическими топонимами и этнонимами, тесно связанными с бассейном Средней Сырдарьи¹.

В 1969—1972 гг. памятник изучал К. А. Абдуллаев. Стратиграфические раскопки крепостных стен первого, второго и третьего шахристана позволили установить основные этапы оборонительной системы и соответствующие им этапы разрастания города.

Становление Канки как городского пункта отнесено к первым векам до нашей эры². Эти работы позволили выдвинуть

¹ Подробно историю изучения см. в кн.: Массон М. Е. Ахангаран, археолого-топографический очерк.

² Абдуллаев К. Археологическое изучение города Канка (1969—1972). ИМКУ, вып. 12. 1975, с. 128—154; Он же. Исследование городища Канка (Древний Харашкет) в Ташкентском оазисе. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1975.

гипотезу об отождествлении ее со столицей античного владения, носившей в китайских источниках название Ю-ни³. Учитывая роль города в истории оазиса, размеры площади и сохранность наслоений, его избрали для стационарных исследований в качестве базового объекта городской культуры Ташкентского оазиса. С 1975 г. на ней начаты широкие археологи-

Рис. 19. Канка. Городище. Общий вид.

ческие исследования для планиграфического изучения городской структуры Чача.

Городище площадью около 150 га расположено на крутом левом берегу обширного русла, в котором ныне протекает арык Карасу. Занимавшийся обследованием Канки Е. Т. Смирнов считает его искусственным каналом, выкопанным в дрезности специально для орошения города и его окрестностей. Начало выхода его из Ахангарана определилось в 25 верстах выше городища в местности Таштуган. У местных жителей канал носил название Кан, считалось, что дополнительную под-

³ Буряков Ю. Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса. Ташкент, 1975, с. 35.

пятку он получал из р. Чирчик⁴. Однако ширина извилистого русла составляла 300—500 м, левый берег пологий, мягкий, что не характерно для искусственных ирригационных сооружений. Проведенное в 1975 г. обследование района показало, что долина Карасу, а не Гиджиген является древним руслом Ахангарана, носившим в X в. название «река Илака». Выше Канки, вдоль него, выявлено 24 укрепленных поселения и три городища площадью от 7 до 16 га с четко выраженной цитаделью. Памятники датируются преимущественно VI—XII вв. н. э. Река проходила около Канки и впадала в Сырдарью близ Бенакета⁵.

Топография местности заметно повлияла на план города. Он ориентирован углами по странам света. В северном, наиболее возвышенном углу располагается цитадель подпрямоугольной формы, размером по верхней площадке 40×50 м и по основанию 120×130 м со скругленными оплывшими углами и крутыми откосами стен, поднимающихся над окружающей поверхностью на 30—35 м. В северной ее части возвышается холм замка (размер 20×15 м) со следами пахсовых стен.

С трех сторон, кроме северной, цитадель окружена рвом, связанным с проходившим севернее цитадели речным руслом. Ров заполнялся водой на северо-востоке и, обойдя цитадель, вновь выходил к реке. Склоны цитадели сохранили крутизну до 65°. С двух сторон вдоль стен цитадель соединяется с городом (шахристан I), причем основной вход был, вероятно, с востока.

Шахристан I — подквадратной формы размером 225×230 м — вместе с цитаделью является древнейшим крепостным ядром Канки. Он окружен мощной оборонительной стеной и рвом шириной до 40 м. В центре юго-западного фаса ров сужается до 10 м. Стена на этом участке образует двойную линию, между четырьмя башнями которой видны следы ворот со специальным предвратным укреплением и выступом-пандусом в сторону рва. Это единственные ворота, соединяющие укрепление с остальной городской территорией. Внутри шахристан I застроен плотно. Лишь с восточной части заметно углубление типа площади и улицы, подводившей к цитадели. Особенно

⁴ Смирнов Е. Т. Развалины города Канка. Протокол № 4 ст 11 декабря 1900. ПТКЛА, V. Ташкент, 1905, с. 167—169.

⁵ Алимов К., Буряков Ю. Ф., Дуке Х. Работы по Своду археологических памятников Ташкентского оазиса. — «Археологические открытия 1976 г.». М., с. 522—523.

монументальные постройки в виде массива 40×190 м прослеживаются по микрорельефу вдоль северо-западного фаса стены. С трех сторон, кроме северо-восточной, к ним примыкает территория шахристана II, окруженная на площади около 40 га новой стеной в форме прямоугольника, ориентированного углами по странам света. Юго-западная стена длинная (800 м). Параллельная ей стена проходила вдоль речного русла и из-за его изгибов длина стены составила 850 м. Юго-восточная стена по той же причине равна 420 м, а северо-западная — 490. В ней в центре юго-западного фаса довольно четко прослеживаются ворота. Вторые ворота, вероятно, были в центре юго-восточного фаса, но рельеф здесь изменен в связи с проломами в стенах.

Площадь шахристана II обжита неравномерно, причем наиболее густо постройки охватывают центральный и юго-восточный районы, в которых отмечены округлые углубления водоемов, квадраты и прямоугольники кварталов, уличные магистрали. Плотна застроена и часть северо-западного сектора, особенно вдоль крепостной стены.

Шахристан III, занимающий (вместе с вошедшими в него ранее описанными частями) площадь около 150 га, как бы повторяет конфигурацию шахристана II, кроме северо-западного фаса, не подходящего вплотную к стене, а круто поворачивающего, что вызвано резким изгибом реки, непрерывно подмывавшей здесь левый берег.

Северо-восточный фас, повторяя изгибы берега, смыкается со стеной шахристана II. Более правильна форма юго-восточного отрезка стен.

Степень густоты застройки отдельных участков территории этого городища сильно рознится. Наиболее плотно застроены южный и юго-восточный секторы. По микрорельефу на южном отрезке этой стены видны остатки ворот, прикрываемых мощными бастionsами. Вдоль стены на север проходит квартал монументальной застройки.

Основная уличная магистраль, начинавшаяся у этих ворот, была заключительным отрезком караванного пути от Бенаке-та, входившего в состав южного пути из Согда в Чач⁶. В пределах шахристана III она вела от ворот на северо-запад к центру города. Эта часть города очень густо застроена сплош-

⁶ Буряков Ю. Ф. О втором караванном пути из Согда в Шаш.— ОНУ, 1972, № 3, с. 40.

ными массивами с узкими переулочками и тупиками, завершающимися двориками. На северо-западном отрезке этой улицы плотная застройка завершалась монументальным комплексом квадратной формы размером 100×100 м, окруженным довольно высокой, хорошо сохранившейся стеной. Внутри прослеживаются остатки помещений, чередующихся с углублениями внутреннего дворика. Вход оформлен башенкой. В целом сооружение похоже на караван-сарай. Он стоит между двумя улицами, одна из которых, примыкая к описанной магистрали, проходила от юго-западного фаса стены. За караван-сараем вдоль дороги прослеживаются холмы с остатками ремесленного производства — металлические и керамические шлаки, а далее обширная, мало застроенная площадь, возможно, древнего базара.

Не исключено, что вдоль улицы близ базара располагались мастерские кузнецов, ювелиров и гончаров, снабжавшие своей продукцией рынок Харашкекта. Археологические материалы Пенджикента⁷ и средневековые источники по Самарканду⁸ показывают, что на крупных магистралях этих городов, близ базаров, располагались мастерские, выходившие на улицу торговой лавкой. В результате топографического исследования Канки установлено, что основные ремесленные мастерские здесь располагались в пределах шахристана III.

В 40 м от юго-западных ворот от основной магистрали отходила широкая поперечная улица, шедшая вдоль всего шахристана III на северо-восток. По обеим сторонам ее также прослеживаются кварталы густой застройки. Значительно слабее обжит северо-западный сектор городища, в котором среди ровных площадей, возможно, садов, поднимаются редкие группы всхолмлений внутри городской застройки. Широкие незастроенные площади, вероятно, базаров намечаются у стыка с шахристаном II.

Для сравнительного изучения характера застройки цитадели и различных городских площадей были начаты широкие раскопки в цитадели (раскоп 4), северо-западной части шахристана I (раскоп I) и юго-западной части шахристана III

⁷ Распопова В. И. Археологические данные о согдийской торговле. КСИА, вып. 138, 1974, с. 84—85.

⁸ Мукминова Р. Г. Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVI в. Ташкент, 1976, с. 192—193.

(раскоп 5). На всех этих участках вскрывались синхронные по времени, но различные по социально-производственному уровню хозяйства и целые группы их.

Раскопки цитадели

Раскоп 4. Еще в начале XX столетия члены ТКЛА попытались изучить цитадель. В самой возвышенной, северной части ее видны остатки стратиграфического шурфа, следы работ этой экспедиции. Отчет о работах не сохранился, однако в статье Е. Т. Смирнова дано описание городища, отмечены кладки стены из монументальных пахсовых блоков, подземные ходы⁹.

В 1971—1972 гг. исследование цитадели продолжил К. А. Абдуллаев, раскопавший пять жилых и хозяйственных помещений X—XI вв. н. э.¹⁰ Вскрытые им помещения расположены в южном секторе цитадели. Размер комнаты № 1 5×7,5 м. Две ее стены (северо-западная и юго-восточная) — монументальные пахсовые, толщиной 1,1—1,25 м. Высота их 1,5—1,7 м, стены уходят ниже уровня пола. Северо-восточная стена из жженого кирпича, толщиной 30 см стоит на уровне верхнего пола. Помещение заполнено рыхлым завалом с кусками жженого и сырцового кирпича. В середине комнаты отмечены остатки неясного сооружения, основание которого оформлено в виде прямоугольника из жженого и сырцового кирпича.

В юго-западной его части тоненькой (в 0,2 м) сырцовой стеночкой толщиной в полкирпича выделена узкая комнатка-хранилище размером 1,5×2,2 м, примыкающая на юго-западе к основной стене цитадели толщиной 1,2 м. Пол его на 20 см выше пола основной комнаты. В северо-восточной части ее — разрушенный очаг. На первом этапе функционирования эта комнатка имела самостоятельный вход с востока, заложенный впоследствии, и хранилище осталось соединенным лишь с комнатой № 1. Она пострадала от сильного пожара, от которого обгорели стены.

К востоку от комнаты № 1 расположены помещения № 3—5. Самое крупное помещение № 3. Оно, вероятно, было квадрат-

⁹ Смирнов Е. Т. Развалины городища Канка. ПТКЛА, V, Ташкент, 1901.

¹⁰ Абдуллаев К. А. Исследование городища Канка. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1975, с. 8—9.

ным, но от северо-западной стены остались только следы. Комнатка № 5 узенькое помещение, у северо-восточной стены которого расчищена суфа из жженого кирпича высотой 40 см, шириной 35 см. К северу от нее обнаружена выстилка полов из жженого кирпича с тонкими стенками-перегородками из такого же кирпича с выкладкой ящикообразной формы вдоль северо-западного фаса, названная комнатой № 4. Стены всех помещений пострадали от пожара.

С 1974 г. раскопки цитадели продолжил Шаш-Илакский отряд Института археологии АН УзССР. За три сезона полевых работ полностью вскрыт комплекс цитадели по верхнему архитектурно-строительному уровню (рис. 20). В результате исследований установлено, что к началу сложения данной застройки цитадель длительное время не функционировала как крепостное сооружение. Стены ее разрушились, внутри и снаружи образовались оплывы. Строители использовали скелет крепости, ее основные толстые пахсовые стены, сделав внутренние перестройки. В ряде случаев старые были просто облицованы мелким сырцовым кирпичом размером $29-32 \times 14-16 \times 4$ см, причем часто ремонтная рубашка примыкает не к самой пахсовой стене, а к ее оплыву, что еще раз указывает на период упадка между функционированием крепостных сооружений и верхнего комплекса. Всего раскрыто более 20 помещений жилого, производственного и парадного назначения и два внутренних дворика. Нумерация и характеристика их проводятся в порядке вскрытия с учетом отмеченных в первые годы исследований.

Завершено вскрытие комнат № 3—5. В комнате № 3 расчищены два уровня полов, каждый выделен глиняной промазкой с саманом. В основании трех стен, кроме северо-западной, — раннефеодалная кладка из крупноформатного сырцового кирпича размером $52 \times 26 \times 10-12$ см, однако сами стены выложены мелкоформатным $32 \times 16 \times 4$ см кирпичом с включением жженого такого же стандарта. Кладка небрежная, неровная. На втором этапе закладывается проход, соединявший это помещение с комнатой № 1. На нижнем полу помещения найдено большое количество обломков посуды, 15% которой составляет глазурованная. Преобладают столовая посуда и небольшие кувшины, горшки, чираги. Глазурованная посуда в основном покрыта мутновато-серой поливой с коричневым подглазурным орнаментом. На верхнем полу интересна находка набора железных орудий труда — два кетменя, серп со слегка

изогнутым рабочим краем и гвозди длиной до 6 см с крупными шляпками. Кетмени крупные с округлым рабочим краем.

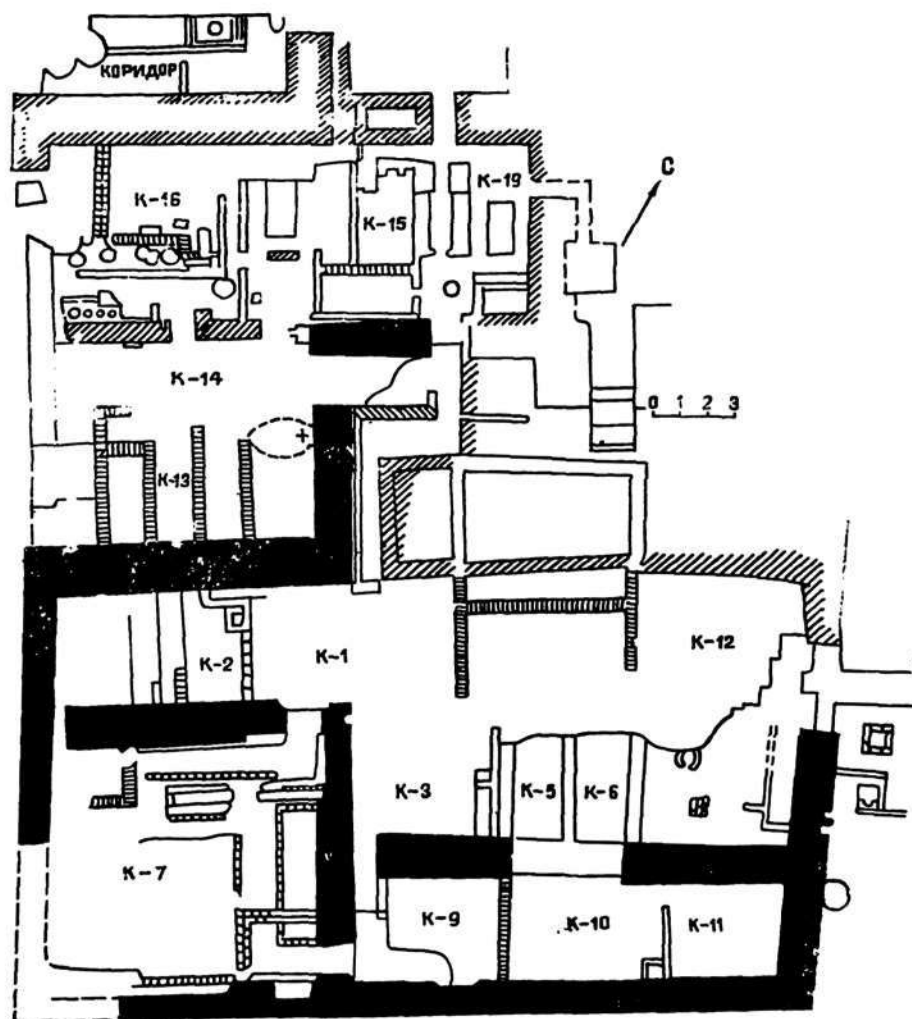

Рис. 20. Канка. Р-4. План помещений верхнего уровня.

Помещение № 4, примыкающее к третьему с северо-востока, носит характер открытого айваннодворового типа. Полы

вымощены жженым кирпичом, делящимся по характеру декора на четыре части, каждую из которых ограничивала рельефная дандана (прямоугольная, фигурная и кладка «в елочку» в двух вариантах). К востоку открыты небольшие комнаты № 5 и 6. Для кладки стен комнаты № 5 характерна та же небрежность, что и в комнате № 3, в юго-западной и юго-восточной стенах использован прием обкладки пришедшей в негодность более древней монументальной стены сырцовым кирпичиком размером $36 \times 17 \times 6$ см; $28 \times 22 \times 7$ см, поставленным плашмя в один ряд или даже на ребро и вертикально. Лишь на уровне нижнего пола эта кладка подкреплена фундаментом в три ряда из жженого кирпича ($32 \times 16 \times 4$ см), толщиной в полкирпича. Это сделано для предохранения ремонтной кладки и пола от сырости. Стены покрыты двухслойной штукатуркой. В южном углу комнаты вместе с фрагментами кухонно-столовой посуды расчищен крупный парадный хум (рис. 21). Венчик его обломан, раздавлен. Хум стройных пропорций, высотой 1,5 м, с максимальным диаметром тулова 1 м, следами цилиндрической горловины и отогнутой наружу закраины. Снаружи ornamentирован рельефными округлыми налечами и поясами штампованного орнамента.

Рис. 21. Р-4. Хум из комнаты № 5.

К востоку от комнаты № 5 вскрыта небольшая комната № 6, лишь одна стена которой (юго-восточная пахсовая) была фундаментальной. Толщина ее 0,8 м. Стена сохранилась на высоту 1,5 и уходит ниже уровня пола. Вдоль юго-западной стены расчищен неглубокий прямоугольный ящик типа закро-

ма. Как будет показано ниже, комнаты № 3—6 функционировали в качестве помещений лишь на последнем этапе и играли хозяйственно-вспомогательную роль.

Основные помещения хозяйства располагались по периметру стен, окружавших цитадель. При этом их строители исполь-

Рис. 22. Канка. Р-4. План комнаты № 7.

зовали старые массивные пахсовые укрепления в качестве архитектурно-конструктивной основы, к которой пристраивали тонкие стенки.

В юго-восточном секторе вскрыто крупное прямоугольное помещение № 7, размером $9,1 \times 11$ м. На примере комнаты № 7 детально прослежены основные этапы жизни населения, освоившего цитадель в последний период жизни города. Поэтому описание наслоений комнаты мы начнем с этапа возведения помещения (рис. 22).

Все стены унаследовали крепостную основу предшествующего времени. Юго-восточная и юго-западная пахсовые стены

наиболее массивны: в верхней части толщина их составляет 1,8 м, к низу внешний фас расширяется. Однако интерьер комнаты на юго-востоке и юго-западе оформлен кирпичной стеной из сырца размером $32 \times 16 \times 4$ см, толщиной в полкирпичика с чередованием горизонтальной и вертикальной кладки. Причем стена примыкает не к древней пахсовой основе, а к ее завалу, подрубленному вертикально. Два нижних ряда кладки — из жженого кирпича такого же стандарта. Для прочности поперечные стены врезаны на 30—40 см в древнюю стену. Выявляется шесть жилых этапов.

На первом этапе в западном углу комната соединялась проходом шириной 1,1 м с помещением № 13, в восточном углу проходом шириной 1 м с комнатой № 9, в северо-западном углу проходом шириной 1,45 м с комнатой № 3. В центре комнаты — тазар диаметром 0,95 м. Глинобитный обмазанный пол со всех сторон понижался к центру. Позже, на втором этапе, провели вымостку пола тонким ($29-30 \times 15 \times 3-5$ см) жженым кирпичом караханидского стандарта. Тазар обложен кирпичиком, поставленным на ребро. Пол на этом этапе оформлялся в виде двух уровней с помощью выкладки вдоль северо-западной стены данданы шириной 3,75 м, высотой 20 см и вдоль северо-восточной стены шириной 3,3 м. Грани ее обложены жженым кирпичиком, поставленным на ребро. С одной стороны кирпич вымостки и данданы покрыт гребенчатыми углублениями в 7—9 полос, способствовавшими более прочному сцеплению кирпича с раствором (рис. 23).

На третьем этапе на дандане возводятся суфы: вдоль северо-западной стены — суфа высотой 40 см, шириной 13,5 и длиной 6 м; вдоль северо-восточной стены — высотой 40 см, шириной 1,75 и длиной 5,6 м. Конструкция суф: по краю из сырцового кирпича размером $30 \times 15 \times 4$ (в основании жженный кирпич в два ряда) выкладывалась основа толщиной в полкирпича. Внутреннее пространство засыпалось обломками кирпича и глиной. Снаружи все оштукатуривали глиняным раствором. Одновременно с возведением суф дандану облицовывали вторым рядом жженого кирпича. Этот этап завершился мощным пожаром, во время которого сильно обгорели стены, а на полях сохранилось горелое дерево перекрытий и дверных косяков. Обгорели проходы в комнаты № 3, 9 и 13. Первые три этапа можно выделить в первый строительный период, во время которого помещение выполняло какие-то функции, связанные с интенсивным использованием тазара. Возможно, оно

играло роль внутренней бани, для чего были сделаны полы с уклоном к центру, к колодцу, и возведены широкие суфы.

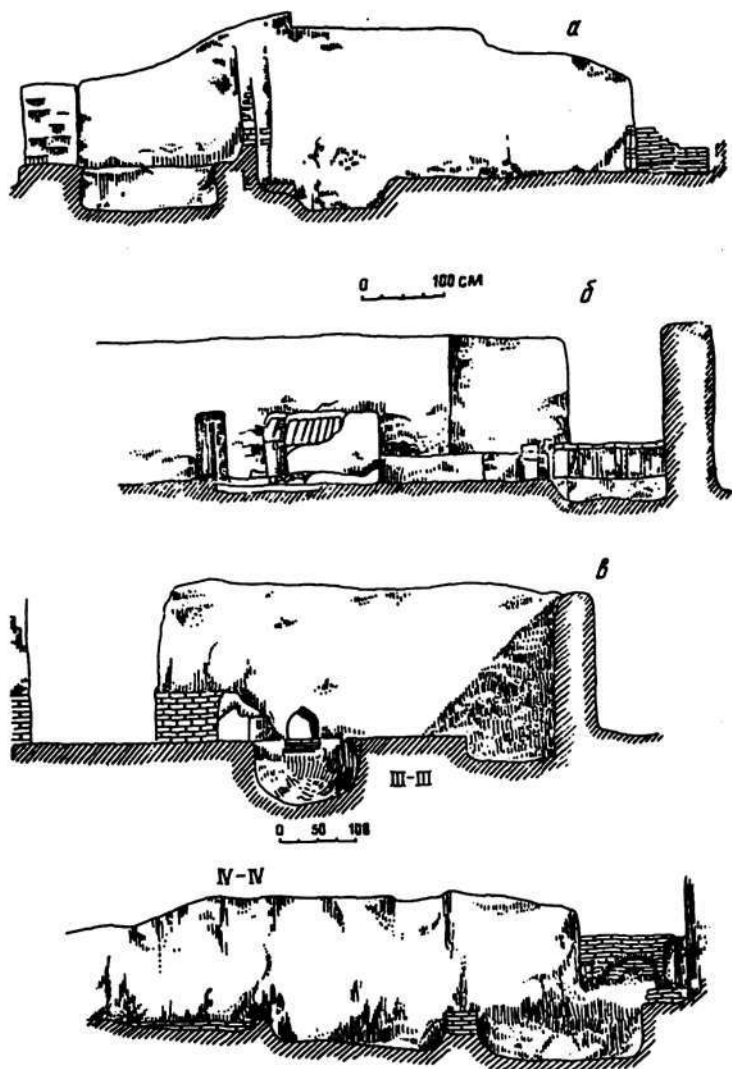

Рис. 23. Канка. Р-4. Разрезы комнат № 7 (а, б) и 8 (в, г).

На четвертом этапе комната выполняла какую-то вспомогательную роль. Тазар перестал функционировать. Пол в комна-

те нарастили до уровня суф, подняли на 40 см, причем в закладку попали обломки кирпича, горелое дерево, штукатурка.

В восточном углу возвели постройку-чулан размером $3,3 \times 2,4$ м из жженого кирпича толщиной в один кирпичик, наглухо отделенный от комнаты № 7 и выходящий в комнату № 9. В ее северном углу возвели суфу длиной 190 см, шириной 85 и высотой 50 см. Вторую суфу (длина 115 см, ширина 190 и высота 50 см) построили вдоль северо-восточной стены, причем из-за отсутствия здесь свободного места суфу врезали в древнюю толстую рыхло оплывшую стену.

Вероятно, эта пристройка служила комнатой для слуг и была связана с комнатой № 9, но она перекрыла проход из комнаты № 7. Поэтому основную связующую роль в жизни комнаты № 7 в этот период играют вход в северном углу этой стены, ведущий в комнату № 3, и выход во дворик.

На пятом этапе сломали чулан, выходивший в комнату № 9, а проход в нее наглухо заложили. Остался лишь проход во двор и в комнату № 3. Во всю длину северо-восточной стены выложили отсек ящика-закрома шириной 175 см, высотой 35 см и длиной 3,5 м, частично перекрывающего разрушенную комнату-чулан. Снаружи отсек оштукатурили и побелили. В юго-западной части комнаты расчищен подземный подвал округлопоямоульной формы размером $1,6 \times 1,2$ м, перекрытый деревянным покрытием, сохранившимся в истлевшем виде. На полу подвала — скопление соломы и зерна пшеницы. Рядом с подвалом — яма-хранилище диаметром 1 м. Вероятно, в целом комната приобрела функции хранилища.

На шестом этапе ящик-отсек превратился в суфу-лежанку, покрытую слоем штукатурки. Через некоторое время с северо-востока к ней пристроили еще одно сооружение типа закрытой жаровни или кана. Она представляет врезанное в пол прямоугольное полое внутри сооружение из сырцового кирпича шириной 85 см и высотой 52. Ширина резервуара 50 см, высота 30. Перекрытие сделано из уложенного плашмя сырцового кирпича, причем края его лишь слегка упираются в поперечные стенки. Завершается кан врезанной в стену прямоугольной трубой типа дымохода, сложенной из вертикально поставленного кирпича. Размер отверстия 18×8 см. Снаружи сооружение оштукатурено так, что его обмазка является продолжением второго слоя штукатурки суфы. Второе сооружение аналогичной формы расположено западнее описанного, в 1,5 м от стены, причем северо-западный угол его срезан. Внутри них

найжены древесные угли. С севера вплотную к первому сооружению приставлена г-образной формы узкая суфа из сырцового кирпича, высотой 55 см, шириной 40, длиной 190 см, подходящая вплотную к входу. Такая же высокая суфа построена вдоль северо-западной стены. Ширина ее 40—60 см. Для удобства входа в комнату угол суфы подрезан.

Этот этап завершился новым пожаром. На последнем, седьмом этапе после второго сильного пожара полы засыпали до уровня суф. Помещений этого этапа почти не сохранилось, однако раскрыты уровни полов и ямы, прорезавшие комнаты. Этот этап не был длительным, комплексы его бедны, связаны в основном с кухонно-хозяйственной деятельностью и завершились полным запустением. Однако по материалу, собранному из ям и на полах, комплекс близок к этапу предшествующего пола.

Таким образом, шесть жилых этапов комнаты связаны с двумя периодами крупных перестроек и изменением уровней полов, причем оба завершились пожарами. Помещение, видимо, трижды меняло свое назначение. Однако материал, собранный на полах, почти одинаков. Он представлен неполивной и глазурованной керамикой конца X — начала XII в. н. э.

К северо-востоку от комнаты № 7 располагалось прямоугольное помещение № 9 размером 6×4,1 м с тремя уровнями полов. Самый ранний пол, обмазанный глиняной штукатуркой, стоит на пахсовом завале. Северо-восточная поперечная стена комнаты подходит к какому-то углублению, а юго-восточная облицовывает оплыв древней мощной стены у цитадели. В завале найдена медная монета с квадратным отверстием согдийского типа. Вероятно, в предарабский период стена здесь соединялась с башней, при обвале которой внутри нее образовалась округлая ниша радиусом 60 см. К отвалу, фиксирующему интерьер древней башни, примыкает облицовывающая ее стена, оформленная в виде ниши. В этот период комната на северо-западе выходила в айван двора, а на юго-западе соединялась с комнатой № 7.

Юго-восточная часть комнаты, примыкающая к нише, оформлена Г-образной суфой, образованной путем облицовки древнего завала. На западе она переходила в возвышение типа столика высотой 80 см из крупного прямоугольного кирпича размером 48×26×10 см, подрезанного и обмазанного толстым слоем глиняной штукатурки. Затем произошла засыпка помещения до верха суфы и на этом уровне проходил второй

пол. Столик из кирпича функционировал как суфа. В северо-восточном углу оформлен прямоугольный, выходящий в другую комнату чулан с круглым вертикальным тандыром диаметром до 75 см. Юго-восточный проход из чулана оформлен аркообразной нишей. В юго-западной части комнаты расчищен заком, стенки которого выложены жженым кирпичом, постав-

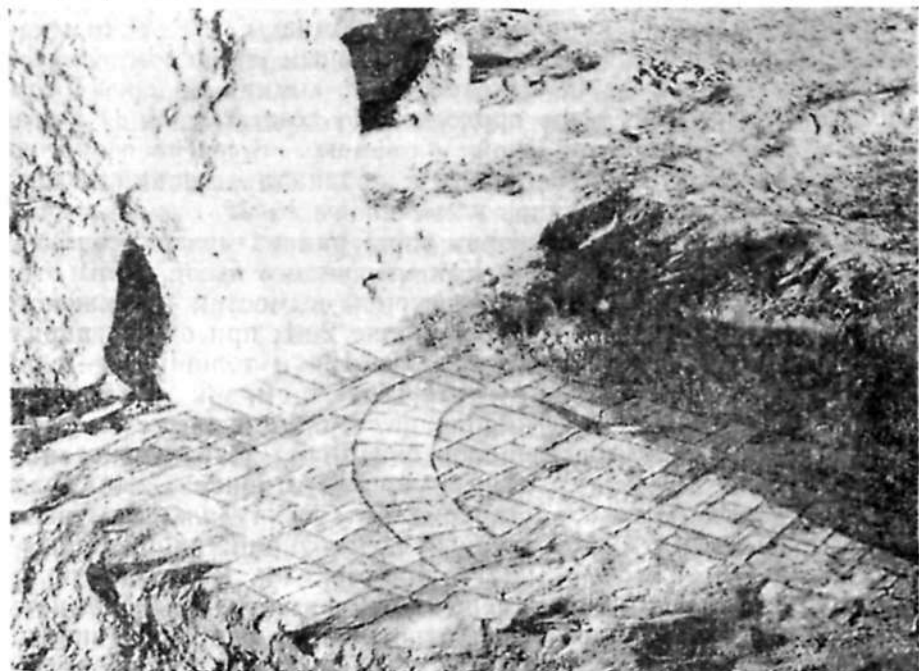

Рис. 24. Р-4. Фигурная вымостка пола в парадной комнате.

ленным на ребро. Пол выстлан жженым кирпичом с фигурной выкладкой, оформленной в виде полукруглой арки (рис. 24).

Выше проходит третий, поздний пол, на котором под слоем разрушения и завала раскрыта картина интенсивного пожара. По всей площади пола сохранились остатки сгоревшего камыша и деревянных балок — следы рухнувшего плоского перекрытия. В этот же период в юго-западной стене сырцовым кирпичом размером $32 \times 16 \times 5$ см заложили проход, соединяв-

ший ранее комнаты № 3 и 9. Видимо, это произошло после пожара, так как обгорелые стены фиксируют еще наличие прохода.

С востока на его продолжении расположены комнаты № 10 и 11. Это прямоугольные комнаты, с трех сторон ограниченные паховыми стенами, сохранившимися с предшествующего времени. Их разделяет узкая стена из сырца толщиной в полкирпича. Вдоль северо-восточной стены комнаты № 10 отмечен ящик типа закрома, вымощенный жженым кирпичом. Неясен выход из комнаты № 10, отделенной от комнат № 9 и 11 тонкими стенками без следов прохода. Из комнаты № 11 выход вел на север к подквадратной площадке, с севера и востока ограниченной паховой стеной, а с запада стенами комнат № 4 и 6. Условно названное помещением № 12, оно фактически являлось внутренним двором и на ранних этапах связывалось с комнатами № 4, 5, 6. Как отмечалось выше, полы этих помещений сохранили следы фигурной вымостки из жженого кирпича, соотношение длины к ширине 2 : 1, при общих вариациях длины 25—31 см, ширины 12—17 и толщине 4—5 см. Однако отмечен стандарт 40×17×5,5 см, 35×15,5×4, и 36×16×5 см. Сверху на кирпичиках видна продольная двойная полоса. При вымостке полов она имела декоративное назначение, при выкладке стены — конструктивное: для более плотного соединения с раствором. Интересна находка трапециевидных кирпичей от фигурных конструкций; их размеры — 19×17,5×13,5×5,5 см и 19×17×14,5×5,5 см. Вымостки полов проходят под стенками помещений, связывающих комнаты № 3, 5, 6 в виде единой кладки, подчеркивающих поздний характер выкладки стен-перегородок. После снятия их вместо указанных комнат образовался единый крупный внутренний дворик, в основном вымощенный кирпичом. На месте стены комнаты № 3 стояли две базы колонн высотой 10 см, сложенные из жженого кирпича того же стандарта, что и пол. Размер устоев 36×40 см. Они поддерживали колонну айвана, выходившего с юго-запада во дворик.

База аналогичного устоя была расчищена в восточной части двора (комната № 12). Она сложена из жженого кирпича квадратной (60×60 см) формы. В центре двора обнаружена округлая ванна диаметром 1,5 м, сложенная из жженого кирпича на ганчевом растворе. В северо-восточной части найден еще один небольшой (30×30 см) устой, вдоль него параллельно к северной стене уложена арочная балка.

Таким образом, на первом этапе функционирования дворик с трех сторон, кроме северо-восточной, откуда был вход, оформлялся комнатками и айванами. Затем юго-западный айван застроили помещениями, преимущественно хозяйственного назначения.

К северо-востоку от дворика за монументальной стеной раскрыты остатки кухонного комплекса, связанного с последним этапом обживания. На слое оплыва крепости расчищен отделенный невысокой кирпичной стеночкой очаг подковообразной формы диаметром 50 см, сложенный из глины. Фасадные стеночки оштукатурены. Пространство перед очагом вымощено жженым кирпичом, для угля и золы выделена специальная площадка.

Кухонно-хозяйственный комплекс этого же времени обнаружен в отвале за наружной стеной к юго-востоку от комнаты № 10. Он представлен крупным вертикальным тандыром диаметром 1,2 м, сложенным из специально обожженной глины толщиной 4 см. Глина с примесью мелких камней. Стенки внутри с ребристыми полосами для удобства лепки лепешек. Печь установлена на обломках кирпича. Рядом с ней кухонный очаг открытой формы, округлопрямоугольный, диаметром 55 см. Сложен из обломков жженого кирпича, поставленного на ребро. Топка с восточной стороны. К западной стене примыкает прямоугольный столик из сырцового кирпича. Размер столика 60×115 см, сохранившаяся высота 55 см. К юго-западу от них бадрабная яма № 9. В ней отмечены набор столовой стеклянной посуды, обломки стенок производственных печей (куски сильно ошлакованной глины) и нечитаемая медная монета караханидского стандарта. Этот комплекс функционировал на самом позднем этапе и после запустения ряда комнат, так как яма врезана в стены помещений.

С юго-запада к комнате № 7 примыкает № 13. При ее постройке использовали три более древние пахсовые стены. Узкая перегородка с северо-востока отделяла ее от комнаты № 1, с которой на первых этапах она составляла единое целое — помещение размером 11,1×9,3 м. На первых трех этапах она соединялась с комнатами № 7 и 8. Ранний пол — глиняно-саманный — сохранился лишь в западном углу. На втором этапе вход в комнату № 7 оформили порогом из жженого кирпича караханидского стандарта, но тоненького, характерного для I—III этапов. Вдоль юго-западной стены построили суфу высотой 40 см и шириной 90. Длину установить не уда-

лось, так как комната прорезана ямой и сохранилась лишь на 190 см. Внутри нее под полом, раскрыто два желоба из жженого кирпича, пересекавших комнату с северо-запада на юго-восток. Ширина их — 30 см, сохранившаяся высота — 16 см; назначение неясно.

Во время пожара, завершившего первый строительный период, обгорели стены и особенно проходы в комнаты № 7 и 8, имевшие, вероятно, деревянные двери и косяки. После этого (II период) заложили вход в комнату № 8, полы подняли на 40 см и засыпали суфу. С северо-востока поверх желобов построили узкую (в один кирпич) перегородку, выделившую комнату № 1. Вдоль всей стены на ширину 2 м выложили ящик высотой в один кирпич. Место входа в комнату № 8 заняли два пристенных очажка прямоугольной формы, а проход в комнату № 7 оформили округлой аркой.

На пятом этапе пол вымостили жженым кирпичом, на шестом этапе вдоль северо-восточной стены заложили ящик, в противоположном секторе появилась яма, прорезавшая пол и суфы ранних этапов. Около ямы, в углублении, расчищен хум, покрытый внутри слоем сильно обгоревшей штукатурки. Прокалены и стенки хума. Вероятно, на поздних этапах эта комната, как и № 7, превратилась в хозяйственное помещение, служившее одновременно и хранилищем с закромом и ямами, а хум играл роль сандала, обогревавшего комнату. На этом этапе в северо-восточной стене вновь появился вход.

Таким образом, комната № 13 продублировала основные этапы обживания, прослеженные в комнате № 7, с которой она была связана функционально. Рядом с ней, к юго-западу, расположена комната № 8. Размеры ее максимальные — 11,1 × 8,5 м. Однако сохранилось лишь три стены, имевшие более раннюю пахсовую основу. Северо-западная стена не сохранилась. Вместо нее расчищен завал из сырцового кирпича (32 × 16 × 5 см) с включением жженого и остатками арочного перекрытия ниши или входа в центре этого фаса. Кроме того, открыты остатки тонких перегородок, деливших ее на поздних этапах на три отдельные комнатки.

На раннем этапе эта комната в юго-восточном углу соединялась узким (0,7 м) проходом с комнатой № 13. Однако уже во втором этапе вместо него в 3,65 м от юго-восточного угла пробивают арочный проход шириной 1,35 м. В углу же из жженого кирпича (30 × 15 × 4 см) выкладывают квадратный ящик размером 83 × 83 см. высотой 65 см. К нему подводят

вымостку из жженого кирпича. В юго-западном углу жженым же кирпичом выкладывают подквадратную суфу.

Во втором строительном периоде (IV—VI жилые этапы) помещение делится на два, комната (№ 19) в юго-западном углу превращается в специальное хранилище с ящиком, облицованным крупным жженым кирпичом.

К северу от двора № 1, отделенное коридором от комнаты № 8 расчищено примыкающее одной стеной к самой высокой части руин замка помещение № 14. Оно прямоугольной формы, удлиненное с юго-востока на северо-запад с отчетливыми признаками двух этапов перестроек. На первом этапе оно представляло большую комнату, отделенную от помещения № 13 длиной (6,65×0,95 м) стеной. Вход в помещение открывался через крытый внутренний дворик, вынесенный за основную северо-западную стену. Во двореике находился тандыр. Приемы кладки стен различны.

Северо-восточная стена, упирающаяся торцом в основную стену сохранила деревянное основание, являющееся частью антисейсмического каркаса. Это основание шириной до 95 см положено на верхнюю часть хорошо сохранившейся стены нижнего строительного горизонта, сложенной из жженого кирпича. Каркас забит обломками сырцового кирпича, комками глины и хорошо оштукатурен. В завале проходов найдены фрагменты резного ганча от облицовки стен. Сохранность фрагментов очень плохая, резьба неглубокая, представлена растительными мотивами в форме лепестков и маленьких цветочков. Помещение сильно пострадало от пожара. По всей площади выявлены крупные блоки обгоревшей штукатурки, обгоревшие балки, много древесного угля, сильно обгоревшие фрагменты неполивной керамики. Сгоревшая деревянная балка расчищена у входа, ее длина 1,80 м, ширина до 0,35 м, толщину измерить не удалось. Балка упала внутрь комнаты. Проход, ведущий во двор, перекрывался деревянной дверью, о чем свидетельствуют выявленные в завале прохода остатки двух досок шириной до 60 см, т. е. соответствующие ширине прохода. Рядом с сильно обгоревшими досками обнаружена железная поделка прямоугольной формы длиной 23 см и шириной 3,5—4 см, возможно, служившая для закрывания двери, типа щеколды-завдвижки. Около нее лежала медная цепочка с остатками железного навеса и бронзовая декоративная ручка в форме полукольца с декоративным отростком. Из других находок, помимо фрагментов керамики, можно назвать пастовую

круглую бусинку бирюзового цвета диаметром 0,4 см и небольшой бронзовый бубенчик в виде шара диаметром 1,6 см с сегментовидным вырезом и небольшим камешком внутри.

На втором строительном этапе выход, связывающий помещение № 14 с двориком № 17, был заложен, что, очевидно, связано с изменением функционального назначения комнаты № 14 (или утратой функций дворика № 17). В самом помещении № 14 построили два однотипных очажка П-образной формы, сложенных в северном и западном углах помещения на расстоянии 60 см один от другого. Кладка комбинированная, грубая, выполненная из жженого и сырцового кирпичей и обмазанная глиной; толщина обмазки 2—5 см. Длина продольных стенок очажков разная. Стенка первого очажка, обращенная во внутреннюю сторону комнаты,— 35 см, а внутренняя стенка второго очажка — 77 см. Длина стенок, обращенных к комнате, соответственно равна 67 см и 35. Узкая (16 см) перегородка образовала ящикообразное пространство шириной 70 см, использовавшееся как закром-хранилище.

Таким образом, на втором этапе функции комнаты меняются: она приобрела хозяйственное значение. Вдоль этой комнаты начинался коридор № 1 коленчатой формы. Первый отрезок длиной 3,3 м и шириной 1,65 был вымощен жженым кирпичом и соединял парадные помещения комплекса и дворик с производственными.

На первом этапе комнаты № 15 и 16 на северо-западе выходили в узкий хозяйственно-производственный дворик размером 15,5×4,2 м, вытянувшийся между этими комнатами и внешней стеной цитадели. В северном углу его построен пристенный кухонный очаг полуциркульной формы, напоминающей терракотовые очажки (рис. 25). Ширина арки входного отверстия 40 см, вход в очажок оформлен порталами по 20—25 см, диаметр очажка — 45, высота — 60 см. Перед очагом расчищена вымощенная жженым кирпичом площадка (78×58 см), ограниченная бордюром высотой 9 см из спаренного кирпичика, поставленного на ребро. К северу от нее, вдоль стены, найдена специальная площадка для золы размером 70×65 см, а в 90 см от печи, в углу, из кирпича сложен временный очажок с древесными углями, вероятно, для сохранения пищи в горячем виде. В западной части дворика расчищены производственная печь и западнее ее пять небольших ямок, связанных с производством (рис. 26). В одной найдено три железных ладошкообразных крицы, в другой — мелкие

Рис. 25. Р-4. Очажок в производственно-кухонном дворике.

металлические шлачки, оставшиеся после очистки чернового железа. Среди довольно многочисленных керамических находок во двореке особо можно выделить крупный фрагмент высококачественной глазурованной чаши с шестилепестковой зеленой пальметтой в центре дна на белом фоне. По стенкам — среди коричневых завитков и «гравировки» — красно-коричневые фигурки буйволов с крупными рогами, украшенными бу-

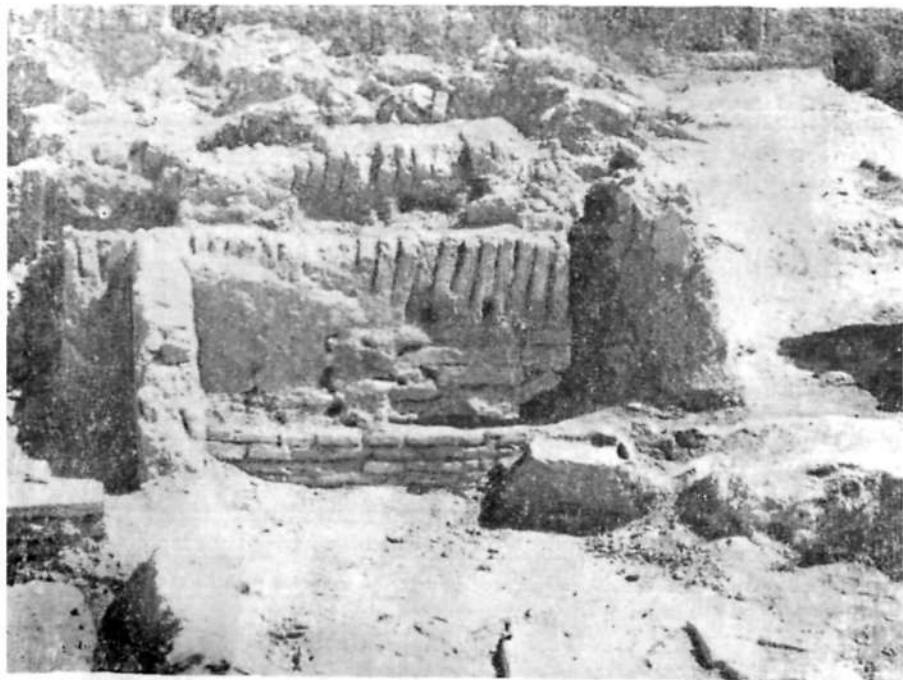

Рис. 26. Р-4. Производственный комплекс у комнат № 15 и 16.

бенчиками. Тела их расписаны кружками, точками или птичками, изображающими шерстный покров. Животные изображены в медленном движении друг за другом. Тип пальметты, украшающей края сосуда коричневыми узорами, характерен для начала XI в. н. э.

Сверху, среди завалов, перекрывающих слой пожара, расчищены тонкие перегородки, разделившие дворик на небольшие комнатки (№ 17, 18, 21), так кухонные очаги оказались

в комнате, а производственные ямы засыпал перекрывший их позже пол.

Помещение № 18 занимает площадь 25 м². Его длина 7 и ширина 3,75 м. К юго-западной стене длиной 7 и шириной 1,35 м пристроена длинная внутренняя стенка длиной 7 м, шириной 0,5 м. Она сложена из глинопахсовой массы. Обращен-

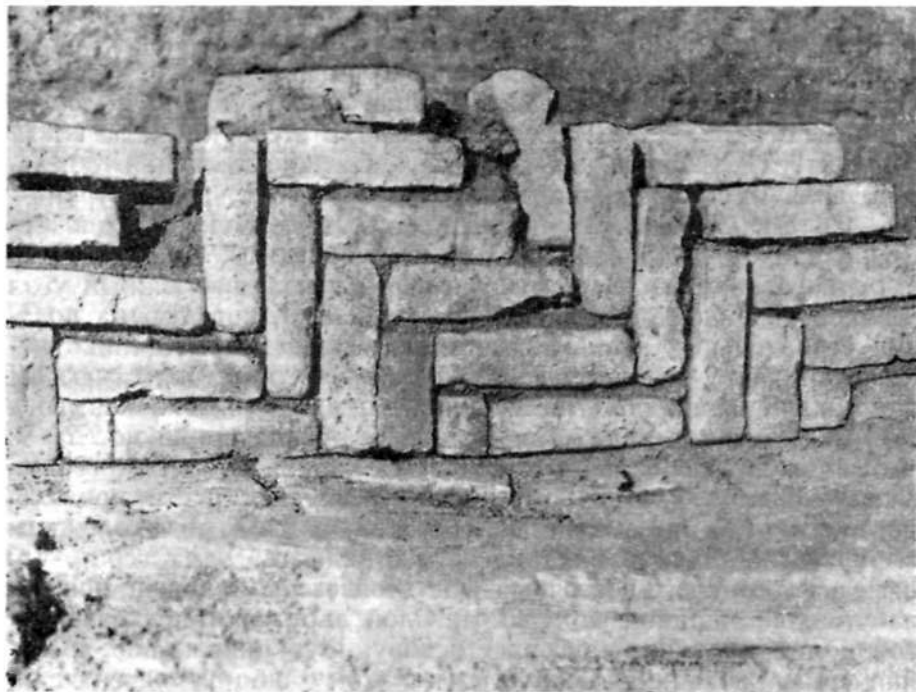

Рис. 27. Р-4. Фигурная кладка фасада помещения № 18.

ная к помещениям парадного комплекса юго-восточная стенка сложена из жженого кирпича караханидского стандарта — кладка в полкирпича. Длина этой стенки 3,75 м. Вход в помещение расположен в северо-восточной части. Его ширина 1,70 м. Фасад помещения выложен фигурной ступенчатой формы кладкой из жженого кирпича размером 30×17×5 см. (рис. 27). Пол помещения глинобитный с четырьмя слоями обмазки, очень хорошей сохранности, хотя в некоторых частях поврежден пожаром. В южном и западном углах расчищено два сгоревших деревянных стояка и толстый слой сгоревшего

камыш — остатки кровли. Стояки упали в комнату. Под ними обнаружены керамическая бусинка диаметром 0,4 см и обгоревшая персиковая косточка. Высота стояков 1,3 м. Расчищенное помещение № 18 представляло крытый айван, фасадом обращенный в северо-восточную часть двора парадного комплекса.

В крайней северо-восточной части хозяйственного комплекса расположено помещение № 19. Внутренняя часть стены, отделяющей хозяйственный комплекс от парадной зоны, одновременно является и юго-восточной стеной комнаты № 19. Площадь ее составляет 4,5 м² (длина 3,35 м, ширина 1,33 м, высота не менее 2,3 м). Северо-западная стена комнаты № 19 оштукатурена хорошо сохранившейся глино-саманной обмазкой, сильно обожженной пожаром. Толщина штукатурки — 0,6—0,8 см. Сама северо-восточная стена помещения одновременно является торцовой частью мощной стены, сложенной из сырцового кирпича. Вероятнее всего, это крайний южный угол мощной обводной стены центрального замка, которую на поздних строительных этапах забутовали. Пока вскрыта лишь небольшая часть этой стены, обращенная юго-восточным фасом к комплексу парадных помещений. Ее длина 2,25 м и высота 2,30 м. В стене выявлен замурованный проход шириной 2,25 м. Он заложен жженым (30×15×4 см) кирпичом, битым сырцовым кирпичом, плотно забутован. В верхней части прохода, поверх плотно забутованного грунта, в один ряд положены сырцовые кирпичи караханидского стандарта. Характерно, что весь вскрытый юго-восточный фас этой стены заложен мощной забутовкой шириной до 1,25 м. Слой забутовки представляет собой чистую глино-пахсовую основу. Функциональное значение стены, ее принадлежность к какому-либо архитектурно-строительному периоду пока не выяснены из-за частичной вскрытости.

Рассмотрим подробнее помещение № 19. Как отмечалось, северо-восточная его стена оштукатурена хорошо. На ее поверхности сделаны три горизонтальные выемки длиной 25 и шириной 0,7 см. Такие же выемки видны на северо-западной стене, составляющей с описываемой стеной северный угол комнаты. Они находятся на одном уровне и, вероятно, служили для крепления угловых полочек. В нижней части стены, на высоте 30 см от пола, обнаружена небольшая ниша в виде реторты, в которой найдена стеночка керамического горшка с плотным «припоем» земли. В этом слое отчетливо просматри-

ваются маленькие ячейки, заполненные очень плохо сохранившейся шелухой зерна. Вероятней всего, в горшке хранились зерна пшеницы. Пол помещения глинобитный, с пятью слоями обмазки, хорошей сохранности, но сильно обожженный и в некоторых местах поврежденный завалом. Интересна структура завала комнаты № 19. В заполнении (мощность завала 2,3 м) выявлены большие куски обгоревших балок и досок, куски сырцового, реже жженого кирпича, обильные прерывающиеся по всему заполнению завала скопления золы бело-сероватого и красного цветов. Все это дает основание предположить, что в помещении № 19 произошел сильный обвал, вызванный пожаром.

Невысокий, пробитый в древней стене ход выводил из комнаты № 19 на север в помещение, располагавшееся на глубине более 4 м. Вырубленные в кирпиче ступени приводят в небольшую подземную сводчатую комнату, пока не расчищенную. Это помещение — широко известная в средневековой Средней Азии сардобхана — комната прохладной воды, в которой в жаркое время года хранили питьевую воду.

Западный угол цитадели сохранился хуже всего. Укрепления предшествующего периода, вероятно, завершались здесь открытой площадкой. Она оплыла и была на 2,4 м ниже основной территории цитадели. Вдоль пониженной площади расчищен узкий, немного более 1 м, вымощенный жженым кирпичом разного стандарта коридор, параллельный северо-западному фасу стены. Преобладает кирпич размера $32 \times 16 \times 4$ см, но встречается и квадратный — $21 \times 21 \times 4$ см. От коридора отходит маленькая комнатка с очагом, за пределами его снаружи, на самом оплыве, расчищено 6 ям-бадрабов, врезанных в пахсовые основания. Из ям получен большой комплекс выброшенных поливных и неполивных сосудов второй половины XI — начала XII в., аналогичных керамическому набору из первого хозяйства раскопа № 1, датированного кладом монет 80-х годов XI в. н. э.

Судя по архитектуре и находкам, после определенного периода запустения, сопровождавшегося разрушением и оплывом крепостных стен, весь комплекс цитадели был освоен под крупное феодальное городское многокомнатное хозяйство, выполнявшее не оборонительные, а жилые и производственно-хозяйственные функции. Несмотря на сравнительно крупные (более 1500 м²) размеры, хозяйство это было единым, планировка всех составных жилых, хозяйственных и производствен-

ных узлов подчинена единому композиционному замыслу. Во все периоды функционирования основной вход в цитадель осуществлялся на востоке с помощью пандуса вдоль городской оборонительной стены. Он вводил в крупный внутренний дворик прямоугольной формы. С северо-востока двор ограничивали облицованные кирпичом руины древнего замка, а с юго-запада и северо-запада — айваны. Вдоль них по периметру проходили крупные комнаты (№ 10, 9 и 13), выполнявшие роль жилых и хозяйственных помещений, хранилищ, № 7 — банного назначения. На северо-западе, вдоль двора, располагались жилые парадные помещения № 1, 8, 14. В западной части, вдоль коридора с уступом, формируется ремесленно-производственный комплекс (помещения № 15, 16, 17), связанный с металлообработкой и ювелирным ремеслом. Архитектурно-строительные приемы производственных помещений резко отличаются от жилой и парадной части. Стены тонкие, каркасные, глинобитные. Основой для них служил деревянный каркас на фундаменте из жженого кирпича. Сохранились сгоревшие балки основания диаметром 12—15 см, детали стоек и обгоревшие куски глины. Толщина стен составляла 15—20 см. Полы глинобитные, неровные. Лишь отдельные участки, связанные с использованием огня и отсыпкой золы, покрыты вымосткой жженого кирпича. Вдоль них проходит узкий производственно-хозяйственный дворик с множеством небольших ям для хранения сырья и сброса производственных отходов. В этом же дворике располагается и крупный кухонно-хозяйственный комплекс со специальными печами, площадкой для горячих углей, золы и, вероятно, хранилищами для кухонной посуды.

Высокий массив замка в северном углу был приспособлен для глубокой подземной комнаты-прохлады — сардобханы, а в северо-западном углу, за пределами древних стен, на оплыве цитадели, находился санитарно-коммунальный комплекс с хозяйственными и сливными ямами и туалетами. В первые три жилых этапа отмечены лишь благоустройство помещения и частичная перестройка отдельных комнат, однако после пожара на грани III и IV этапов происходит значительная перепланировка в основном жилой и парадной частей. Уменьшаются размеры двора, в котором возводятся комнаты № 3, 4 с вымощенными жженым кирпичом полами. Расширяются и приобретают функции жилых и отчасти парадных, комнаты № 9, 10. В № 10 появляется аркообразная фигурная выкладка

пола жженым кирпичом; № 9 занимает часть седьмого, где располагается комнатка-чуланчик с двумя суфами вдоль стен, вероятно, для прислуги. Часть двора (комнаты № 5, 6, 12) застраивается двумя крупными комнатами, примыкающими к помещениям № 9 и 10. А служившее ранее банным комплексом помещение № 7 теряет свои функции, засыпается тазар, появляются ящики-закрома, ямы-хранилища, подвал с деревянным перекрытием, и вместе с комнатой № 13 это помещение превращается в хранилище. Баня, по всей видимости, переносится на север — к хозяйственному комплексу.

Дальнейшие перепланировки связаны с более тесной застройкой двора комнатами № 5 и 6, изменившими свои функции, и комнатами № 9, 10. Все эти помещения приобретают назначение хранилищ и рядовых жилых помещений. Вновь изменяется назначение помещения № 7, превращающегося в крупную жилую комнату с суфами и канами для обогрева. Вероятно, эти же функции выполняли комнаты № 3 и 13. Хранилища в основном концентрируются в западном секторе, близ ремесленно-производственных помещений. Застраивается производственными помещениями и северный дворик, поэтому даже хозяйственные ямы оказываются внутри комнаток, разделенных узкими каркасными и сырцовыми перегородками. Вдоль северного поперечного коридора расширяются кухонно-хозяйственный и коммунальный комплексы, занявшие северо-западный угол цитадели. Эти перестройки свидетельствуют о росте феодального хозяйства цитадели, потребовавшего увеличения жилых комнат, застройки двора, появления кухонных помещений за пределами монументальных стен.

После второго интенсивного пожара хозяйство приходит в запустение. Лишь в некоторых пунктах на слое завала можно отметить незначительные остатки более поздних построек, сохранивших лишь уровни полов, очаги и хозяйственные ямы, прорезавшие слои более ранних помещений. Однако постройки носят временный характер, сохранность их очень плохая, поэтому восстановить планы этого уровня невозможно. Материал всех жилых этапов хорошо укладывается в рамки с конца X до начала XII в. н. э., причем самая ранняя монета слоя относится к 388 г. х. — 988 г. н. э.¹¹, самая поздняя — к 80-му г. XI в.

¹¹ Дата неверно определена М. Н. Федоровым как 398 г. х. Об этом см. главу IV в настоящем сборнике.

Раскопки в шахристане I

В 1969 г. в северо-западном секторе шахристана был заложен раскоп I как стратиграфический разрез шириной 2 м, пронизавший всю толщу культурных наслоений на глубину 15 м до материка¹², а с 1974 г. как планиграфический раскоп для изучения жилых комплексов наиболее плотно застроенной части первого городища. Площадь раскопа составила 600 м² (30×20).

В верхних слоях расчищено два архитектурно-строительных горизонта жилых построек, возведенных на руинах и оплывах потерявшей значение и разрушившейся оборонительной стены города. Первый (XXXIII) из них¹³, охвативший верхний культурный слой мощностью до полуметра, почти не сохранил остатков стен и прослеживался лишь на уровне полов, на которых встречались сырцовые и жженные кирпичи размером 29×14—16×4 см и их обломки, фрагменты керамической и стеклянной посуды. Глазурованная керамическая посуда покрыта темно-зеленой и желтой поливой, последняя с подглазурным коричневым орнаментом. Эта керамика характерна для Чача и Илака второй половины XI — начала XII в.

Лучше сохранился второй горизонт (середина XXXIV яруса). Здесь открыто два изолированных жилых хозяйства, стены которых сложены из пахсы, а внутренние перегородки и архитектурно-конструктивные детали (обкладка ям-хранилищ, суфы и т. д.) — из сырцового, реже жженого кирпича размером 29×16×4 см, 32×16×5 см. Комплексы возведены на пахсовой платформе, представляющей руины монументальных зданий предшествующего времени, и на их завалах. Уровень пола в середине XXXIV яруса выделен глиняными промазками и облицовкой жженым кирпичом, одновременно с прямоугольным изредка (как пережиточное явление) встречается квадратный кирпич размером 21×21×3,5—4 см.

Первое хозяйство объединяет комнаты № 1—6 и выходящий на оплыв дворик в юго-западной части. Северная стена хозяйства не выявлена. В северо-восточном углу — комната № 1. Первоначально длина ее была 6,5 м, но на втором этапе

¹² Абдуллаев К. Археологическое изучение городища Канка... (1969—1972). ИМКУ, вып. 12. 1975, с. 131—137.

¹³ На городище вертикальная фиксация проводилась по ярусам. В ярусе — 0,5 м. Реперная точка для цитадели и шахристана едина, поэтому слои P-I начинаются с XXXII—XXXIII ярусов.

ее разделили поперечной стеной толщиной в полкирпича на две комнаты № 1 и 2, соединенные входом шириной 1,1 м.

Длина комнаты № 1 на этом этапе составила 3,45 м. У юго-западной стены комнаты сохранилась суфа шириной 1,2 м, вдоль нее расчищено три ямы. Яма № 1 с неровными краями, неглубокая, скорее углубление в полу. В ней находились два целых одноручных неполивных кувшина и обломки глазурованной чаши. Рядом — хозяйственная яма № 2, диаметром 1,1 м и глубиной 1,2 м. В рыхлом лессовом заполнении ее зафиксирован раздавленный крупный кувшин для воды — куза, обломки котла, расслоившееся бронзовое зеркало, две стеклянных бусины черного непрозрачного стекла с глазками инкрустации белой массы и фрагмент чаши с коричневой росписью под мутно-белой поливой. В 30 см южнее ее — яма № 3 диаметром 0,9 и глубиной 1,2 м, в заполнении которой найдены обломки кувшина и стеклянного сосуда. Интересен слиток неочищенной меди, керамическая чаша бледно-зеленой глазури и часть стеклянного флакона с налепной ручкой.

В южной части комнаты — самая крупная яма № 4 диаметром 2,1 м. В ней отмечено два разбитых одноручных неполивных кувшина и фрагменты глазурованных обломков стаканообразного тигля из белой огнеупорной массы, с обеих сторон покрытого стекловидной массой коричневого цвета. При зачистке пола на краю раскопа к северу от ямы были расчищены частично попавшие в раскопку ямы № 8 диаметром 1,25 м и № 9 диаметром 1 м, в которой найдены целая симобкузача и обломок стеклянной рюмки.

Проход в юго-западном углу комнаты № 2 выводил в маленький тамбур, узкий (60 см) вход из которого вел в узкий четырехметровый коридор. К северо-востоку от него — комната № 3. Северо-западная стена ее пахсовая толщиной до 2 м. Фактически для нее приспособлена пахсовая стена предшествующего времени. Юго-западная стена сложена из сырцового кирпича, и на южном отрезке из жженого. В третьей комнате также расчищены две хозяйственные ямы, относящиеся в отличие от первых комнат к более верхнему горизонту. Это доказывается тем, что они поднимаются над уровнями полов, а одна (яма № 5, расположенная около северо-западной стены) слегка перерезает стену. Яма № 5 довольно крупная, диаметр ее 1,5 м, глубина ниже уровня пола на 0,8 м, заполнена лессом с большим количеством обломков неполивной керамики — крупные одноручные кувшины, два небольших целых

кувшинчика, раздавленный горшок, две целых и обломки трех крышек фрагментарной сохранности, два котла, кости животных, симобкузача. Интересна бусина рубчатой формы из красно-коричневого неосветленного стекла, каменное пряслице биконической формы. В углу ямы — небольшой кладик из слипшихся медных монет, лежавших стопочкой и завернутых в тряпку из хлопчатобумажной ткани. Монеты диаметром 2,6 см очень плохой сохранности. Они оказались дирхемами плохого качества с большим содержанием лигатуры из меди и свинца. По определению Б. Д. Кочнева, монеты местной караханидской эмиссии 80-х годов XI в. выпущены по приказу Шемс-ал-мулька. Вместе с ними найден обломок чаши с коричневой росписью под желтой глазурью.

У юго-восточной стены расчищена яма № 6, попавшая в раскоп частично, диаметр за 1,1 м. Яма забита плотным лесом, находок не было. К востоку от ямы № 5 выявлена еще одна — № 7 диаметром 1,2 м и глубиной 0,8. Находки в ней малочисленны, в основном обломки керамической посуды, а у северо-восточной стены — яма № 10 диаметром 1 м, заполненная лесом без находок.

К юго-западу от комнат № 1—2 располагались помещения № 4—6, а вдоль комнаты № 3 — небольшой внутренний дворик. В 1969 г. этот комплекс вскрыл К. Абдуллаев. Таким образом, хозяйство включает шесть комнат и внутренний дворик, замкнутое пахсовыми стенами. Юго-западнее него раскрыто хозяйство № 2 (рис. 28). Комната № 1 размером 3,5×5,75 м. Западная, северная и южная стены — пахсовые, уходят под уровень пола. Основой для них послужила древняя стена, подрезанная до толщины 100—60 см. Высота ее — 1,2 м. Вдоль южной стены — заком размером 120×180 см. На высоту 40 см стенки его сложены из сырцового кирпича (25×16×6,7 см) толщиной в полкирпича. Дно приподнято на 20 см над уровнем пола и обложено жженым кирпичом (27—34×13—17×4 см).

В южной части помещения под уровнем пола вскрыто детское погребение. Младенец лежал на глубине 70—75 см от современной поверхности, на правом боку, головой на северо-северо-восток лицом к северо-западу. Возраст погребенного — до трех лет. Инвентаря в погребении нет. Захоронение совершено в разрушенном комплексе.

В 1,5 м севернее закома параллельно ему проходила стена комнаты. Стена глинобитная, толщиной 0,5 м, в кладке обна-

ружены обломки жженого и сырцового кирпича, кости животных и обломки керамики. Вплотную к стене в 3 м от западного угла располагался пристенный круглый в плане очаг диаметром 0,6 м. Пол комнаты вдоль очага на площади $1,2 \times 1,5$ м вымощен жженым кирпичиком характерного для хозяйства стандарта $32 \times 16 \times 4$ см. Пол восточной половины комнаты приподнят над западной на 16 см и вымощен жженым кирпичом. У западного края этой площадки найдена яма глубиной

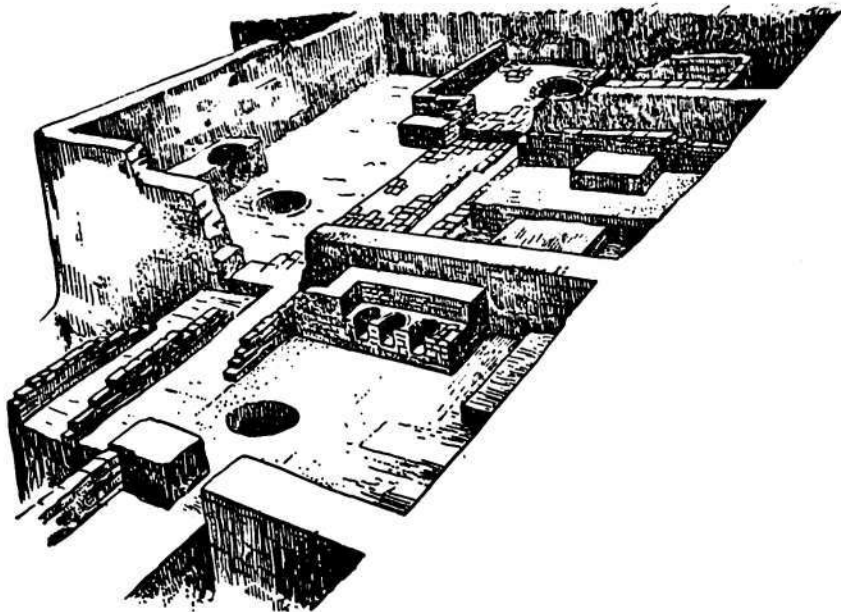

Рис. 28. Канка. Р-1, шахристан-I, жилой комплекс II. Вид с северо-запада.

50 см, диаметром 1 м, дно и стенки которой тщательно обложены жженым кирпичом. Вероятно, она выполняла функции сандала, угли в который подавались в жаровне, однако на дне сохранились немногочисленные остатки золы.

Таким образом, комната № 1 делится на две части: западную — хозяйственную с хранилищем и очагом, и восточную — более парадную, приподнятую над первой с подпольным сандалом и кирпичным полом. К востоку от него расчищено крупное продолговатое помещение — комната № 2. С трех сторон ее оформляли монументальные пахсовые стены, средняя из которых разграничивала ее с хозяйством № 1. В комнате раз-

мером $3,3 \times 4,8$ м расчищен напольный сандал в виде ямы диаметром 0,95 м и глубиной 0,6 м, обложенный по краю жженым кирпичом, поставленным на ребро, с золой и сосудами хозяйственного назначения (тагора, хумы), в углу — очаг с приступкой, у входа — небольшая суфа (рис. 29).

Севернее комнаты № 1 проходил узкий коридор шириной 1,1 м. Северная узкая стеночка его протягивается лишь на

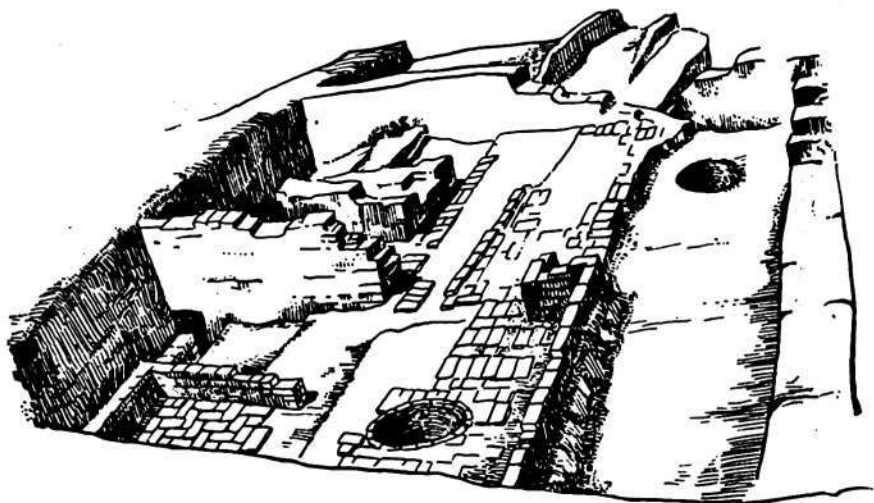

Рис. 29. Канка. Р-1, жилой комплекс II, вид с востока.

165 см и обрывается в комнате № 3, соединявшейся на юге с комнатой № 1.

Комната № 3 — крупных ($4,8 \times 4$ м) размеров. Пол ее ниже первой комнаты на высоту одного кирпича, поставленного на ребро, поэтому вход оформлен данданой. Южная стена этой комнаты, смежная с коридором 1, как отмечалось выше, узкая (толщиной 20 см), сложена из сырцового кирпича толщиной в полкирпича. Снаружи она оштукатурена и покрыта полихромной стеной росписью, нанесенной на белую штукатурку голубой, красной и желтой краёками (рис. 30). Сохранность ее очень плохая. Мотивы орнамента — растительные завитки. Четко различаются два слоя штукатурки, причем оба орнаментированные. На некоторых фрагментах роспись сочеталась с резным (скорее, процарапанным) орнаментом, несущим по вдавлению следы раскраски.

В 20 см севернее стены приподнимается прямоугольный столик размером 110×75 см, высотой 40 см, облицованный жженым кирпичом, поставленным на ребро, с образованием по верху бортика высотой до 5 см. Столик заполнен плотно спрессованной золой белого цвета. Возле него выделена небольшая площадь, ограниченная кирпичом, для золы. Вытянутый с северо-востока на юго-запад столик, вероятно, выполнял функцию сандала, обогревавшего парадную комнату. В восточной

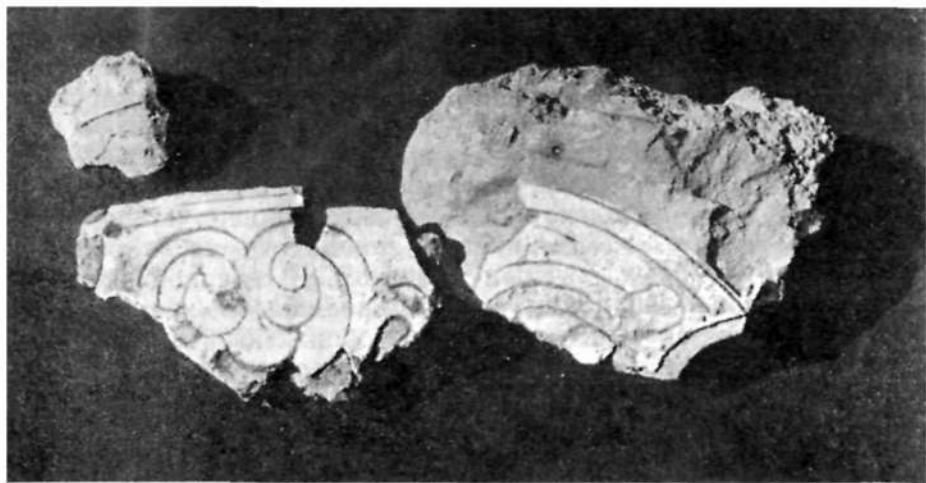

Рис. 30. Канка, Р-1, фрагмент росписи.

части комнаты пол вымощен жженым кирпичом и как бы образует проход между сандалом и восточной стеной. Площадка, на которую поставлен столик, приподнята на 25 см и образует своеобразное парадное возвышение — суфу размером 240×165 см. С севера к ней примыкает вторая, более низкая (18 см) пристенная суфа. Пол к востоку от возвышения обложен жженым кирпичом и образует довольно широкую вымощенную площадку, продолжающую парадное возвышение комнаты № 1.

На севере к ней примыкал коридор шириной до 1,5 м, который вел до оплыва городской стены. Стенки коридора выложены сырцовым кирпичом размером 32×16×5 см, толщина стены — полкирпича. Местами пол сохранил вымостку жженым кирпичом. С запада вдоль него пристроено кухонное по-

мещение, в котором вдоль специальной стеночки-приступки выложено три пристенных очага устьями на северо-запад. Диаметр очагов 0,25 м, высота 0,45 м, расстояние между ними 20 и 30 см. Сложены из сырцового кирпича размером $32 \times 16 \times 5$ см. Кладка вперемешку с выкладкой суфы-приступки с каждой стороны. Длина суф — 70 см. Пол очагов приподнят на 10 см над уровнем пола. В центре комнаты вертикальный тандыр подцилиндрической формы из специально обожженной глины с рифленой поверхностью, диаметр его 0,85 м, вдоль юго-западной стены — невысокая суфа. Северо-западная стена этой комнаты пахсовая, массивная.

К северо-востоку от комнаты № 4 расположен коридор шириной 1,1 м, выходящий во дворик. Перекрытие коридора сводчатое, сохранилась упавшая часть стены из жженого кирпича и пята свода, выложенного отрезками. Пол вымощен жженым кирпичом. Вдоль коридора с северо-восточной стороны обнаружена небольшая комнатка-хранилище, стены которой сложены из жженого кирпича толщиной в полкирпичика. Пол также вымощен жженым кирпичом. В северной части хозяйства дворик уходил на оплыв городища. В южной части его расчищен очаг, стенки которого обожжены до плотности камня, а земля вокруг прокалена. Форма его несколько необычна, представляет сочетание двух полукругов диаметром 50 и 30 см, соединенных узким (20 см) перешейком. Южнее очага — специальная выкладка из жженого кирпича. Судя по интенсивности обжига, очаг выполнял какие-то производственные функции, вероятно, связанные с обработкой металла. На полах — следы пожара; обгорели стены и выступы входа, сохранились фрагменты горелого дерева, перекрытий, обломки и целые экземпляры жженого кирпича стандарта $29-31 \times 14,5-15,5 \times 4$ см, два целых лекальных кирпичика размером $21,5 \times 17 \times 13 \times 4$ см и $29,5 \times 19 \times 13 \times 4$ см. Находки в завале, на полах, в помещениях и дворике довольно разнообразны. Преобладающую группу находок составляет керамика: фрагменты неполивной хозяйственной и кухонной посуды, круглодонные котлы с ручками-ушками, хумы, тагора, одноручные кувшины, аналогичные комплексу хозяйства № 1. В комнатах № 1 и 3 найдены обломки дастарханов со штампованным орнаментом.

В парадной столовой глазурованной посуде встречены сосуды закрытой, главным образом открытой формы. Полива — двух цветов. Первый тип бесцветная с коричневой и черной

подглазурной росписью по белому фону. Мотивы — геометрические (круги, треугольники), арабеска. Второй тип — сосуды с зеленой глазурью. Это невысокие округлые горшки с небольшими ручками, ляганы с резким изломом стенок и донцем с кольцевым поддоном. Интересны чираги зеленой глазури с ручками-бантиками, украшенными штампованным орнаментом.

Стеклянные сосуды выдувались в форму с геометрическим рельефным рисунком или украшались жгутовидным налепом. Из украшений интересна раковина-каури, просверленная в форме бусины, медная серьга в форме колечка.

В комнате № 1 около очага найден железный капгыр длиной 21 см, а в яме около очага — крупная тагора с двумя ручками. В комнате № 4 обнаружены железные и каменные орудия труда: кривой однолезвийный черешковый нож сердцевидной формы длиной 14 см и шириной лезвия 3 см, несколько гвоздей и железные пластины неясного назначения; около очагов лежала каменная ладьевидная зернотерка. В комнате № 2 собраны глиняные пряслица; такие же пряслица найдены во дворе.

Таким образом, перед нами два синхронных городских хозяйства с четкой планировкой, состоящих в одном случае из шести, в другом из пяти комнат и двориков. Хозяйства включают парадные и жилые помещения, хранилища в виде специальных комнаток или закровов внутри комнат, систему обогрева в форме наземных и подземных сандалов, хозяйственные комнатки с очагами и тандырами и производственные узлы в виде очагов, с сильно оплавленными стенками тигельков, небольших шлаковых скоплений.

В целом комплекс находок хозяйства № 2 аналогичен первому. В их жизни можно выделить два этапа, первый из которых целиком сохранил планировку, второй, более верхний, представлен лишь керамическим материалом. Однако материал обоих этапов одинаков. Он находит тесные аналогии в керамических комплексах XI — начала XII в. из ряда городищ Ташкентского оазиса, а в хозяйстве № 1 датируется кладком медных монет 80-ми гг. XI в.

Раскопки в шахристане III

В 1969 г. в южной части шахристана III К. Абдуллаев заложил раскоп 5, где обнаружил мощные отвалы бракованной неполивной посуды. Несколько южнее, за пределами крепост-

ной стены им же зафиксированы горелые пятна и шлаки, свидетельствующие о наличии гончарного производства, вскрыто несколько печей, относящихся к VII—VIII вв.¹⁴

Для выяснения планировки жилых и ремесленных кварталов к западу от упомянутого раскопа Р-5 в 1976—1977 гг. было заложено несколько раскопов¹⁵. Холм, на котором производили археологические работы, расположен в южном углу шахристана III и представляет подпрямоугольной формы возвышенность, с двух сторон (северной и северо-восточной) окруженную небольшим широким рвом; в настоящее время по нему проходит грунтовая дорога, к которой с юга примыкает глубокая округлая впадина. В настоящее время вся площадь к югу от холма снивелирована и вспахана под хлопковые поля и лишь севернее, где расположен основной массив городища, сохранился его прежний микрорельеф. Раскопки проводили по одному культурному слою. Вскрыто 28 жилых помещений, относящихся к двум периодам второй половины X и первой половины XI в. В двух помещениях вскрыт жилой уровень, относящийся к более раннему времени.

В результате археологических раскопок удалось выявить шесть групп помещений, сообщающихся между собой входами и изолированных друг от друга массивными сырцовыми стенами (рис. 31).

В первую группу входит пять комнат (1, 2, 3, 4, 5). В первом периоде обживания комнаты № 4 и № 5 представляли единое помещение прямоугольной формы с пахсовыми стенами шириной 75 см, высотой 40 см. У одной из стен располагалась суфа шириной 110 см, высотой 45 см, напротив нее, ближе к углу помещения, находился дверной проход в смежную комнату. В полу помещения открыт водопоглощающий колодец (дл. 75 см) без перекрытия, рядом с ним на полу лежал узкогорлый кувшин. В заполнении ямы находок не отмечено. На полу помещения расчищен слой (толщиной 35 см) пожарища, состоящий из древесных угольков, золы и обгоревших комьев земли, под ним обнаружены фрагменты поливных чаш. Одна из них покрыта прозрачной глазурью по белому ангобу и не орнаментирована, другая по краю украшена тянутой арабской

¹⁴ Абдуллаев К. Квартал керамистов городища Канка. ИМКУ, вып. 11, Ташкент, 1974, с. 83—92.

¹⁵ Работы проводили сотрудники Шаш-Илакского отряда: в 1976 г. Л. Г. Брусенко и З. Галиева, в 1977 г. З. Галиева под руководством Ю. Ф. Бурякова.

надписью с заостренными наверх буквами. Роспись нанесена черной краской по белому фону. Здесь же найдены горло и ручка неполированного кувшина и монета конца X в.¹⁶

Во втором строительном периоде наблюдаются значительные перестройки. Пол повышается по отношению к первому на 30 см. Пахсовые стены наращиваются сырцовыми кирпичами. Кладка комбинированная, средняя часть стен сложена вертикально стоящими кирпичами, края — вперевязку. Внутри

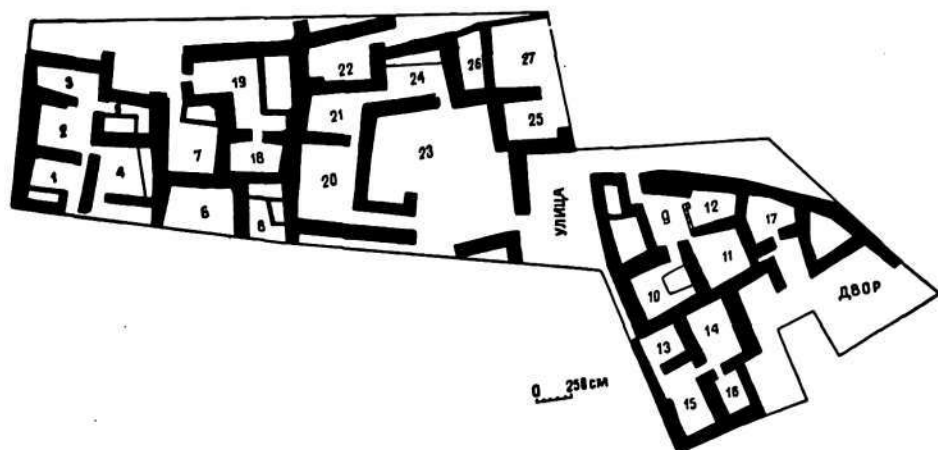

Рис. 31. Канка. Р-5, план помещений X — нач. XI в. в шахристане III.

помещения поверхность стен облицована вертикально стоящими кирпичами. Размеры кирпичей — $30 \times 15 \times 5$ см, $26 \times 18 \times 7$ см, $31 \times 15 \times 5$ см. Помещение перегородивается на две комнаты небольших размеров. Размер одной из них — $0,4 \times 3,8$ м, у южной и восточной стен ее расчищены остатки плохо сохранившейся суфы, глинобитный пол этих помещений сильно разрушен и сохранился лишь у стен. В южном углу обнаружен полукруглый очаг с остатками золы, сложенный из обломков сырцовых кирпичей. К северо-восточной стене помещения примыкает суфа, разрушенная поздним мусульманским погребением.

В слое заполнения найдены фрагменты широкогорлых кувшинов с линейно-волнистым орнаментом, обломки тагоры с

¹⁶ Определение Т. С. Ерназаровой, далее монеты в определении Б. Д. Кочнева.

горизонтально срезанным венчиком, котлы из огнеупорной глины с большой примесью известковых частиц и фрагменты краснолощенной керамики. Глазурованная керамика представлена фрагментами чаш с оливковой, черной и красной росписью по светлomu ангобу под прозрачной бесцветной глазурью. Основные элементы декора: стилизованный эпиграфический орнамент по цветной полосе, бордюр из крючкообразных знаков, миндалевидные бутоны с процарапанным до ангоба орнаментом, вихревая розетка. Весь комплекс находит широкие аналогии с керамикой первой половины XI в. во многих областях Средней Азии¹⁷. Кроме керамики, в этом помещении обнаружено скопление обломков стеклянных изделий: донца графинов, фрагменты банкообразных сосудов с косым рифлением, горла флаконов.

С южной стороны к описанной комнате примыкает второе помещение явно хозяйственного назначения. Размеры его — 3,70×2,20 м. Стены выложены из сырцового прямоугольного кирпича. У одной из стен обнаружено позднее мусульманское захоронение. Среди обломков сырцовых кирпичей найдена затылочная часть детского черепа плохой сохранности, остальные кости отсутствуют. От погребального сооружения ничего не сохранилось. У восточной стены расчищено скопление сырцовых кирпичей размером 26×18×7 см, напоминающих суфу. В противоположном углу этого помещения обнаружен прямоугольный резервуар размером 1,60×1,20 м. В центре его расчищено скопление обломков жаровни с массивными стенками из жаростойкой глины. Стенки изнутри сильно прокалены, дно с круглым отверстием, несколько смещенным от центра. Подобные сосуды неоднократно встречались Ю. Ф. Бурякову в Тункете, Абрлыге и городище Намудлыг¹⁸. Назначение их неясно, возможно, они служили переносными жаровнями (рис. 32).

Под резервуаром обнаружен водопоглощающий колодец, рядом с которым находилось скопление фрагментов стеклянных

¹⁷ Бернштам А. Н. Чуйская долина, табл. XXXV, 2, 4; Акишев К., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, с. 110, рис. 55; Вактурская Н. Н. Классификация средневековой керамики Хорезма, с. 291, рис. 13 (3—5); Ташходжаев Ш. С. Художественная поливная керамика Самарканда, см. приложение рис. 9 в.

¹⁸ Буряков Ю. Ф. Археологические материалы по истории Тункета и Абрлыга. Сб. «Материалы по истории Узбекистана». Ташкент, 1966, с. 92; Он же. Археологические материалы по истории Намудлыга. ИМКУ, вып. 9, 1972, с. 99.

ных «сумаков», являвшихся принадлежностью детских люлек «бешик». Аналогичные сосуды обнаружены на городище Афрасиаб В. Л. Вяткиным¹⁹. Они хранятся в коллекциях стекла Ташкентского музея. Среди находок встречено много изделий из железа. Здесь же найдены котлы с серповидными ручками, вогнутые крышки с ручкой-стерженьком, поля их украшены врезным орнаментом, выполненным гребенчатым инструментом и штампом. В этом же комплексе встречаются фрагменты

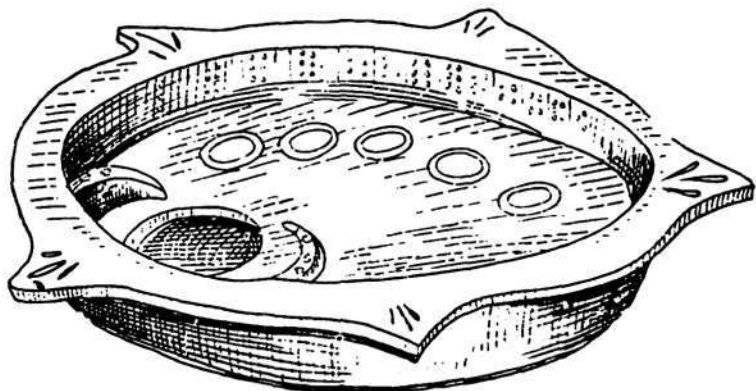

Рис. 32. Канка. Р-5, жаровня, обнаруженная в помещении № 2.

дастарханов со штампованным орнаментом в виде кругов. Хозяйственная посуда включает фрагменты хумов с горизонтально отогнутым подчетыреугольным венчиком и наклепным бордюром с пальцевыми вмятинами. Здесь же встречены горловины хумов с манжетовидным краем.

Помещение № 4 прямоугольной формы (4,50×3,60 м) расчищено неполностью. В заполнении отмечены лишь незначительные фрагменты глазурованной керамики, украшенной букетами из миндалевидных фигур и процарапанным орнаментом, типичным для конца X в. Пол в помещении глинобитный со скоплениями мелкого древесного угля, поверх которого идет другая светлая обмазка. С западной стороны к описанному помещению примыкает узкий коридор с выстилкой пола из жженого кирпича размером 35×15×6 см и 35×19×5 см, из которого один выход в большое квадратное помещение, дру-

¹⁹ Вяткин В. Л. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда. Ташкент, 1927, с. 62.

гой в кухню. Комната № 2 была центральным архитектурно-планировочным узлом, связывавшим все примыкающие помещения. Она выделяется размерами (4×3,5 м). При расчистке на полу обнаружены фрагменты неполновинных одноручных кувшинов с прямым цилиндрическим горлом, украшенных по плечикам волнистым орнаментом. Здесь же обнаружены горла и днища от хумов.

В первом жилом уровне в этой комнате было четыре выхода, один из них вел в комнату № 1 (4,3×3,2 м), где с правой стороны от входа расчищен прямоугольный очаг из сырцового кирпича. С другой стороны входа вдоль стены находился прямоугольный хозяйственный ящик, сложенный в один кирпич размером 32×15×4 см. Позже ящик перегородили на два небольших резервуара. Стенки одного из них облицованы фигурной кладкой сырцовым кирпичом. В помещении № 1 в большом количестве найдены обломки кухонной посуды: вогнутые крышки с ручкой-стерженьком, котлы с серповидными ручками, обломки хумов и кувшинов. Здесь же обнаружен фрагмент глазурованной чаши с эпиграфическим орнаментом. Надпись стилизованная, состоит из отрезков, включающих две буквы «алиф» и «лям». Между отрезками букв изображена головка стилизованного многолепесткового цветка. По очагу и скоплению котлов функциональное назначение помещения можно определить как кухню.

Во втором периоде обживания в этой комнате наблюдаются значительные перестройки. Стены остаются те же, закладывается дверной проем, ведущий в смежную комнату № 2. Пол становится выше за счет забутовки нижних сооружений. В северо-восточном углу прорубается новый дверной проем, ведущий в описанный коридор. На противоположной от входа стене выстраивается новый заком из сырцового кирпича. Изменяется центральная комната, ее перегораживают на два небольших помещения.

В комнате, примыкающей с севера к помещению № 2, закладывается вход, на 30 см повышается пол, на котором расчистили подковообразный, богато орнаментированный очажок, рядом с ним обнаружено скопление мелких кусков серы. С юго-востока и северо-запада помещения как бы изолированы широкими паховыми стенами от близ расположенных построек.

К юго-востоку от описанного комплекса жилых построек расположена вторая группа помещений, включающая пять комнат (№ 6, 7, 8, 18, 19), сообщавшихся между собой двер-

ными проемами шириной 90—110 см и примыкавших к небольшому дворику (открыт частично). Как и в предыдущем комплексе, здесь отмечено два жилых уровня. Одни комнаты претерпели перестройки планировочного характера, другие сохранились.

На первом этапе в северо-восточном углу помещения № 7 $5,50 \times 3,50$ м находилось хранилище, сложенное из сырцового кирпича, с большим скоплением керамики. В основном это фрагменты глазурованных чаш с вихревой розеткой в центре, фрагменты чаш, украшенных пышными букетами из миндалевидных фигур, выполненных в красно-черной цветовой гамме, сосуды с росписью оливковой краской по светлому фону с точечным заполнением свободного пространства. Кроме керамики обнаружены фрагменты стеклянных и металлических изделий. Рядом с хранилищем расчищен водопоглощающий колодец.

Позже хранилище и колодец закапываются. Уровень пола повышается на 35 см, а у западной стены помещения выстраивается глинобитная суфа, рядом с описанным помещением располагается комната № 19. Первый жилой период она сообщалась дверными проемами с комнатой № 7, позже проем заложили. В плане это помещение Г-образной формы размером $5,50 \times 3,90$ м, его заполнение насыщено находками. У юго-западной стены находился вертикально поставленный тандыр диаметром 50 см, изготовленный из глины с большой примесью крупнозернистого песка. Судя по уцелевшим деталям, у него был плоский венчик с процарапанным орнаментом по верхней площадке в виде неправильной сетки. Тандыр обложен сырцовым кирпичом ($34 \times 14 \times 5$ см) в виде квадрата $0,95 \times 0,95$ м. При расчистке внутри тандыра обнаружены три медные монеты: две монеты конца X — начала XI в. и один фельс Саманидов конца IX — первой половины X в. Рядом с тандыром находилось заполненное золой углубление подквадратной (95×75 см) формы, служившее, вероятно, для хозяйственных целей. Внутри этого хранилища обнаружен узкогорлый поливной сосуд с оливковой росписью. Орнамент выполнен в виде переплетающихся полос, образующих узлы, поверх нанесена бесцветная прозрачная глазурь. В южном углу помещения находилось еще два колодца: один сливной, другой заполнен золой с фрагментами керамики.

Представляет интерес комплекс керамики из их заполнения. Это деформированная чаша первого обжига, кухонные горшки

с небольшими вытянутыми вверх ручками, котел невысокий полусферический с широким горизонтальным венчиком и вертикально поставленными грубыми ручками, фрагменты от поливных чаш с красно-коричневым орнаментом в виде пышных букетов из миндалевидных фигур.

В юго-восточном углу этого помещения находилось большое хранилище, толщина стенок которого — один кирпич. Возможно, они были каркасными и от них сохранился фундамент. В центре помещения, на полу, расчищен водопоглощающий колодец, в верхней части которого вмонтирован хум без дна. Здесь же найдены две медные монеты: одна из них датирована концом X в., другая — XII в. Заполняющий эту комнату слой насыщен различными находками: глазурованной керамикой, по краю украшенной полосой стилизованной надписи с орнаментом в виде вихревой розетки, большим количеством хозяйственной посуды, венчиками котлов, узкогорлых кувшинов, богато украшенных прочерченным орнаментом, горшками с двумя небольшими ручками, расписанными ангобной краской, фрагменты стеклянных изделий.

В западном секторе помещения № 19 расчищены остатки другого очага полукруглой формы, выложенного из галечника. Завершалось помещение выходом во двор, примыкающий к северо-западной части этого помещения.

С северо-запада к описанному помещению № 19 примыкает комната № 18 продолговатой формы со стенами из сырцового кирпича, выложенными фигурной кладкой.

В первый период обживания ее размеры достигали $8,25 \times 5,40$ м. На глинобитном полу никаких сооружений не отмечено. Из находок здесь обнаружены железный серп, гвозди, поделки из меди, костяная шпилька с врезным орнаментом в форме ромбов со сквозными отверстиями в них. Навершие шпильки оформлено в виде руки с согнутыми пальцами. Здесь же найдены узкогорлые сосуды, крышки с выгнутыми наружу краями, расписанные пятнами охры, и две медные монеты. Во втором строительном периоде помещение № 18 разделили на две небольшие комнатки (№ 18 и № 8) и открыли вход в помещение № 19.

В помещении № 8 тонкой стенкой отгородили два хранилища, одно размером $2,80 \times 1,10 \times 1,45$ м, второе — $1,15 \times 1,10 \times 1,45$ м. Во втором пол выложен жженым кирпичом обычной и трапецевидной формы. В заполнении помещения № 8 обнаружены венчики от кухонной посуды, фрагменты от поливных

чаш со стилизованным эпиграфическим орнаментом по бордюру, узкогорлые кувшины, стенки хумов. По функциональному назначению в данной группе помещений можно выделить кухню-хранилище и жилые комнаты.

В третью группу входят четыре помещения — № 20, 21, 23, 24, сообщавшихся между собой. С юго-запада и юго-востока хозяйство обведено стеной из сырцового кирпича размером $35 \times 17 \times 4$ см, шириной 80 см. К стене этих помещений примыкала улица. Помещение прямоугольное, стены выложены из сырцового кирпича размером $35 \times 16 \times 4$ см и им же облицованы. Поверх нанесена глиняно-саманная штукатурка толщиной 2 см. В помещениях обнаружены следы ремонта.

Все указанные комнаты группируются вокруг небольшого двора размером $10 \times 30 \times 7,5$ м и сообщаются между собой двумя узкими коридорами, расположенными с двух сторон двора. Одна из комнат этой группы (24) примыкала ко двору с северной стороны. Ее размеры $4,95 \times 4,50$ м, стены выложены из сырцового прямоугольного кирпича. Пол в комнате глинобитный со следами глиняной обмазки. Ее северо-восточную стену полностью занимала суфа шириной 1,10 м, с вмонтированным в нее вертикально стоящим тандыром диаметром 80 см. Стены его сложены из жаростойкой глины с большим добавлением дробленного камня. Венчик не уцелел, по отдельным фрагментам можно установить его форму (плоская). Тандыр украшен процарапанным орнаментом. В тандыре обнаружена керамическая дымоотводная труба длиной 65 см, диаметром 13 см, внутри которой заметен налет сажи. Заполнение тандыра состоит из грунта с очень тяжелыми, плотными слоями красного цвета, угольками, керамикой и большим количеством костей животных.

Рядом с ним в небольшом с прокаленными стенками углублении обнаружена зола. Недалеко от тандыра расчищен круглый очаг, вкопанный в землю.

Из отмеченных на полу находок следует упомянуть вогнутые крышки с прямой цилиндрической ручкой в центре, процарапанными полосами и расписным пятнистым орнаментом, узкогорлый кувшин с волнистыми линиями на плечиках и фрагменты от кухонных котлов. Судя по характеру находок, описанная комната выполняла функции кухни.

В начале XI в. это помещение пришло в запустение. В заполнении его найдены монеты (одна нечитаемая, другая датируемая первой четвертью XI в., фрагменты тагоры и кухон-

ных котлов, украшенные красно-бурыми пятнами по процарапанному орнаменту. Здесь же найдены глазурованный чирог зеленого цвета с длинным носиком и ручкой с листовидным навершием, несколько фрагментов от чаш с оливковой росписью и изделия из стекла.

В планировочной композиции это помещение занимает обособленное место. В нем было два выхода — один соединял с с примыкающим двориком, другой в виде длинного коридора вел в две другие смежные комнаты (№ 20—21).

Следующее помещение № 21 в плане квадратное с сырцовыми стенами и глинобитным полом. Никаких сооружений в нем не обнаружено, стены сохранились на высоту 1,40 м. Удалось проследить только один жилой уровень, на полу которого отмечены незначительные находки (одноручный кувшин с широким горлом, украшенный врезным орнаментом).

В слое заполнения помещения обнаружена караханидская монета начала XI в., фрагменты поливных чаш с орнаментом в виде растительных побегов, кусок дастархана со штампованным орнаментом, небольшие глазчатые бусины, изделие из железа, напоминающее ножницы.

Комната № 20, соединявшаяся входом с описанным помещением № 21, расположена в северо-западной части хозяйства. Она прямоугольной формы, размеры ее 5,50×3,90 м. В первом строительном периоде в помещении было два входа, один в южном углу вел в небольшой коридор шириной 1,1 м, другой — в северо-восточной стене с четко выраженным порожек из жженого кирпича. Пол помещения глинобитный. Выложенные фигурной кладкой стены сохранились на высоту 1,5 м. На полу расчищен завал обгоревшего дерева. Диаметр отдельных брусков 15 см. Возможно, это остатки упавшей кровли. Находки с пола малочисленны. В слое заполнения обнаружены глазурованная керамика, фрагменты от стеклянной посуды и железных изделий.

После пожара на втором жилом уровне вход, соединяющий описанные помещения со смежной комнатой № 21, закладывается и у стены, возле прохода выстраивается широкая суфа. Центральным в этом комплексе помещений являлся большой двор (10,30×7,50 м); все помещения сообщались с ним дверными проемами.

В юго-восточном углу двора располагалось продолговатое в плане хранилище (3,10×1,15 м). Стеночки его сложены из сырцового кирпича шириной 15 см. Отдельные отрезки стены

неоднократно ремонтировались; так, в северо-восточном углу хранилища обнаружена выкладка из жженого кирпича ($34 \times 17 \times 4$ см). Напротив хранилища в противоположном углу расчищен очажок с сильно прокалившейся поверхностью. К этой части двора примыкает площадка шириной в 4,5 м, возможно, служившая для каких-то хозяйственных или производственных целей. Дальнейшие раскопки помогут установить ее функциональное назначение. Находок здесь почти не обнаружено, кроме чаши прекрасной выделки с люстровой росписью и антропоморфным изображением.

К северо-востоку от дома № 3 расположена четвертая группа помещений (№ 25, 26, 27, 28, 22). Помещения № 25, 27, 28 сохранились частично, так как уходят в оплыв холма. Стены сложены из сырца ($30 \times 17 \times 4$ см) и облицованы кирпичами, поставленными на торцовую часть. Максимальная высота стен 0,55 м, ширина 0,65 м. В юго-западной части обнаружено красное пятно (Д—0,30 м) и фрагменты кухонных котлов и неглазурованных сосудов, среди которых фрагменты хума с процарапанным орнаментом в виде волнистых линий.

Пол в помещении глинобитный, плохой сохранности. В рыхлом слое заполнения обнаружено скопление стенок венчиков, донец сфероконусов, фрагментов поливных чаш, украшенных вихревой розеткой и стилизованным эпиграфическим орнаментом. Интересен фрагмент чаши полусферической формы: на белый фон по краю венчика нанесен орнамент в виде переплетающихся линий красно-коричневого цвета, в кругах изображение свастики. Здесь же обнаружены разнообразные венчики кухонных котлов и узкогорлых кувшинов со штампованным орнаментом.

С северной стороны к описанным выше комплексам примыкает помещение № 26 ($6,20 \times 6,40$). Сохранились две образующие угол стены, дальше начинается обрыв. В юго-восточном углу его находилось большое хранилище ($4,20 \times 2,24$) с выложенными в один кирпич стенками. На фасадной стене очищены отрезки стен, сложенные жженым кирпичом, расстояние между ними 1,47 см, заложено сырцом. Вероятно, ранее это был вход в хранилище. При расчистке на глинобитном полу комнаты обнаружены узкогорлые кувшины, донец от поливной чаши на кольцевом поддоне со светлой глазурью, железная ручка от капгыра. В стене торчал металлический гвоздь. Здесь же найдена терракотовая статуэтка лошади, из украшений — раковина-каури, три медные монеты. Заполнение

комнаты также насыщено находками, встречается много изделий из стекла: воронкообразные венчики флаконов, вогнутой формы донца из светло-зеленого стекла. Отмечены фрагменты поливных чаш с эпиграфическим орнаментом и вихревой розеткой в центре, с росписью букетами из миндалевидных фигур, а также процарапанным до ангоба по красочному слою рисунком.

Кухонную посуду представляют венчики котлов, вогнутые крышки с ручкой. Найден зеленый чираг с овальным корпусом и фигурным щитком на ручке. Западнее хранилища в центре комнаты № 26 обнаружено ташнау, выложенное жженым кирпичом (30×15×4 см). Под выстилкой расположен водопоглощающий колодец диаметром 45 см, заполненный серой землей с включением белых комочков золы. Здесь же обнаружен узкогорлый кувшин.

Следующее помещение № 28 сохранилось очень плохо, почти половина его приходится на обрыв. У сохранившейся стены расчищен тандыр (диаметр 0,70 см), изготовленный из жаростойкой глины. Вокруг него выложены стеночки из сырцового кирпича в форме квадрата (1,10×7 м), заполнение состояло из золы и включения массы разнообразных находок из керамики, стекла и железа: котлы, крышки, донца сосудов из коричневого стекла, высокое горло колбы, ручки с налепами, горла флаконов, фрагменты поливных чаш красно-коричневого цвета.

Другое помещение № 22 (3,50×2,80 м) этой группы находится в северо-западной части раскопа. У него общая с помещением № 21 стена. Стены сложены из сырцового кирпича (32×16×5 см) обычной кладкой. Уровень пола в этой комнате выше, чем в помещении № 21. Северо-восточная стена его очень плохой сохранности, так как находится на краю обрыва. Пол глинобитный со следами солей на поверхности. В центре помещения обнаружен вмонтированный в пол уплощенный сосуд высотой 10 см, диаметром 80 см, изнутри украшенный штампованным и процарапанным орнаментом. В дне сосуда сквозное смещенное от центра отверстие, под которым расположена углубленная лунка (Д—8 см), глубина ее 10 см, стенки сильно обожжены. Заполнение состоит из рыхлой серой земли с угольками и кусочками неполивной керамики. В центре сосуда лежала земля с угольками и золой, наверху — фрагменты от стенок хума и глиняного кувшина. Под жаровой оказался сильно обожженный слой красного цвета толщи-

ной 10 см. В углу помещения располагался очаг круглой формы (Д—40 см). У основания юго-восточной стены обнаружено углубление (1,40×70 см) прямоугольной формы неясного назначения.

При зачистке пола выявлены венчики от котлов с темно-коричневым ангобом и лощением с волнистой ручкой-налепом, узкогорлые кувшины со слегка расширяющимся туловом и плоским поддоном, два каменных пестика черного и красного цветов и куски стеклянной шихты. Обнаруженные в этом помещении находки указывают на его производственный характер. Возможно, эта комната связана со стеклодувным производством.

Другой жилой массив, состоящий из двух хозяйств, расположен южнее от описанных построек и отделен от них перулком. Помещения примыкают друг к другу и обведены единой стеной, сложенной из прямоугольного (35×16×4 см) кирпича и пахсовых блоков.

Пятая группа помещений состоит из пяти комнат № 9, 10, 11, 12, 17. Вход с северо-восточной стороны, шириной 80 см, ведет в помещение № 9, которое было центральным, так как из него можно было пройти во все остальные. Все три комнаты прямоугольной формы, стены сложены из сырцового кирпича (39×19×7 см) фигурной кладкой.

В первом жилом периоде комнаты № 9, 12 объединялись в один двор, примыкающий к помещениям № 10, 11. Позже произошла значительная перестройка. С северо-западной стороны построили вытянутое трапециевидной формы хранилище, разделенное на два отсека перегородкой в один кирпич.

Слой мусорного завала с фрагментами керамики IX—X в. уходит под хранилище. Перестройки отмечены и в восточном секторе этого хозяйства, где выстроили два подсобных помещения (№ 11, 17), а пол центрального помещения (№ 9) выстлали жженым кирпичом.

Заполнение хранилища насыщено различными находками, в основном столовой и кухонной посудой: крышки вогнутые с ручкой-стерженьком, орнаментированные процарапанным врезным рисунком, ручки и донца кувшинов, фрагменты поливных чаш на кольцевом поддоне, украшенные букетами из миндалевидных фигур, выполненных охристо-красной и темно-коричневой красками, фрагменты с оливковой росписью, чираги с граненым корпусом коричневого цвета и поливные чаши белого цвета. Среди находок обнаружено несколько более ран-

них (IX в.) фрагментов поливной керамики с мутновато-серой непрозрачной глазурью, нанесенной на черепок без ангоба. Хронологически комплекс керамики представлен в довольно широких пределах — от IX до начала XI в. Эта датировка подтверждается двумя обнаруженными в помещениях монетами: одна начала IX в., другая — начала XI в. Разнообразно представлены изделия из стекла. В основном это горла от колб, графинов, флаконов, донца от сосудов баночной формы, боковые стенки чаш из зеленоватого и светлого стекла.

Интересны находки, связанные с производственной деятельностью. — фрагменты керамического сопла диаметром 4 см и керамический круглый штырь диаметром 4 см с остатками желтоватой глазури. У входа во двор описываемого комплекса помещений, с внутренней стороны, в стене находился тандыр (диаметр 64 см, глубина 72 см) со стенками из жаростойкой глины. Заполнение его состояло из золы, насыщенной фрагментами неполивной керамики, среди них находился и сфероконус. Пол двора выстлан жженым кирпичом ($22 \times 16 \times 4$ см). В центре его находился ташнау, оформленный выкладкой из жженого кирпича в виде восьмиугольника (рис. 33). На глубине 20 см от выстилки пола положено два жженных кирпича со сквозным отверстием в центре. На полу двора обнаружена поливная керамика с изображением вихревой розетки в центре чаш. Здесь же найдены кувшинчик и венчик хума, края которого украшены налепом с пальцевыми вмятинами, фрагменты от котлов и сфероконусов, орнаментированных врезными концентрическими кругами. Весь комплекс находок широко известен по всей Средней Азии и датируется началом XI в.

С южной стороны от описанного двора № 9 расположены две смежные комнаты (№ 12, 10) явно жилого характера. В № 10 у восточной стены выстроена прямоугольная суфа, края которой выложены сырцовым кирпичом ($32 \times 17 \times 5$ см), внутри рыхлая засыпка. На глинобитном полу найдены венчики хума с наlepным жгутом на плечиках, вогнутая крышка с красно-бурым ангобом, ручка кувшина, украшенная штампованным орнаментом. В углу этой комнаты расчищено два водопоглощающих колодца, в верхнюю часть одного из них вмонтирован хум без дна (высота его 62 см), края колодца выложены жженым кирпичом. Заполнение колодца состояло из рыхлой серой земли с включением изделий из керамики и стекла: венчики тагоры с вертикальной ручкой, лепная красноватая ручка с круглым налепом на вершукше. Фрагмен-

ты поливных чаш с изображением вихревой розетки в центре, чаш с оливковой росписью по белому фону. Из стеклянной посуды чаще всего встречались донца от сосудов баночных форм и флаконов из стекла болотного цвета. Здесь же обнаружена монета начала XI в.

С юго-восточной стороны к описанной комнате примыкает жилое помещение № 12 (3,5×4 м) подквадратной формы. Пол

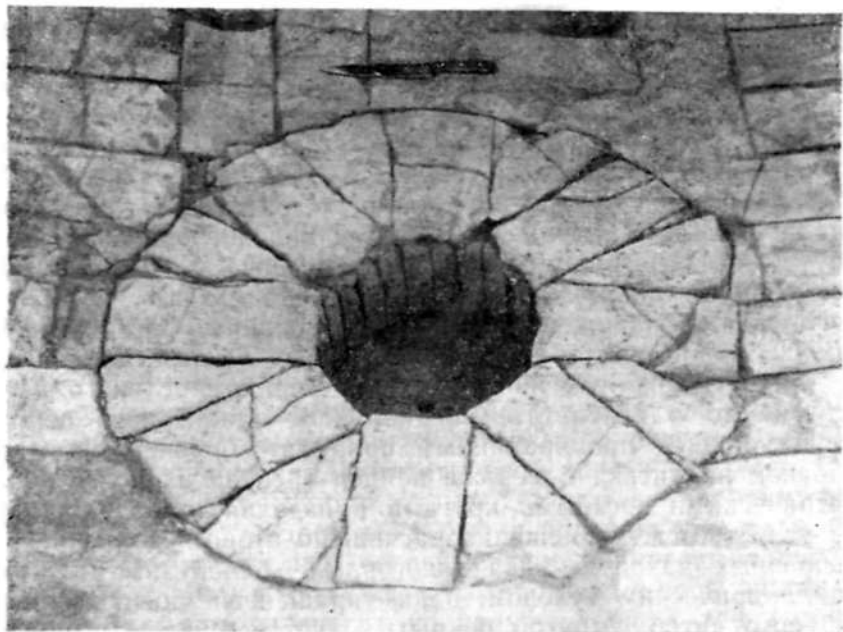

Рис. 33. Канка, Р-5, вымостка пола и ташнау помещения № 9.

в помещении глинобитный, на нем обнаружены остатки обгоревшего дерева и камыша, немного керамики и стекла. Поливная посуда отмечена тех же типов, что и в описанном помещении № 10. Другие находки представлены сфероконусами с врезным орнаментом на плечиках, воронкообразными венчиками флаконов. В их числе костяная шпилька, украшенная врезным орнаментом в виде ромбов, со сквозным отверстием в центре. Здесь же найден кремневый отщеп белого цвета²⁰. В юго-восточной стене комнаты заложен неглубокий (1×1 м)

²⁰ Определение М. Касымова.

стратиграфический шурф. Установлено, что стены помещений данного периода поставлены на культурный слой без каких-либо архитектурных сооружений.

Последнее помещение из этого комплекса № 17 расположено в юго-восточной части раскопа и примыкает к комнате № 11; их разделяет тонкая стеночка очень плохой сохранности, сложенная из сырцового кирпича. Стену неоднократно ремонтировали, о чем свидетельствует кладка из жженого кирпича. Здесь же зафиксирован дверной проем, заложенный позже, другой проем пробит в противоположной стене, через него можно выйти во двор. Пол в помещении глинобитный с вкраплениями белых пятен от выступающих солей. В северо-восточном углу обнаружен сливной колодец, в верхнюю часть которого вмонтирован хум (высота 95 см). Поверх него сохранилась выстилка из жженого кирпича (34×18×5 см). У юго-западной стены обнаружен еще один водопоглощающий колодец (Д—65 см), рядом найдены металлические ножи и две монеты: одна конца IX в., другая — начала XI в.

На полу обнаружены светлоангобированный хум с процарапанным орнаментом на плечиках, сосуд из огнеупорной глины типа сфероконауса на поддоне с черепком зеленого цвета, полученного в результате специального клинкерного обжига. Сосуд украшен процарапанным орнаментом, сочетающимся с арабской надписью. Здесь же найден гребень из кости с концентрическими врезными кругами и изделия из меди. В другом углу того же помещения расчищено второе скопление разнообразных находок: два узкогорлых одноручных кувшина с цилиндрическим туловом, один украшенный росписью красно-бурого ангоба, другой покрытый густо-коричневым с нанесенным поверх него сплошным лощением. Здесь же отмечен тувак с горизонтальным венчиком, широкогорлый кувшинчик с двумя маленькими ручками. Рядом с ним лежали кухонные котлы, венчики от хумов и вогнутые крышки.

В этом комплексе находок зафиксированы фрагменты сфероконов и изделия из стекла, представленные флаконами с косым рифлением, венчиками и донцами от различных сосудов. Из медных изделий найдены браслет и игла.

Последняя группа помещений (№ 6) вскрыта не полностью. Четыре (№ 13, 14, 15, 16) раскопанных помещения сообщались между собой дверными проемами, но выход во двор пока не обнаружен. Зафиксирован лишь один уровень пола. Одно из этих помещений (№ 13), самое большое (4×3 м), носит ха-

рактен жилого. К его западному углу примыкают три остальных помещения. Стены их сложены из сырцового кирпича (32×16×5 см) обычной и фигурной кладкой плохой сохранности. На них видны следы глиняно-саманной обмазки.

Пол, как обычно, глинобитный. Находки здесь малочисленны. В основном это несколько фрагментов от кувшинов и поливных чаш, украшенных вихревой розеткой, встречаются венчики со стилизованной надписью «ал-йумн».

Следующая комната (№ 14) также жилая. На полу находок нет. Основной керамический материал отмечен в слое заполнения. Зафиксированы те же типы керамики, что и в других помещениях: вогнутые крышки, украшенные пятнами охры, фрагменты кухонных котлов и стенки сфероконов. Здесь же обнаружена бусина черного цвета и медный предмет в виде шпильки.

Описанное помещение сообщается с комнатой № 15. У стены ее стоял хум с прямым горлом и венчиком с вмятинами по краю. На плечиках его видны бурые потеки. Он слегка вкопан в пол. У другой стены расчищено красное, сильно обожженное пятно диаметром 50 см; вероятно, это следы от очага. В помещении № 16 никаких сооружений и находок не отмечено.

На основании изложенных фактов в нашем квартале выделено шесть хозяйств, причем полученный в результате раскопок материал позволил отметить особенности архитектурно-планировочной композиции жилых домов того времени. Центральным узлом каждого дома был небольшой дворик, вокруг которого группировались основные помещения, выполняющие различные функции. В каждом хозяйстве имелись жилые помещения с суфами и очагом на полу, кухней с тандырами и очагами и комнаты с закромами для хранения домашней утвари и продуктов.

Период жизни рассматриваемого квартала укладывается в пределы X — первой половины XI в., что подтверждают все археологические материалы и нумизматические данные. Отмечено два этапа обживания на этом участке, причем в помещениях верхнего жилого уровня использовались стены сооружений предыдущего периода, без особых изменений основной планировки помещений.

ШАШ (ЧАЧ) И ИЛАК ПРИ КАРАХАНИДАХ

(По нумизматическим данным)

Написать историю Ташкентского оазиса конца X — начала XIII в. без привлечения данных караханидской нумизматики невозможно. Даже по истории государства Караханидов в целом мы обладаем лишь скудными отрывочными сведениями письменных источников, а упоминания в них Шаша и Илака и вовсе редки. И хотя уже выявлено немало караханидских монет, выпущенных на территории Шаша и Илака, до сих пор нет работы, обобщающей известный материал для выяснения судеб этих областей в составе государства Караханидов. Есть, правда, «опыт историко-нумизматического исследования» по истории Илака конца X—XI в. М. Н. Федорова, две статьи о дикиханах Илака конца X — начала XI в., несколько статей по раннекараханидской нумизматике, в которых содержатся отдельные частные факты из истории Шаша и Илака конца X — первой половины XI в.¹

Однако следует напомнить слова Е. А. Давидович, сказанные по поводу одной из статей М. Н. Федорова, но, пожалуй, справедливые и по отношению к большей части работ этого автора, не исключая новейших: «Так образуется цепь шатких

¹ Федоров М. Н. Новые данные к политической истории государства Караханидов (Опыт историко-нумизматического исследования). — ОНУ, 1965, № 11, с. 51—53; Он же. Об одной группе караханидских монет 388—404 г. х. — ЭВ, XX, 1971, с. 85—89; Он же. К вопросу об исторических судьбах дикиханства при Караханидах (по данным караханидской нумизматики). — СА, 1975, № 1, с. 109—116; Он же. Политическая история Караханидов в конце X — начале XI в. — НЭ, т. X, 1972, с. 131—154; Он же. Политическая история Караханидов в конце первой и во второй четверти XI в. — НЭ, т. XI, 1974, с. 158—178.

суждений, когда вывод опирается на утверждение, которое само по себе еще не доказано². Учитывая данную особенность работ М. Н. Федорова и отсутствие обобщающего исследования по истории Шаха и Илака при Караханидах, мы решили восполнить этот пробел при помощи изданных и не опубликованных нумизматических данных.

В IX — первой половине X в. территория государства Караханидов ограничивалась в основном Тянь-Шанем, Семиречьем и отчасти Восточным Туркестаном. Около середины X в. Караханиды приняли ислам, а к концу столетия начали наступать на северные области Саманидского государства. В это время верховным правителем у Караханидов был Арслан-хан 'Али, его «со-каганом» — Богра-хан Харун³. Уже в 380/990—91 г. х. Богра-хан завоевал Испиджаб⁴, в 381/991—92 г. х. от его имени выпускали монету в Фергане⁵, а в 382/992—93 — в Илаке⁶. Хотя более ранние монеты Богра-хана нам не известны, ферганский дирхем 381 г. х. еще не означает, что Фергана была им завоевана именно в этом году, как илакский фельс 382 г. х. не дает еще точной даты захвата Илака; вполне вероятно, что эти области Богра-хан занял вскоре после покорения Испиджаба, быть может в том же году.

Так или иначе, в 382 г. х. Илак входил в состав владений Богра-хана, трижды упомянутого на отмеченном фельсе. На л. ст. в круговой легенде выбит титул Богра-хан, на об. ст. в поле — его лакаб и кунья (Шихаб ад-Даула Абу Муса), а в круговой надписи — остальная часть титулатуры (ал-Амир ал-Аджалл Шихаб ад-Даула Захир ад-Да'ва). В поле л. ст. представлено имя вассала Богра-хана — Мансура б. Ахмада, который был, как станет ясно из дальнейшего, первым из трех известных по монетам представителей династии дихканов Илака.

В том же 382 г. х. Богра-хан почти без сопротивления захватил Центральный Мавераннахр и занял столицу Саманидов Бухару, однако через несколько месяцев он из-за болезни

² Давидович Е. А. О двух караханидских каганатах. «Народы Азии и Африки», 1968, № 1, с. 75.

³ Pritsak O. Die Karachaniden. «Der Islam», XXXI/1, Berlin, 1953, s. 25—26.

⁴ Ibid., s. 26.

⁵ Ишанханов С. Х., Кочнев Б. Д. Древнейшие караханидские монеты. ИМКУ, вып. 15, Ташкент, 1979.

⁶ Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа СПб., 1896, с. 198, № 1.

решил вернуться на исконные караханидские земли, но по дороге умер, а в Бухару возвратился саманидский эмир⁷. Лишь в 390/1000 г. власть Саманидов в Мавераннахре была уничтожена, однако после 382 г. х. Илак, видимо, не вернулся в сферу их влияния и оставался в руках Караханидов, о чем свидетельствуют монеты.

Вторым «со-каганом» Арслан-хана 'Али был его старший сын Ахмад б. 'Али, ставший после смерти отца (388/998 г.) верховным государем⁸. Именно поэтому титулатуру и имя Ахмада, упомянутого в качестве сюзерена, мы видим в надписях монет Илака и до 388 г. х. и после. В качестве вассала (либо одного из вассалов) фигурирует кто-либо из дикханов Илака, известных по монетам до 399/1008—09 г. Чтобы проследить историю этой области между 388 и 399 г. х., приведем сначала описание неизданных или неописанных илакских медных монет данного периода.

1. Илак, 387/997 г.⁹

Л. ст., поле: Дикхан ал-Джалил.

Об. ст., поле: Кара-хакан и Аба Салих; круг. лег.: ал-Амир ал-Джалил Мухаммад б. 'Али.

Л. ст. В поле, в линейном кружке, украшенном тремя колючками с «хвостиком»:

دهقان
الجليل.

Об. ст. В поле: لله

محمد
رسول الله
قراخقان
على يدى ابا صالح

Внизу колючко.

По стороне кружка треугольником надпись, разделенная тремя колючками:

لا اله الا
الله وحده
لا شريك له

Кругом, между двух линейных ободков:

مما امر به الامير الجليل محمد
بن على ايده الله

⁷ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. Т. 1. М., 1963, с. 320—321.

⁸ Pritsak O. Die Karachaniden, s. 25—26.

⁹ Музей истории народов Узбекистана (МИНУЗ), колл. 44, № 5.

Кругом, между двух линей-
ных ободков: بسم الله ضرب

هذا الفلّس بايلاق سنة سبع
و ثمانين...

2. Илак, 388/988 г.¹⁰

Л. ст., поле: Дихкан ал-Джалил.

Об. ст., поле: [а]л-Амир Ба Салих; круг. лег.: ал-Амир
ал-Джалил ал-Му' аййид ... Ахмад б. 'Али

Л. ст. В поле, в точечном Об. ст. В поле: لله
кружке:

دهقان

الجليل.

محمد

رسول الله

لامير (!) باصا

بح

По сторонам кружка надпись
треугольником:

لا اله الا الله وحده لا شريكه

Кругом, между внутренним
точечным и внешним линей-
ным ободками: ... بسم الله

الفلّس بايلاق سنة ثمان و

ثمانين و ثلثمائة.

3. Илак, 388/998 г.¹¹

Л. ст., поле: Дихкан ал-Джалил.

Об. ст., поле: Амир Ба Салих; круг. лег.: ал-Амир ал-
Джалил Ахмад б. 'Али.

Л. ст. В поле, как № 2, но Об. ст. В поле: لله
под словом الجليل колечко,
а расположенная треугольни-

محمد

رسول الله

¹⁰ Фельс найден К. Абдуллаевым в 1970 г. на раскопе IV городища Канка (средневековый Харашкет) в Ташкентской области. М. Н. Федоров дату фельса определил неверно: 398 г. х. вместо 388 г. х. (Федоров М. Н. К вопросу об исторических судьбах..., с. 115).

¹¹ МИНУЗ, колл. 4, № 6.

ком надпись разделена тремя
колечками.

امير
باصالح

Кругом, как № 2, но внутрен-
ний ободок — двойной линей-
ный, а последнее слово в да-
те уместилось неполностью
(ثلثم)

Кругом, между внутренним
двойным (изнутри линейный,
снаружи точечный) и внеш-
ним одинарным линейным
ободками:

مما امر به الامير الجليل احمد
بن على ايده الله

4. Илак, 389/998—99 г.¹²

Л. ст., поле: Мансур б. Ахмад; круг. лег.: Са'ид.

Об. ст., поле: Илек ал-'Адил; круг. лег.: ал-Амир ал-
Джалил Ах [мад б.] 'Али.

Л. ст. В поле: منصور
بن احمد

Об. ст. В поле: لله
محمد

Внутренняя круговая легенда:
لا اله الا الله وحده لا شريك له
سعيد

رسول الله
ايلك
العادل

Внешняя круговая легенда:

Кругом, между двух линей-
ных ободков:

...ضر بهذا الفلّس بايلاق سنة
تسع و ثمانين ثلثم...

مما امر به الامير الجليل احمد
بن على ايده الله

Все в линейном ободке.

5. Илак, 393/1002—03 г.¹³

Л. ст., поле: Мухаммад б. Мансур.

Об. ст., поле: ал-Хан ал-'Адил Кутб ад-Даула; круг.
лег.: ал-Амир ал-Джалил Ахмад б. 'Али

¹² Из второго Кульятинского клада (далее — Кульата II), найденного в 1976 г. на городище Кульата (средневековый Туккет) в Ташкентской области и состоящего из раннекараханидских фельсов. Первым Кульятинским кладом мы называем большой клад раннекараханидских дирхемов, найденных в 1972 г. близ городища Кульата (МИНУз, КП, 776).

¹³ Кульата II.

Л. ст. В поле, в линейном
ободке: محمد
بن منصور

Внутренняя круговая легенда:
لا اله الا الله وحده لا شريك له
Внешняя круговая легенда:

بسم الله ضرب هذا الفلّس بايلاق سنة
ثلث و (و) تسعين ثلثمائة

Все в линейном ободке.

6. Илак, 393/1002—03 г.¹⁴

Л. ст., поле: Аби Са'ид Бакр б. ал-Хасан (или Хусайн?).
Об. ст., поле: ал-Хан ал-'Адил Кутб ад-Даула; круг.
лег.: ал-Амир ал-Джалил Ахмад б. 'Али.

Л. ст. В центре шестиконеч-
ной звезды, составленной из
двух пересекающихся тре-
угольников и вписанной в
двойной круг (внутренний то-
чечный, внешний линейный):

أبي سعيد
بكر بن
الحسن (الحسين؟)

Кругом, в линейном ободке:

بسم الله ضرب هذا الفلّس بايلاق
سنة ثلثه (ثلث) وتسعين وثلثمائة

7. Илак, 394/1002—03 г.¹⁵
Как № 6, но дата иная.

Об. ст. В поле: محمد
رسول الله
الخان العادل
قطب الدولة

Кругом, как № 3.

Об. ст. Как № 5.

¹⁴ То же.

¹⁵ То же.

Медный чекан Илака конца IV в. х.

№ пп	Год	Л. ст.		Об. ст.		Источник
		поле	кр. лег.	поле	кр. лег.	
1.	332	Мансур б. Ахмад	Бограхан	Шихаб ад-Даула Абу Муса	ал-Амир ал-Аджалл Шихаб ад-Даула Захир ад-Да'ва	М., 198/1
2.	337	Дихкан ал-Джалил		Кара-хакан, Аба Салих	ал-Амир ал-Джалил Мухаммад б. Али	МИНУз, инв. 44/5
3.	388	"		Тегин Аба Салих	ал-Амир ал-Джалил Ахмад б. Али	М., 218/192
4.	388	"		Амир Ба Салих	"	МИНУз, инв. 44/6
5.	388	"		ал-Амир Ба Салих	ал-Амир ал-Джалил ал-Му'а-Гийд... Ахмад б. Али	Канка-69
6.	339	Мансур б. Ахмад	Са'ид	Илек ал-'Адил	ал-Амир ал-Джалил Ахмад б. Али	Кульата II
7.	391	Мухаммад б. Мансур Ба Салих		Хакан ал-Музаффар	"	СА—75, № 1, 115
8.	393	Мухаммад б. Мансур		ал-Хан ад-'Адил Кутб ад-Даула	"	Кульата II
9.	393	Аби Са'ид Бакр б. ал-Хасан (Хусайн?)		ал-Хан ад-'Адил Кутб ад-Даула	ал-Амир ал-Джалил Ахмад б. Али	Кульата II
10.	394	"		"	"	"
11.	395	"		Дихкан ал-Джалил Мухаммад б. Мансур	"	Ахангеран, 81
12.	398	"		Наср б. ('Али)	ал-Амир ал-Малик ал-Музаффар Наср	Д., 714/20
13.	399	Дихкан ал-Джалил		Абу Шуджа' Салар б. Мухаммад	ал-Амир ас-Сайид ал-Малик ал-Музаффар Кутб ад-Даула Наср ал-Милла	М., 219/193

Все имена и титулы правителей, выбитые на описанных выше и изданных монетах Илака 382—399 гг. х., сведены в таблицу¹⁶, которая поможет рассмотреть историю Илака за эти годы.

Еще М. Е. Массон предположил родственную связь между упомянутыми на раннекараханидских илакских фельсах Мансуром б. Ахмадом, Мухаммадом б. Мансуром и Саларом б. Мухаммадом и счел их представителями династии дихканов Илака. Отметив, что в течение некоторого времени право монетного чекана в Илаке было наследственной привилегией членов этой династии, М. Е. Массон напомнил слова автора «Худуд ал-Алем» о дихканах Илака, которые в прежние времена являлись удельными князьями, при Саманидах же оставались правителями этой области, причем Мукаддаси называет илакского дихкана сильным или могущественным. Все это, полагает М. Е. Массон, свидетельствует о том, что дихканы Илака «не только были родовитыми феодалами и представителями мелкой династии, но и являлись определенной политической силой, с которой приходилось считаться включительно до начала XI века»¹⁷.

По мнению М. Н. Федорова, дихканы Илака не смирились с лишением их политической власти при Саманидах. Поэтому как только в 382 г. х. Богра-хан Харун предпринял наступление на Саманидов, илакский дихкан Мансур б. Ахмад разорвал связь с Саманидами и начал выпуск монет от своего имени, «из осторожности» упоминая в качестве сюзерена Богра-хана; так он стал основателем династии дихканов Илака. Поскольку в том же году Мавераннахр вернулся под власть Саманидов, Мансур б. Ахмад «счел за благо» прекратить собственный чекан. Когда же в 386 г. х. произошло новое вторжение Караханидов, завершившееся установлением границ между владениями Саманидов и Караханидов в Катванской степи, Илак перешел в сферу влияния последних, что отразилось в илакском чекане 387 г. х. с упоминанием Ахмада б. 'Али.

¹⁶ Ссылки на источник даны в таблице в сокращенном виде: М.—Марков А. К. Инвентарный каталог... (далее страница и номер); СА—75, № 1, 115.—Федоров М. Н. К вопросу об исторических судьбах..., с. 115; Ахангеран, 81.—Массон М. Е. Ахангеран. Историко-археологический очерк. Ташкент, 1953, с. 81; Д.—Dorn B. Über die Münzen der Ilike oder chemaligen Chane von Turkistan. «Melanges Asiatiques», t. VIII, 1881 (далее страница и номер).

¹⁷ Массон М. Е. Ахангеран, с. 81—82.

На некоторых илакских фельсах 387—391 гг. х. проставлено имя, чтение которого затрудняло и А. К. Маркова, и М. Е. Массона. Расшифровал имя М. Н. Федоров, прочитавший его как Ба (Аба) Салих и указавший, что это кунья Бу (Абу) Салих в форме винительного падежа¹⁸.

Эту кунью М. Н. Федоров приписал дихкану Мухаммаду б. Мансуру и сделал следующий вывод: поскольку Ба Салих упоминается позднее на монетах Орду (398/1007—08 г.), Испиджаба (399/1008—09 г.) и Согда (404/1013—14 г.), значит Мухаммад б. Мансур оставил Илак и перешел на службу к Ахмаду б. 'Али, который в разное время предоставлял ему во владение различные уделы. Карьера Мухаммада б. Мансура, сначала правителя из полунезависимой династии Илака и потом представителя крупной земледельческой знати на службе у караханидского государя, была, по мнению М. Н. Федорова, не единственной в своем роде. Следовательно, в начале XI в. проводилась скорее всего не политика гонений, а политика союза между Караханидами и отдельными представителями крупных дихканских фамилий.

Последний раз Ба Салих упоминается на илакском фельсе 398/1007—08 г., а на монете Илака следующего года выбито имя его сына Салара б. Мухаммада. Однако Салар недолго оставался у власти: в 401/1010—11 г. разразилась война между Насром б. 'Али и Ахмадом б. 'Али, в ходе которой третий брат, Мухаммад (союзник Насра), завоевал Илак и отобрал его у местной династии дихканов¹⁹.

Как видно из краткого изложения, предположения М. Н. Федорова касаются истории не только Илака, но и Средней Азии в целом, однако опираются на крайне субъективное, а подчас и просто неверное, толкование такого сложного и трудного ис-

¹⁸ Такую форму мы видим (хотя и редко) в X—XI вв. Так, согласно Раванди, одним из вазиров Сельджукида Тогрулбека Мухаммада был Аба Ахмад Дихистани Амрук (извлечения из «Рахат ас-судур» ар Равенди. Пер. под ред. А. А. Ромаскевича. МИТТ. Т. I. М.—Л., 1939, с. 353). Низам ал-Мулк упоминает мухтасиба Рея второй половины X в., которого звали Ба Хорасан (в указателе — Абу Хорасан; см.: Низам ал-мульк. Сиясет-наме. Пер. Б. Н. Заходера. М.—Л., 1949, с. 168, 357). У Караханидов первая часть куньи имеет, как правило, полную форму — Абу (и в письменных источниках, и на монетах; иногда Аби, а на тункетском фельсе 412 г. х. — Аба), изредка встречается усеченная форма: Бу Шуджа' на одном илакском дирхеме XI в. (о нем ниже), Ба Наср на монетах Куз Орду (Баласагуна) 448/1056—57 г. (св.: Кочнев Б. Д., Федоров М. Н. Два клада караханидских дирхемов из Киргизии. — НЭ. Т. XI. М., 1974, с. 193).

¹⁹ Федоров М. Н. К вопросу об исторических судьбах..., с. 114—116.

точника, как караханидские монеты. Непонятно, например, почему Мансур б. Ахмад, трижды упоминая в качестве сюзерена Богра-хана на илакском фельсе 382/992—93 г., делает это «из осторожности», оставаясь фактически независимым как от Саманидов, так и Караханидов. На основе монетных надписей можно сделать противоположный вывод: многократным упоминанием Богра-хана лишний раз подчеркивается его сюзеренитет, верховная власть над Илаком. Каковы же были истинные взаимоотношения Богра-хана и Мансура б. Ахмада и степень зависимости второго от первого, монеты рассказать не могут. Ясно одно: если при Саманидах дихкан Илака, по словам В. В. Бартольда, «не имел политической власти»²⁰, то в результате караханидского завоевания он ее приобрел, но уже в рамках нового Караханидского государства и именно в связи с вхождением Илака в состав последнего. Поэтому едва ли можно называть Мансура б. Ахмада основателем династии. Видимо, эта династия существовала давно, однако лишь при Мансуре достигла такого положения, при котором получила право заявить о себе в монетном чекане.

К выводу о тождестве Мухаммада б. Мансура и Ба Салиха М. Н. Федоров пришел на основании илакского фельса 391 г. х., на котором и тот и другой упомянуты в надписи поля л. ст. Насторожить должно было уже взаиморасположение имени и куньи: сначала проставлено имя, затем почетное прозвание, хотя в раннекараханидском чекане всегда наоборот (Абу-л-Хусайн Наср б. 'Али, Абу Мансур Мухаммад б. 'Али, Абу Наср Ахмад б. 'Али, Абу 'Али ал-Хусайн б. Мансур, Абу-л-Музаффар Мухаммад б. ал-Х..., Аба 'Али ал-Хусайн б. ал-Хасан, Аби Са'ид Бакр б. ал-Хасан, Абу Шуджа' Салар б. Мухаммад). Главное же в том, что, судя по описанному фельсу 389 г. х., кунья Ба Салих выбивалась на монетах Илака еще тогда, когда илакским дихканам был не Мухаммад б. Мансур, а его отец Мансур б. Ахмад. Иными словами, кунья Ба Салих принадлежала не Мухаммаду или Мансуру, а какому-то третьему лицу. На одном из фельсов 388 г. х. Аба Салих назван тегинем, у Караханидов такой титул носили младшие члены правящего дома. Таким образом, если Мухаммад б. Мансур был владельцем Илака из местной старинной династии, то тегин (или амир) Ба (Аба) Салих — скорее всего представителем новой власти в этой области.

²⁰ Бартольд В. В. Указ. соч., с. 292.

Илакский фельс 389 г. х. позволяет, кажется, установить и имя последнего — Са'ид. Оно не может относиться ни к верховному сюзерену, Ахмаду б. 'Али, ни дикхану Мансуру б. Ахмаду, скорее всего оно принадлежит Ба Салиху, упомянутому на ближайших по времени фельсах Илака 387, 388 и 391 гг. х. Это имя расположено необычно — в круговой надписи л. ст., основную часть ее занимает первая половина символа веры. На фельсе 382 г. х. точно так же упомянут Богра-хан, лакаб и кунья которого помещены в поле об. ст. На монете 389 г. х. в той же позиции (поле об. ст.) выбит титул Илек ал-'Адил, относящийся, следовательно, к Са'иду, т. е., надо полагать, все к тому же Ба Салиху.

Итак, на монетных надписях Ба Салих именуется «эмиром», «тегином» и, кажется, «илеком». В связи с этим странной выглядит формула, выбитая на фельсе 387 г. х. перед куньей Аба Салих: على يدى — «при посредстве», «с помощью». Такая формула часто встречается на более ранних среднеазиатских монетах, в частности на халифатских и саманидских. Обычно считается, что она предшествует упоминанию лица, связанного с деятельностью монетного двора. Фельсы Ферганы 358—359 гг. х. выбиты «при посредстве» Абу Насра, названного в надписи словом, которое скорее всего следует читать как الضراب²¹. Это еще одно доказательство того,

что в третьей четверти X в. формула على يدى ставилась перед именем чиновника, связанного с работой монетного двора. Казалось бы, в том же значении она должна была употребляться и в конце X в. Однако дело в том, что к караханидским монетам, начиная с самых первых, неприменимы почти все закономерности, установленные для саманидского медного чекана.

Действительно, при Саманидах удельные правители чекяют только медь, причем почти всегда с упоминанием верховного государя, в караханидском же государстве правители областей и городов выпускают и медную, и серебряную монету; более того, имя сюзерена не упоминается на фельсах, а иногда и на дирхемах. На караханидских дирхемах одного и того же города и года в круговой надписи об. ст. может стоять имя

²¹ Давидович Е. А. Монеты Ферганы как источник для характеристики института феодальных пожалований за службу в Средней Азии X в. «Письменные памятники Востока». Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1969. М., 1972, с. 130.

то вассала, то сюзерена, и таких примеров немало (особенно для Тараза за целый ряд лет). Кого в таком случае следует считать владельцем монетной регалии? Если исходить из норм саманидского чекана, то караханидского правителя, не упоминающего на серебряных монетах верховного сюзерена, следует считать мятежником (при Саманидах серебро, кроме государя, чеканили обычно мятежники, например, Исхак б. Ахмад, претендовавший на центральную власть и захвативший в 301/914 г. почти весь Мавераннахр и часть Хорасана)²². Однако при Караханидах этот «мятежник» остается в своем владении и продолжает выпускать серебряную монету с именем сюзерена (а иногда вновь опуская его). Менее значительных отклонений от сложившихся в саманидское время принципов в караханидском монетном деле множество, некоторые из них видны и из приведенной таблицы. Ясно одно: с приложимыми к саманидским монетам мерками к караханидскому чекану подходить нельзя. Конечно, какая-то преемственность сохранялась, однако наличие ее надо доказывать для каждого конкретного случая.

В частности, в формулу *على يدى* при Караханидах вкладывался, быть может, иной смысл. Так, на неизданном фельсе Ахсикета 413/1022—23 г.²³ она стоит в круговой легенде л. ст. перед именем Мухаммада б. Насра, на об. ст. упомянуты Мухаммад б. 'Али (непосредственный сюзерен) и Арслан-хан (верховный сюзерен). Если учесть, что через год в 415/1024—25 г., мы видим 'Айн ад-Даула (т. е. Мухаммада б. Насра) владельцем того же Ахсикета в качестве вассала Тонга-хана²⁴ и что Мухаммад был сыном завоевателя Мавераннахра Насра б. 'Али, едва ли можно считать его просто чиновником, связанным с работой монетного двора. А раз так, то и упоминание имени Аба Салиха с формулой *على يدى* следует понимать, вероятно, в том смысле, что Илак управляется «при посредстве» этого эмира.

После 391 г. х. ни имя Са'ид, ни кунья Ба Салих на илакских фельсах не фигурируют. Позднее мы встречаем кунью Ба Салих на монетах Орду и Согда, но едва ли ее носитель

²² Давидович Е. А. Ферганские Саманиды по нумизматическим данным.—ЭВ, XI. М.—Л., 1956, с. 18.

²³ Фельс найден в 1976 г. археологом И. Ахраровым при раскопках в мавзолее Ходжамны-Кабры в Намангане.

²⁴ Кульата I.

правил в Испиджабе; на испиджабской монете 399 г. х. стоит лишь слово *صالح*, которое нельзя связывать с Ба Салихом.

Какова бы ни была его карьера после Илака, она не имела отношения к судьбам дихкан Илака, тем более среднеазиатского дихканства. Если рассуждать отвлеченно, ничего невозможного в переходе отдельных дихканов на службу к Караханидам нет. Однако известный нумизматический материал, в том числе и илакские монеты, ничего не дает для решения этой проблемы (как, впрочем, и другие категории источников).

Итак, мы выяснили, что Мухаммад б. Мансур не тождествен Ба Салиху и что последний не был дихканом Илака. Первым известным по монетам представителем этой династии был Мансур б. Ахмад. Как показывает фельс 382 г. х., он добился политической власти и права монетного чекана не позднее этой даты. Правление Мансура продолжалось по крайней мере до 389 г. х., а в 391 г. х. на илакских монетах мы уже видим имя его сына — Мухаммада. Точное время перехода власти от отца к сыну пока не установлено, но это произошло между 389 и 391 гг. х. Последний из известных фельсов Илака с именем Мухаммада б. Мансура датируется 395 г. х. Не раньше этого и не позднее 399 г. х. титул Дихкан ал-Джалил перешел к его сыну Абу Шуджа' Салару б. Мухаммаду, чекан которого пока представлен лишь фельсами 399/1008—09 г. Более поздние монеты дихканов Илака не известны.

Все три представителя этой династии фигурируют на монетах под одним титулом — «Дихкан ал-Джалил» («дихкан славный»), причем нередко проставлением этого титула и ограничивалось упоминание илакского владетеля, имя же его выбивали не всегда. Такая особенность вообще отличает караханидские монеты, для которых характерно обилие лакабов и титулов при частом отсутствии личных имен. Насколько позволяет судить монетный чекан, у дихканов Илака власть переходила от отца к сыну, у ранних же Караханидов уделы были не стабильны и не передавались по наследству, а принцип наследования верховной власти постоянно нарушался вмешательством в династическую борьбу представителей разных семей многочисленного правящего дома.

Степень зависимости илакских дихканов от Караханидов была, по-видимому, значительной, насколько, правда, сказать трудно, так как единственный источник, монеты, не могут дать точного ответа на этот вопрос. Если фельсы 382, 395, 399 гг. х.

не упоминают никаких «промежуточных инстанций» между дихканом и верховной властью в лице Богра-хана или Ахмада б. 'Али (это еще не значит, что их не было), то в 387—391 гг. х. на фельсах фигурирует Ба Салих, по-видимому, караханидский наместник Илака, один из младших членов правящей династии.

В той же роли, вероятно, выступал Аби Са'ид Бакр б. ал-Хасан (?), упомянутый на монетах 393—394 гг. х. Имя его отца следует читать скорее всего так الحسن (ал-Хасан), хотя при мелком почерке и особенностях написания этого слова нельзя исключать и второй вариант الحسين (ал-Хусайн).

Если верно первое прочтение, то Бакра следует считать братом других Хасанидов: 'Али б. ал-Хасана ('Али-тегина), Мухаммада б. ал-Хасана (Тоган-хана II), Ахмада б. ал-Хасана и ал-Хусайна б. ал-Хасана²⁵. Однако до появления монет с более четким написанием имени отца Бакра вопрос о месте последнего в генеалогии Караханидов нельзя считать решенным.

На фельсе 387 г. х. мы видим пример четырехступенчатой феодальной иерархии. В поле об. ст. упомянуты Кара-хакан и Аба-Салих. О положении последнего мы уже говорили, под титулом же Кара-хакан подразумевался верховный сюзерен, а им мог быть и Арслан-хан 'Али, умерший только в 388/988 г., и его сын Ахмад б. 'Али. Однако на большинстве илакских фельсов 388—399 гг. х. в качестве верховного сюзерена назван именно Ахмад б. 'Али, к тому же титул Кара-хакан отмечен в его монетном чекане (Ахмад б. 'Али Кара-хакан)²⁶. В круговой надписи об. ст. упомянут брат Ахмада Мухаммад б. 'Али, причем этот фельс — самая ранняя известная монета с его именем²⁷. Наконец, в поле л. ст. выбит титул Дихкан ал-Джалил, принадлежавший в то время Мансуру б. Ахмаду.

Вполне определенно можно сказать лишь о крайних ступенях иерархической лестницы, зафиксированной в надписях рассматриваемого фельса. Нижнюю, конечно, занимал дихкан, о чем свидетельствует помещение его титула в поле л. ст. (как

²⁵ О Хасанидах см.: Кочнев Б. Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии, ч. 2 (Караханиды). ИМКУ, вып. 15, 1979.

²⁶ Марков А. К. Инвентарный каталог..., с. 209, №№ 135—139; с. 210, №№ 140—143; с. 211, №№ 144—145.

²⁷ Ср.: Федоров М. Н. Политическая история Караханидов в конце X — начале XI в., с. 146 (в качестве старейшей монеты Мухаммада 'Али назван дирхем Испиджаба 389 г. х.).

ли трудно вывести какие-либо закономерности для раннекараханидского чекана, в большинстве случаев на л. ст. упоминался непосредственный владетель города или области, а на об. ст. — его сюзерен или сюзерены, непосредственный и верховный). На верхней ступени находился Ахмад б. 'Али. Взаиморасположение надписей, в которых упомянуты Аба Салих и Мухаммад б. 'Али, не позволяет определенно решить, кто из них занимает более высокое положение. Все же можно думать, что Мухаммад, как родной брат Ахмада, верховного сюзерена, стоит выше Аба Салиха. Как бы там ни было, фельс 387 г. х. показывает, что из четырех упомянутых в его надписях правителей по крайней мере трое (исключая верховного государя, Ахмада б. 'Али) претендовали на власть над Илаком, причем на каждого приходилась своя часть прав, привилегий и доходов с этой небольшой, но важной в экономическом отношении области. Много ли, в таком случае, оставалось илакскому дикхану, находившемуся на нижней ступени иерархической лестницы?

При всем том не следует думать, что временами дикханы лишались и этой части прав на Илак, как можно было бы заключить из надписей фельсов 393, 394 и 398 гг. х. (таблица № 9, 10, 12), где их имена вовсе не упомянуты. В 393 г. х. в Илаке выпускались и фельсы с именем Мухаммада б. Мансура (таблица № 8), в отношении же двух остальных следует напомнить отмеченную выше особенность раннекараханидского чекана, когда в монетных легендах мог не упоминаться любой из членов феодальной иерархии, не исключая и верховного сюзерена. Следовательно, упоминание на фельсе 398 г. х. одного лишь Насра б. 'Али (в поле и круговой надписи об. ст.) вовсе не означает, что этот правитель не признавал тогда сюзеренитет Ахмада б. 'Али и отобрал на время Илак у местной династии дикханов.

Итак, насколько можно судить сейчас по монетам в пору правления Ахмада б. 'Али непосредственными сюзеренами дикханов Илака в разное время были его братья Мухаммад и Наср, представитель другой семьи (скорее всего Хасанидов) Аби Са'ид Бакр и Ба Салих Са'ид (?), место которого в генеалогии Караханидов не установлено.

Что же касается даты, когда дикханы Илака утратили власть над этой областью, то абсолютно точно ее едва ли удастся установить и в будущем, поскольку иной раз, как мы видели, в надписях монет их имена или титулы не проставле-

ны даже в период несомненного владения Илаком. Конец династии илакских дикханов М. Н. Федоров относит к 401/1010—11 г. на том лишь основании, что в этом году в столице Илака Тункете был выпущен дирхем без всякого упоминания кого-либо из представителей этой династии²⁸. Этот довод неубедителен хотя бы потому, что, судя по позднему чекану, владельцы Тункета не всегда были правителями Илака. Все же отсутствие на монетах имен или титулов илакских дикханов после 399/1008—09 г. свидетельствует об утрате ими власти над Илаком около этой даты, но не раньше.

Утверждение М. Н. Федорова о том, что «упразднение» династии дикханов Илака — результат завоевания этой области Мухаммадом б. 'Али, союзником Насра в его борьбе с Ахмадом б. 'Али²⁹, еще менее основательно. Утби действительно сообщает о раздорах между Тоган-ханом (т. е. Ахмадом) и Насром, о походе последнего на Кашгар и возвращении с полпути; по мнению В. В. Бартольда, это событие произошло в 402/1011—12 г.³⁰ Е. А. Давидович, рассмотрев чекан Кашгара этого времени, доказала, что в 400—403 гг. х. Кашгаром владел не Тоган-хан, а Кадыр-хан Йусуф и, следовательно, дату похода Насра следует пересмотреть³¹. На чьей стороне находился Мухаммад и принимал ли он участие в борьбе между Насром и Ахмадом, об этом монеты, конечно, не сообщают: до самой смерти Насра Мухаммад в большинстве случаев признавал себя вассалом Ахмада, иногда также Насра, и, хотя на тункетском дирхеме 401 г. х. в качестве сюзерена упомянут только Наср, это не означает непризнания верховной власти Ахмада.

Как видно из приведенных выше монетных данных, в 387/997 г. Мухаммад б. 'Али уже владел Илаком, спустя много лет эта область вновь вошла в число его владений, но как это произошло, по монетам установить невозможно. Судя по неизданному илакскому фельсу 400/1009—10 г.³², это случилось до 401 г. х.

²⁸ Федоров М. Н. К вопросу..., с. 116.

²⁹ Там же.

³⁰ Бартольд В. В. Туркестан..., с. 335.

³¹ Давидович Е. А. Нумизматические заметки. ч. I (Караханиды, Чингиз-хан, Шейбаниды). — Изв. отд. общ. наук АН ТаджССР», 1968, № 3 (53), с. 70—71.

³² Фельс хранится в частной коллекции Е. В. Мордковича (Самарканд).

8. Илак, 400/1009—10 г.

Л. ст., поле: Ирташ (?).

Об. ст., круг. лег.: ал-Амир ал-Джалил Мухаммад

б. 'Али Сана ад-Даула Илек (?).

Л. ст. В центре, в полумесяце, концы которого разделены подобием 12-конечной звезды,

ды, ارباس внизу точка.

Об. ст. В поле: الله

محمد

رسول

الله

Внутренняя круговая легенда: لا اله الا الله وحده لا شريك (так!) له

В слове رسول две средние буквы заключены в полумесяц.

Внешняя круговая легенда (между двух точечных ободков):

بسم الله ضرب هذا الفلاس بايلاق
سنة اربعمئة

Кругом, между внутренним узорным и внешним линейным ободками: اما امر به الا

ميرالجيل محمد بن على سنا
الدولة ايلك (?)

Обе круговые легенды начертаны слитно.

Круговая легенда начертана слитно.

Описанная монета свидетельствует о том, что в 400 г. х. (а возможно, и в предыдущем) Илак снова оказался в руках Мухаммада б. Али и что одновременно (вероятно, но не обязательно) местная династия утратила власть над этой областью. В качестве вассала Мухаммада назван некий ارباس это имя следует, скорее всего, читать как ارتاش — Ирташ.

Так же звали одного из Сельджукидов, племянника Тогрулбека Мухаммада (ум. 440/1048—49)³³. Однако на илакском фельсе, надо полагать, упомянут не он, а его тезка из династии Караханидов. Быть может, Ирташ — тюркское имя самого Мухаммада, а не его вассала.

Владетелем Илака Мухаммад б. 'Али оставался и некоторое время спустя. Во всяком случае, на илакском дирхеме

³³ Тарих-и Систан (История Систана). Перевод, введение и комментарий Л. П. Смирновой. М., 1974, с. 466.

406/1015—16 г.³⁴ после сюзерена назван Сана ад-Даула Илек, а лакаб Сана ад-Даула принадлежал Мухаммаду. Кроме того, после титула «Илек» стоит еще одно слово, в котором А. К. Марков видел начертанное уйгурским письмом имя Наср, но уже Р. Фасмер усмотрел в том же слове арабское «Мухаммад», которому резчик штемпеля придал сходство с уйгурской надписью³⁵. Предположение Р. Фасмера выглядит вполне убедительным, тем более что Наср б. 'Али умер за несколько лет до 406 г. х. Сюзереном Мухаммада назван Насир ал-Хакк Хан, т. е. Ахмад б. 'Али³⁶.

Тот же сюзерен упомянут на дирхеме Илака 403/1012—1013 г.³⁷, а после его титулатуры следуют слова «ал-Му'аййид ал-'Адл Саха ад-Даула». Трудно сказать, относятся они к одному лицу или к двум. Лакаб ал-Му'аййид ал-'Адл принадлежал Насру б. 'Али, скончавшегося по Утби в 403/1012—13 г., согласно же Джамалу Карши — в 402/1011—12 г., причем, по мнению М. Н. Федорова, последнюю дату подтверждает монета: в 402 г. х. в столице Насра Узгенде был выпущен дирхем с именем только Ахмада б. 'Али без упоминания Насра³⁸. Все же единственную монету нельзя считать надежным документом, так как ее могли отчеканить двумя разновременными штемпелями, но это предположение справедливо и по отношению к илакскому дирхему 403 г. х. Следовательно, либо в 403 г. х. Наср б. 'Али был жив и распространял свою власть на Илак, либо упоминание его имени на монете этого года — анахронизм. Все же несомненно, что с 398/1007—08 г. и до конца жизни Насра в число его владений входил временами Илак. Лакаб Саха ад-Даула не известен по другим монетам, и относить его можно и к Насру (лакаб его вообще не установлен), и к Мухаммаду б. 'Али, допуская даже ошибку резчика матрицы, вырезавшего «Саха» вместо «Сана». Более вероятно все же, что здесь упомянут Мухаммад б. 'Али, который,

³⁴ Марков А. К. Инвентарный каталог..., № 188, с. 217—218.

³⁵ Vasmer R. Zur Münzkunde der Qarachaniden. «Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen zu Berlin», XXXIII, Berlin, 1930, S. 92.

³⁶ Кочнев Б. Д. К идентификации некоторых раннекараханидских титулов и лакабов. Сб. «История и археология Средней Азии». Ашхабад, 1978, с. 221—222.

³⁷ Марков А. К. Указ. соч., № 181, с. 216.

³⁸ Федоров М. Н. О политической истории Узгенда конца X—XI вв. (по данным караханидской нумизматики). — «Изв. АН КиргССР», 1973, № 1, с. 91.

как мы видели, выпускал в Илаке монету в 400/1009—10 и 406/1015—16 гг.

Монеты Тункета — столицы этой области — известны лишь с начала V в. х. Старейшая из них — дирхем 401/1010—11 г.³⁹, выпущенный от имени ал-Му'аййид ал-'Адла (т. е. Насра б. 'Али) и его вассала Сана ад-Даула Арслан-тегина (т. е. Мухаммада б. 'Али). Как явствует из надписей неизданного тункетского дирхема 404/1013—14 г.⁴⁰, в этом году владельцем Тункета был другой правитель.

9. Тункет, 404/1013—14 г.

Об. ст., поле: Насир ал-Хакк Хан 'Адуд ад-Даула Чагры-тегин.

Л. ст. В поле:

لا اله الا
الله وحده
لا شريك له

Вверху — четырехлепестковый
цветок. Выпускные сведения —
квадратом: **بسم الله ضر (بهذا)**
الدرهم يتوزنكت سنة اربع
واربع مائة

Об. ст. В поле: **الله**

محمد رسول الله
القادر بالله ناصر الحق خان
عضد الدولة جفري تكين.

Кругом, между внутренним
двухлинейным и внешним ли-
нейно-насечным ободками,
Кор., IX. 33.

Все в линейно-насечном обод-
ке.

В качестве сюзерена здесь упомянут Насир ал-Хакк Хан (т. е. Ахмад б. 'Али), вассала — 'Адуд ад-Даула Чагры-тегин (о его имени и родственных связях см. ниже). Следовательно, хотя в целом область оставалась, видимо, в руках Мухаммада б. 'Али, столицу ее передали во владение другому удельному правителю — Чагры-тегину.

Нам не известны пока караханидские монеты соседнего с Илаком Шаша старше 388/998 г. И все же это не достаточное основание считать, подобно М. Н. Федорову, что Шаш попал под влияние Караханидов только после второго нашествия

³⁹ Марков А. К. Инвентарный каталог..., с. 225, № 225.

⁴⁰ Дирхем хранится в частной коллекции В. В. Кучерова (Ташкент).

их на Мавераннахр в 386/996 г. и заключения мира, по условиям которого границей между владениями Караханидов и Саманидов была признана Катванская степь⁴¹.

Как известно, соседние области Испиджаб и Илак Караханиды захватили за несколько лет до того. Расположенная южнее область Ходженда принадлежала Насру б. 'Али уже в 384/994—95 г.⁴², т. е. опять же до упомянутого мирного договора. Наконец, почти непрерывный (более 100 лет) выпуск Саманидами монет в Шаше завершается 380/990—91 годом⁴³. Эти факты, разумеется, еще не являются абсолютно надежным доказательством вхождения Шаша в состав Караханидского государства до 386 г. х., хотя заставляют предположить более раннюю дату завоевания Шаша Караханидами, чем предлагает М. Н. Федоров.

Старейшей караханидской монетой Шаша М. Н. Федоров считает дирхем, выпущенный в 388 г. х.⁴⁴ от имени ал-Му'аййид ал-'Адла (Насра б. 'Али) и его сюзерена, носящего титул Хан ал-Аджалл. Однако этот дирхем нельзя считать надежным источником, так как он происходит из клада с фальшивыми монетами, и, возможно, сам является фальсификатом⁴⁵. О наличии в надписях некоторых монет этого клада существенных ошибок свидетельствует хотя бы такой пример. На дирхеме Испиджаба 389 г. х. в качестве халифа упомянут ат-Таи', скончавшийся еще в 381 г. х., а в поле л. ст. выше и ниже символа веры выбито Мухаммад Абу Наср; такое расположение показывает, что резчик матрицы кунью Абу Наср относил к Мухаммаду б. 'Али, хотя она принадлежала его брату Ахмаду, как это демонстрируют не только письменные источники⁴⁶, но и многие монеты⁴⁷. Поскольку после 388 г. х. не известно ни одной монеты Шаша, выпущенной от имени Насра б. 'Али, воп-

⁴¹ Федоров М. Н. Политическая история Караханидов в конце X — начале XI в., с. 150.

⁴² Уникальный фельс из Второго Кульбатинского клада.

⁴³ Zambaur E. Die Münzprägungen des Islams, Bd. I Wiesbaden, 1968, S. 156.

⁴⁴ Федоров М. Н. Указ. соч., с. 150.

⁴⁵ Массон М. Е. Кладик дирхемов конца X — начала XI в. из города Янги-Юль Ташкентской области. — Сб.: «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, с. 237—243.

⁴⁶ Ибн ал-Асир. Китаб ал-камил фи-т-тарих. Извлечение, в пер. К. Б. Старковой. — «Материалы по истории киргизов и Киргизии». Вып. I. М., 1973, с. 57.

⁴⁷ Vasmer R. Zur Münzkunde der Qarachaniden, S. 89.

рос о том, входила ли эта область (пусть ненадолго) в состав его владений, лучше оставить открытым.

В 392/1001—02 г. в Шаше был выпущен дирхем⁴⁸ с упоминанием Кутб ад-Даула (т. е. Ахмада б. 'Али) в поле л. ст. и титулатурой ал-Хан ал-'Адил Абу-л-Фаварис в поле об. ст. Титул ал-Хан ал-'Адил относится, по мнению Р. Фасмера, к Ахмаду б. 'Али, кунья же Абу-л-Фаварис — либо к нему, либо к его вассалу⁴⁹. Вторая точка зрения, к которой склоняется и М. Н. Федоров⁵⁰, по-видимому, ближе к истине: трудно допустить, что практически одновременно Ахмад б. 'Али пользовался в монетном чекане двумя разными куньями, Абу Наср и Абу-л-Фаварис.

Вполне вероятно и другое предположение М. Н. Федорова — о тождестве Абу-л-Фавариса и Йусуфа б. 'Абдаллаха⁵¹, упоминаемого на шашских монетах с 394/1003—1004 г. х. В этом году в Шаше выпускались дирхемы нескольких типов: одни выбиты от имени только Насир ал-Хакк Хана Аби Насра Ахмада б. 'Али (поле об. ст.)⁵², другие — с упоминанием ал-Хана Наср ал-Милла, т. е. того же Ахмада (поле об. ст.) и его вассала Йусуфа (поле л. ст.)⁵³, на третьих в поле об. ст. представлена титулатура Ахмада б. 'Али ал-Хан Наср ал-Милла Аби Наср, на л. ст. Йусуф то упомянут, то нет⁵⁴.

10. Шаш, 394/1003—04 г.

Л. ст., поле: Йусуф (или нет).

Об. ст., поле: ал-Хан Наср ал-Милла Аби Наср.

Л. ст. В поле:

لا اله الا
الله وحده
لا شريك له

Об. ст. В поле:

الخان
محمد رسول الله
القادر بالله

⁴⁸ Марков А. К. Инвентарный каталог..., № 6, с. 199.

⁴⁹ Vasmer R. Zur Münzkunde der Qarachaniden, S. 89.

⁵⁰ Федоров М. Н. Политическая история Караханидов в конце X — начале XI в., с. 143.

⁵¹ Там же.

⁵² Марков А. К. Инвентарный каталог..., с. 207, № 128.

⁵³ Там же, с. 211, № 146.

⁵⁴ Дирхемы из Чимкентского клада, найденного в 1970 г. в Чимкентской области Казахской ССР и доставленного в Музей истории народов Узбекистана (КП 693).

يوسف

ي
ع
ي

Вариант: слова يوسف нет.

Кругом: بالله ضرب هذا الدرهم بالشاش سنة اربع و تسعين ثلثمائة

Все в двойном ободке (внутренний точечный, внешний линейный).

Кругом, между внутренним двойным и внешним одинарным линейными ободками, Кор. IX, 33.

Кто был отцом Йусуфа, сообщают фельсы Шаша 394 г. х., на которых он именуется «эмиром славным» (ал-Амир ал-Джалил) Йусуфом б. 'Абдаллахом и выступает вассалом Ахмада б. 'Али (ал-Хан или Хан ал-'Адил, также Кутб ад-Даула)⁵⁵.

В следующем, 395/1004—05 г. в Шаше был выбит своеобразный фельс, интересный не только с точки зрения типологии (выпускные сведения проставлены на той стороне, где размещена вторая, а не первая часть символа веры), но и наличием имени одного Йусуфа без упоминания сюзерена.

11. Шаш, 395/1004—05 г.⁵⁶

Л. ст., поле: Йусуф.

Л. ст. В центре — слово يوسف, заключенное в полумесяц с почти смыкающимися концами, разделенным кружком; полумесяц вписан в круг, а тот — в квадрат с колечками по углам. По сторонам квадрата: لا اله الا الله وحده لا شريك له
Все в точечном ободке.

Об. ст. В поле: لله محمد رسول الله

Кругом: между двух линейных ободков:

بسم الله ضرب هذا الفليس بالشاش سنة خمس و تسعين و ثلثمائة

⁵⁵ Федоров М. Н. Клад караханидских дирхемов начала XI в. из Ташкента. ИМКУ, вып. 5. Ташкент, 1964, с. 99.

⁵⁶ МИНУз, колл. 44, № 7.

В надписях дирхемов Шаша 395 г. х. Йусуф, как и в 394 г. х., то назван, то нет. Так, один из типов этих дирхемов⁵⁷ во всем подобен дирхемам 394 г. х. (№ 10, правда, выпускные сведения — квадратом), но вариант без имени Йусуфа не известен. На монетах второго типа Йусуф (поле л. ст.) выступает вассалом ал-Хана Наср ал-Милла (поле об. ст.)⁵⁸, а дирхемы третьего типа упоминают только сюзерена.

12. Шаш, 395/1004—05 г.⁵⁹

Об. ст., поле: Насир ал-Хакк Хан Аби Наср Ахмад б. 'Али.

Л. ст. Как № 10, вариант, но дата иная, а выпускные сведения — квадратом.

Об. ст. В поле: لله

محمد رسول الله

القادر بالله ناصر الحق خا (так!)

أبي نصر أحمد بن

علي

Кругом, как № 10.

Наконец, известен и дирхем Шаша того же 395 г. х., выбитый от имени Насир ал-Хакк Хана Абу Насра Ахмада б. 'Али (поле об. ст.) и некоего 'Али (поле л. ст.)⁶⁰. Последнее имя принадлежит, конечно, не отцу Ахмада, скончавшемуся еще в 388 г. х., а какому-то вассалу Ахмада б. 'Али.

Как показывает многообразный (и обильный) чекан Шаша 394—395 г. х., правителем Шаша в то время был Йусуф б. 'Абд аллах, вассал Ахмада б. 'Али. Проанализировав известные шашские монеты этих лет, М. Н. Федоров предположил, что в начале Йусуф пользовался значительной самостоятельностью, а затем, в том же 394 г. х., его зависимость от Ахмада б. 'Али усилилась⁶¹. В такой форме это, конечно, не более чем домысел: невозможно установить, какие из монет 394 г. х. чеканились раньше, какие позже. Все же самый факт выпуска в 395 г. х. фельсов с именем одного лишь Йусуфа намекает на

⁵⁷ Чимкентский клад.

⁵⁸ Марков А. К. Инвентарный каталог..., с. 211, № 148.

⁵⁹ Чимкентский клад.

⁶⁰ Федоров М. Н. Клад караханидских дирхемов..., с. 99—100.

⁶¹ Федоров М. Н. Политическая история Караханидов в конце X—начале XI в., с. 143.

определенную самостоятельность этого удельного правителя Шаша, хотя вовсе не свидетельствует о его стремлении превратить отношения вассалитета.

Судя по имени отца, Йусуф не принадлежал ни к 'Алидам, ни к Хасанидам, т. е. ни к одной из семей, игравших в конце X — первой половине XI в. ведущую роль в политической жизни Караханидского государства. Ничего более определенного о нем пока сказать нельзя.

В 395 г. х. наместником Шаша, по-видимому, стал 'Али, о происхождении которого надписи шашского дирхема этого года не сообщают. Имя Али изредка встречается на монетах начала XI в. Так, на дирхеме Узгенда 396/1005—06 г. упомянут Йусуф, на близком по времени фельсе Кенда (т. е. Канибадама), расположенного в Фергане, — 'Али б. Йусуф, который был, вероятно, сыном Йусуфа «узгендского»⁶². Если эти правители тождественны упомянутым на шашских монетах 395 г. х. Йусуфу и 'Али, то получится, что, будучи отцом и сыном, они совместно или один за другим владели Шашем в этом году. По монетам и письменным источникам известен также 'Али б. Хасан, или 'Али-тегин (о нем ниже); по словам Байхаки к 423/1031—32 г. он уже 30 лет находился в Мавераннахре⁶³, следовательно в 395 г. х. вполне мог править Шашем. Наконец, нам известно два однотипных фельса 415 (?) г. х., выпущенные в пункте, название которого пока не удается установить, но который находился видимо, в Шаше, так как обе монеты найдены на городище Канка в Ташкентской области. Чеканены они от имени 'Али б. Насра, т. е., вероятно, сына Насра б. 'Али. Не исключено, что 'Али, упомянутый на шашском дирхеме 395 г. х., идентичен 'Али б. Насру.

В 396/1005—06 и 397/1006—07 гг. в Шаше выпускались дирхемы, на которых выбита лишь титулатура Ахмада: Насир ал-Хакк Хан Абу Наср Ахмад б. 'Али⁶⁴. Имя наместника Ша-

⁶² Сопоставление этих двух монет тоже привело М. Н. Федорова к предположению о родстве Йусуфа и Али (Федоров М. Н. Политическая история Караханидов в конце X — начале XI в., с. 142, таблица). Однако фельс упомянут со ссылкой на А. К. Маркова (Инвентарный каталог..., с. 215—216, № 178), как чеканенный в Согде в 400 г. х., хотя Р. Фасмер установил, что следует читать не Согд, а Кенд, и напомнил про отсутствие даты, не указанной и А. К. Марковым (Vasmer R. Zur Münzkunde der Qarachaniden, S. 84, Anm. 10).

⁶³ Абу-л-Фазл Байхаки. История Масуда (1030—1041). Пер. А. К. Арндса. Изд. 2-е. М., 1969, с. 427.

⁶⁴ Федоров М. Н. Клад караханидских дирхемов..., с. 100.

ша этих лет можно было бы установить при изучении медного шашского чекана, но для данного отрезка времени он пока не известен.

В надписях шашских дирхемов 399/1008—09, 400/1009—10 и 401/1010—11 гг. в качестве сюзерена упомянут (круг. лег. об. ст.) ал-Амир ас-Саййид ал-Малик ал-Музаффар Кутб ад-Даула Наср ал-Милла, т. е. Ахмад б. 'Али, вассала — Низам ад-Даула Абу-л-Музаффар Тонга-тегин (поле об. ст.)⁶⁵. Разные исследователи приписывали эту титулатуру каждому из трех братьев Ахмада: Р. Фасмер — Насру б. 'Али⁶⁶, О. Прицак — Мансуру б. 'Али⁶⁷, М. Н. Федоров — Мухаммаду б. 'Али⁶⁸. Однако Е. А. Давидович, рассмотрев дирхем Самарканда 401 г. х., доказала, что Низам ад-Даула Абу-л-Музаффаром Тонга-тегином был Мухаммад б. ал-Х...⁶⁹

На фельсе Согда 416/1025—26 г. упомянут Тоган-хан Мухаммад б. ал-Хасан, который скорее всего тождествен Мухаммаду б. ал-Х... самаркандского дирхема 401/1010—11 г. Стало быть, носителем титулатуры Низам ад-Даула Абу-л-Музаффар Тонга-тегин следует считать Мухаммада б. ал-Хасана⁷⁰. Именно он и был владельцем Шаха в 399—401 г. х.

На фельсах Шаха 403/1012—13 г.⁷¹ на л. ст. вновь появляется имя Йусуфа, т. е., надо полагать, Йусуфа б. 'Абдаллаха; сюзерен его — Ахмад б. 'Али, в одном случае Тонга (طكا) Кара-хакан, т. е. все тот же Ахмад, который давно вошел в литературу как Тоган-хан I.

Те же правители (Ахмад и Йусуф) фигурируют в надписях шашского дирхема 405/1014—15 г.⁷² На дирхеме Шаха того

⁶⁵ Марков А. К. Инвентарный каталог..., с. 220, №№ 195—128; Федоров М. Н. Указ. соч., с. 101. Шашский чекан 399 и 400 гг. х. был очень обилён: в Чимкентском кладе дирхемы 399 г. х. представлены не менее чем пятью вариантами, дирхемы 400 г. х. — шестью.

⁶⁶ Vasmer R. Zur Münzkunde der Qarachaniden, S. 89.

⁶⁷ Pritsak O. Karachanidische Streitfragen. «Oriens», vol. III, N 2, Leiden, 1950, S. 215—216.

⁶⁸ Федоров М. Н. Политическая история Караханидов в конце X — начале XI в., с. 133—134.

⁶⁹ Давидович Е. А. Клад караханидских монет XI в. из Таджикистана. — СА, 1957, № 3, с. 259.

⁷⁰ Кочнев Б. Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии, ч. 2.

⁷¹ Марков А. К. Инвентарный каталог..., с. 222, № 205; с. 223, № 210.

⁷² Давидович Е. А. Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1955 г. — АРТ, III. Тр. АН ТаджССР, т. LXIII, 1956, с. 119.

же года, но другого типа и на дирхеме 404/1013—14 г.⁷³ в поле об. ст. упомянут Кутб ад-Даула Наср ал-Милла Ахмад б. 'Али, на л. ст. в 404 г. х. выбито слово «гийас» (غياث), в 405 г. х.— «фатх» (فتح). По мнению М. Н. Федорова, второе слово обозначает либо просто «победа», либо имя собственное, Гийас же — определенно имя, возможно, наместника⁷⁴. Однако в домонгольское время ни то, ни другое слово в значении имен собственных не встречаются. Поэтому можно думать, что Иусуф был правителем Шаша не только в 403 и 405 гг. х., но и в 404.

После 405/1014—15 г. на монетах Шаша и после 406/1015—16 г. на монетах Илака Ахмад б. 'Али не упоминается. М. Н. Федоров связывает это с междоусобной войной 403—407 гг. х., рассмотрению хода которой он посвятил специальную статью⁷⁵. Основные положения ее сводятся к следующему.

В 402/1011—12 или 403/1012—13 умер Наср б. 'Али — фактический правитель Мавераннахра. После смерти Насра началась междоусобная война между Мухаммадом б. 'Али и Ахмадом б. 'Али за передел владений Насра. При его жизни Ахмад владел лишь северными и северо-восточными областями государства, после же его смерти двинул войска на юг. В ходе кампании 403—404 гг. х. он нанес два основных удара, разрезавших, подобно клиньям, бывшие владения Насра и изолировавших друг от друга города Мухаммада б. 'Али. Один удар был направлен в сторону Ферганы, другой — Самарканда, прежнего владения Мухаммада, в руках которого остались разрозненные уделы: Бухара, Ходженд, Илак, Тараз и, возможно, Усрушана.

Несмотря на сложные обстоятельства «дальновидный и энергичный Мухаммад б. 'Али сумел сплотить вокруг себя своих родственников и вассалов», «поставил во главе своих разрозненных уделов преданных ему людей» и перешел в наступление. «Не обладая необходимой мобильностью или не имея достаточно сил, чтобы противопоставить их ударам союзников, наносимых одновременно в нескольких местах», Ахмад б. 'Али в ходе кампании 405—406 гг. потерял Бухару, Самарканд, Ахсикет, Шаш и даже столичный город Куз Орду (Баласагун).

⁷³ Федоров М. Н. Указ. соч., с. 143.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Федоров М. Н. Междоусобная война 1012—1016 гг. в государстве Караханидов (нумизматические данные к истории Киргизии). Сб. «Страницы истории и материальной культуры Киргизстана». Фрунзе, 1975, с. 102—109.

В 406/1015—16 г. в руках Ахмада оставались лишь часть Ферганы и Кеш, а в 407/1016—17 г.— последний его оплот. Узгенд. От полного поражения Ахмада спасло только вмешательство хорезмшаха, благодаря посредничеству которого был заключен мир, причем на почетных для Ахмада условиях; некоторые из отвоеванных у него городов (Ахсикет, Самарканд) ему возвратили.

Предложенная М. Н. Федоровым реконструкция событий 403—407 гг. х. имеет мало общего с той картиной, какую рисует имеющийся нумизматический материал и очень скупые сообщения письменных источников. Согласно Утби, после смерти Илека (т. е. Насра б. 'Али) его старший брат Тоган-хан (т. е. Ахмад б. 'Али) наследовал ему в Мавераннахре⁷⁶. Как отметил еще Р. Фасмер, монеты вполне подтверждают это сообщение⁷⁷. Почему же овладение Мавераннахром должно быть связано с войной против Мухаммада б. 'Али, до кончины Насра, не имевшего там владений?

По мнению М. Н. Федорова в 401—403 гг. х. Мухаммаду принадлежал Самарканд, в котором выпускались монеты от имени Низам ад-Даула Абу-л-Музаффара Тонга-тегина, но на самом деле носителем этой титулатуры был Мухаммад б. ал-Хасан. К 403 г. х. у Мухаммада б. 'Али и в Фергане не было уделов. Таким образом, нет оснований считать, будто в 403—404 гг. х. между Ахмадом б. 'Али и его братом Мухаммадом шла борьба за передел владений Насра.

Единственное глухое упоминание какой-то войны мы находим лишь у Байхаки, сообщающего, что в 407/1016—17 г. хан и илек (или ханы и илек) вели борьбу под Узгендом, однако благодаря посредничеству хорезмшаха Мамуна заключили мир⁷⁸. Вот об этой борьбе можно высказать некоторые соображения на основании имеющихся монетных данных.

В 405/1014—15 г. на монетах (дирхемы Ахсикета)⁷⁹ впервые появляется титул Арслан-хан, принадлежавший, вопреки мнению М. Н. Федорова, не Мухаммаду б. 'Али, а Мансуру

⁷⁶ Бартольд В. В. Туркестан..., с. 336.

⁷⁷ Vasmer R. Zur Münzkunde der Qarachaniden, S. 88.

⁷⁸ Абу-л-Фазл Байхаки. История Масуда, с. 814; Бартольд В. В. Туркестан..., с. 336.

⁷⁹ Федоров М. Н. Ходжендский клад серебряных дирхемов второго десятилетия XI в. «Материальная культура Таджикистана», вып. 2. Душанбе, 1971, с. 156—157.

б. 'Али⁸⁰. Уже в следующем году Арслан-хан выпустил монету в бывшей столице Ахмада Куз Орду⁸¹ (Баласагун) и во многих других городах и областях. В данном случае едва ли обошлось без военных действий, однако скорее всего война шла между ханами: Тоган-ханом Ахмадом, б. 'Али и Арслан-ханом Мансуром б. 'Али. Третий из братьев, илек Мухаммад, тоже должен был участвовать в борьбе (на это, кстати, указывает и Байхаки), но на чьей стороне — сказать трудно. Все же можно предположить, что он был не противником, а союзником Ахмада: не только в 405, но и в 406 г. х. Мухаммад признает своим сюзереном именно его, а не Арслан-хана Мансура, в то время владевшего многими областями.

Здесь не место пытаться восстановить весь ход событий 405—407 гг. х. Отрывочные монетные данные не позволяют проследить его в деталях, тем более с установлением направления ударов, хода военной кампании и выявлением личных качеств противников, их организаторских талантов или отсутствия таковых. Для нас важен тот факт, что уже в 406/1015—16 г. на монетах Шаша появляется титул Арслан-хан⁸², на илакском дирхеме упомянуты Насир ал-Хакк Хан (Ахмад б. 'Али) и Сана ад-Даула Илек Мухаммад (см. выше). Оба этих единичных факта еще не свидетельствуют о том, что Илак перешел под власть Арслан-хана позднее Шаша: илакский дирхем могли выпустить раньше шашского (хотя и в пределах того же 406 г. х.) или, что менее вероятно, для его чекана использовали старый штамп об. ст. Во всяком случае в 407/1016—17 г. Илак уже входил в состав владений Арслан-хана, как явствует из надписей дирхема, выпущенного в этом году в столице Илака Тункете⁸³; в качестве сюзерена здесь упомянут Нур ад-Даула Хан, данный же лакаб принадлежал именно Арслан-хану (это видно и из последующего тункетского чекана).

Владельцем Тункета и вассалом Арслан-хана в надписях того же дирхема выступает 'Адуд ад-Даула Чагры-тегин, упомянутый еще на тункетской монете 404/1013—14 г. Правителем Тункета он оставался в 408—412 гг. х.⁸⁴, как показывают

⁸⁰ Кочнев Б. Д. К идентификации раннекараханидских титулов и лакабов, с. 221.

⁸¹ Марков А. К. Инвентарный каталог..., с. 227, № 232.

⁸² Федоров М. Н. Междоусобная война..., с. 105.

⁸³ Марков А. К. Инвентарный каталог..., с. 231, № 258.

⁸⁴ Там же, с. 231—232, № 258—265, с. 241, № 320, с. 974, № 261а.

тункетские дирхемы тех лет, на одном из которых (410 г. х.) выбито также имя этого правителя — ал-Хусайн. Сюзереном его все эти годы был Арслан-хан, титулатура которого приводится в разных формах: Нур ад-Даула Абу-л-Музаффар Арслан-хан, Нур ад-Даула Арслан-хан, Нур ад-Даула Хан, Арслан-хан и просто Хан. Те же правители упомянуты на неизданном тункетском дирхеме 413 г. х.⁸⁵

13. Тункет, 413/1022—23 г.

Об. ст., поле: Арслан-хан, Чагры-тегин.

Л. ст. В поле:

م
لا اله الا
الله وحده
لا شريك له

Об. ст. В поле:

الله
محمد رسول
الله القادر بالله
ارسلان خان
جفرى تكين

Кругом, между внутренним двойным и внешним одинарным линейными ободками:

بسم الله ضرب هذا الدرهم
بتونكت سنة ثلث عشره اربعمائة

Кругом, в обрамлении, как на л. ст., Кор., IX, 33.

Вассалом Арслан-хана в Тункете Чагры-тегин оставался и в 415 г. х.⁸⁶, т. е. до самой смерти сюзерена, наступившей, видимо, в 415 г. х.

Долго не удавалось выяснить место Чагры-тегина в генеалогии Караханидов. Сопоставив его титул с титулатурой владельца Бухары 406—407 гг. х. Сайф ад-Даула Абу 'Али ал-Хусайна б. Мансура Чагры-тегина, М. Н. Федоров пришел к выводу об их тождестве и, следовательно, о том, что Чагры-тегин тункетский был сыном Мансура б. 'Али⁸⁷. Между тем, это были, по-видимому, разные лица, как показывает один неизданный фельс⁸⁸.

⁸⁵ Культа-1.

⁸⁶ Федоров М. Н. Политическая история Караханидов в конце первой и во второй четверти XI в., с. 159, табл. I.

⁸⁷ Федоров М. Н. К истории Караханидов второй четверти XI века.— ОНУ, 1965, № 3, с. 49.

⁸⁸ Фельс найден в 1971 г. на берегу Туябугузского водохранилища в Ташкентской области.

14. Тункет, 412/1021—22 г.

Об. ст., поле: Арслан-хан Чагры-тегин; круг. лег.: (ал-А) мир ал-Джалил 'Адуд ад-Даула Аба 'Али ал-Хусайн б. ал-Хасан Чагры-тегин.

Л. ст. В поле:

لا اله الا
الله و حده
لا شريك له

Вверху — восьмилучевая звездочка. Кругом, между внутренним точечным и внешним линейным ободками:

بسم الله ضربه [هذا الفمس بتونكت
سنة اثنى عشر و اربعمائه

Об. ст. В поле: لله

محمد
رسول الله
ارسلان خان
جغرى تكين

Кругом, между внутренним двойным и внешним одинарным линейным ободками:

مما امر [به الا] مير الجليل عضد
الدولة ابا على الحسين بن
الحسن جغرى تكين

Хотя у бухарского и тункетского владетелей были одинаковые куньи (Абу 'Али) и тюркские титулы (Чагры-тегин), лакабы и отцы у них разные: Мансур у первого и ал-Хасан у второго. Таким образом, правитель Бухары происходил из 'Алидов, владетель же Тункета принадлежал к другой ветви династии — Хасанидам. По-видимому, власть его не была ограничена пределами Тункета, какая-то часть прав на Илак в целом приходилась и на долю Хусайна, упомянутого в надписи неизданного илакского фельса 408 г. х.⁸⁹

15. Илак, 408/1017—18 г.

Об. ст., поле: Арслан-хан, Бури-тегин; круг. лег.: ал-Амир ал-Джалил ал-Хусайн б. Шихаб ад-Даула.

Л. ст. В поле, как № 14.

Об. ст. В поле: لله

محمد
رسول الله

⁸⁹ Подъемная монета, найденная на городище Канка в Ташкентской области в начале 1970-х годов во время работ К. Абдуллаева. Упомянута в его статье (Археологическое изучение городища Канка. ИМКУ, вып. 12. Ташкент, 1975, с. 154), но с неточным определением: Мухаммад б. Али (Арслан-хан Илек).

ارسلان خان

بورى تكين

Кругом, между внутренним
точечным и внешним линей-
ным ободками: بسم الله ضرب

هذا الفلّس بايلاق سنة ثمان
اربعمائة

Кругом, в обрамлении, как
на л. ст.:

مما احمر به الامير الجليل الحسين
بن شهاب الدولة ايده الله

В последующем чекане Илака ал-Хусайн не упоминается может быть потому, что этот чекан пока представлен лишь серебряными монетами. Известны дирхемы, выпущенные в Илаке в 409—411 гг. х.⁹⁰ от имени Арслан-хана (Нур ал-Даула Абу-л-Музаффар Арслан-хан, Абу-л-Музаффар Арслан-хан) и его вассала Бури-тегина. Этот тюркский титул («князь-волок») принадлежал, как известно, сыну завоевателя Мавераннахра Ибрахиму б. Насру, знаменитому впоследствии Ибрахиму Тафгач-хану. Следовательно, вассалом Арслан-хана Мансура б. 'Али был в 408—411 гг. х. в Илаке его племянник Ибрахим б. Наср Бури-тегин⁹¹. Таким образом, если в 400—406 гг. х. владельцем Илака был Мухаммад б. 'Али, то позднее, при Арслан-хане, его сменил Бури-тегин.

Вместо Илака Мухаммад б. 'Али получил Шаш. Не ясно, назван ли он на шашском дирхеме 406/1015—16 г., описание которого не приведено, но Арслан-хан там упомянут⁹². Фельс же Шаша следующего года выбит от имени Мухаммада б. 'Али⁹³.

⁹⁰ Марков А. К. Инвентарный каталог..., с. 237, №№ 290, 293.

⁹¹ Наиболее вероятно, что Бури-тегин илакских монет 408—411 гг. х. есть именно Ибрахим б. Наср; в этом не сомневаются ни О. Прицак (Pritsak O. Die Karachaniden, s. 36), ни М. Н. Федоров (см. многие его работы). Но тот же титул мог все-таки носить и какой-то другой правитель; так, на монетах Ходженда или Ахсикета 440—444 гг. х. упомянут 'Адуд ад-Даула Бури-тегин, который, вопреки мнению М. Н. Федорова, безусловно не идентичен Ибрахиму б. Насру, принявшему к тому времени ханский титул (о монетах 440—444 гг. х. см.: Федоров М. Н. Очерк истории Караханидов второй четверти XI в. ИМКУ, вып. 7. Ташкент, 1966, с. 149; критику идентификации М. Н. Федорова см. у Давидович Е. А. О двух караханидских каганатах, с. 75).

⁹² Федоров М. Н. Междоусобная война..., с. 109.

⁹³ Фельс найден в 1970 г. во время раскопок К. Абдуллаева на городище Канка (раскоп 2).

16. Шаш, 407/1016—17 г.

Л. ст., поле: Падша 'Адил.

Об. ст., поле: Илек; круг. лег.: ал-Малик ал-'Адил Мухаммад б. 'Али Илек.

Л. ст. В поле: в центре — изображение рыбы головой вправо, вверху بادشا, внизу عادل; каждое слово обрамлено парой колечек, под нижним словом крупная точка. Кругом, между двух линейных ободков:

بسم الله ضرب هذا الفليس بالشاش
سنة سبع اربعائة

Об. ст. В поле: لله

محمد

رسول

الله

ايلىك

Кругом, между внутренним точечным и внешним линейным ободками:

مما امر به الملك العادل محمد
بن على ايلك

На дирхеме того же года упомянут только Арслан-хан (Нур ад-Даула ва Сайф ал-Милла Арслан-хан ал-Музаффар)⁹⁴, как и на шашском дирхеме 409/1018—19 г. (Арслан-хан)⁹⁵. На серебряных монетах 410/1019—20 г. х.⁹⁶ в одном случае проставлена только его титулатура, в двух других упомянут также вассал — Тонга Ука (طنغا وكا). В 411/1020—21 г. в поле об. ст. после титулатуры Арслан-хана (Нур ад-Даула Арслан-хан) выбито: Ийлас ал-Хадждадж (البياس), а в одном случае тот же вассал упомянут и на л. ст.⁹⁷ Имеющийся нумизматический материал не позволяет решить, к кому относится тюркский титул (или имя) Тонга Ука: к ал-Хадждаджу, Мухаммаду б. 'Али или к какому-то третьему лицу.

Серебряный чекан Шаша 412/1021—22 г. представлен несколькими типами. На одних дирхемах упомянут лишь Мухаммад б. 'Али, причем не только в поле об. ст. (ал-Малик ал-Мансур Мухаммад б. 'Али), но и в круг. лег. об. ст. (ал-Амир

⁹⁴ Марков А. К. Инвентарный каталог..., с. 228, № 235.

⁹⁵ Там же, с. 234, № 273.

⁹⁶ Там же, с. 236, №№ 284—287.

⁹⁷ Там же, с. 238, №№ 295, 297.

ал-Малик ал-Мансур Мухаммад б. 'Али Маула Амир ал-Муминин)⁹⁸. В одном случае в поле л. ст. выбиты также титулы Падшах и Илек⁹⁹, тоже относящиеся, вероятно, к Мухаммаду. Есть также дирхемы, на которых фигурируют и Арслан-хан (сюзерен), и ал-Малик ал-Мансур Илек Падшах¹⁰⁰ (вассал или вассалы). Как видно из надписей других шашских дирхемов того же года, титул ал-Малик ал-Мансур («царь победоносный») относится к Мухаммаду б. 'Али, титулы же Илек и Падшах — скорее всего к нему же. Следовательно, в 412 г. х. Мухаммад б. 'Али был владельцем Шаша и вассалом Арслан-хана, но его вассалитет не всегда отражался в монетном чекане. Пока трудно сказать, оставался ли Шаш во власти Мухаммада в 408—411 гг. х.

Выбитые на дирхемах Шаша 410/1019—20 г. после титулатуры Арслан-хана слова *طنگا وکا* (Тонга Ука) означают примерно «геройский младший брат», «младший брат, подобный леопарду»¹⁰¹. Это тюркский титул или почетное прозвание вполне приложимо к Мухаммаду б. 'Али, который был «младшим братом» упомянутого перед тем Арслан-хана Мансура б. 'Али, по положению, а скорее всего и фактически¹⁰². Верна наша догадка или нет, сам факт отсутствия на шашских монетах 409—411 гг. х. имени или титулатуры, несомненно принадлежавшей Мухаммаду б. 'Али, еще не служит надежным свидетельством временной утраты им власти над этой областью.

Интересно, что если в раннекараханидский период для монет Илака местом их выпуска назван не только Илак, но и Тункет, то шашский чекан представлен почти исключительно монетами Шаша (аш-Шаш), а столица области Бинкет в качестве монетного двора, за редким исключением, не фигурирует. Р. Фасмер считал, что скорее всего в Бинкете, а не в Бухаре (как думал А. К. Марков) выпущен фельс 403 г. х. с упоминанием Сана ад-Даула Хана (поле об. ст.) и Мухаммада б. 'Али Маула Амир ал-Муминин (круг. лег. об. ст.); однако плохая сохранность надписи с выпускными сведениями не позволила и Р. Фасмеру с уверенностью говорить о месте чекана

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же, с. 241, № 323.

¹⁰⁰ Там же, с. 240, № 314—319.

¹⁰¹ Древнетюркский словарь. М., 1969, с. 575.

¹⁰² Ср. неизданный дирхем Тараза 404 г. х., где в поле об. ст. упомянуты Ахмад б. 'Али и Мухаммад б. 'Али, а на л. ст. — они же, но уже как «старший и младший брат» («ака-ука» — *اكا وکا*).

этой монеты¹⁰³. М. Н. Федоров упоминает также дирхемы, выпущенные Арслан-ханом в Бинкете в 407/1016—17 г., но описание их не приведено¹⁰⁴.

Тот же автор опубликовал два дирхема, чеканенных по его мнению, в Бенакете в 407 г. х.¹⁰⁵ В результате ознакомления с этими монетами¹⁰⁶ установлено, что одна из них действительно выпущена в Бухаре, другая в Бенакете, на ней выбито: Арслан-хан Илек и слово, в котором М. Н. Федоров видит имя Наср, начертанное уйгурским письмом (поле об. ст.), а также Падшах Барс Ука (поле л. ст.). Как уже отмечено, Р. Фасмер предлагал читать в аналогичных случаях не Наср, а Мухаммад, что более вероятно. В таком случае на об. ст. упомянуты Арслан-хан и его вассал Илек Мухаммад. Под словами Падшах Барс Ука может скрываться и вассал их обоих, и сам Мухаммад б. 'Али: Барс Ука по значению довольно близко к Тонга Ука.

Важен сам факт выпуска в начале XI в. собственной серебряной монеты в Бенакете, городе, располагавшемся близ устья Ахангарана, но причислявшемся не к Илаку, а к Шашу. В результате изучения развалин Бенакета, городища Шаркия установлено, что в X—XII вв. площадь его с рабадами составляла более 140 га¹⁰⁷. Чеканка собственной монеты в столь крупном городе, находившемся к тому же на важном торговом пути, экономически вполне оправдана. В то же время исключительная редкость раннекараханидских монет Бенакета позволяет, быть может, видеть в их выпуске не столько экономическое мероприятие, сколько политический акт, а в самих дирхемах — своего рода прокламацию, фиксирующую вхождение в состав державы нового государя, Арслан-хана, одного из крупнейших шашских городов.

¹⁰³ Марков А. К. Инвентарный каталог..., с. 226, № 227; Vasmer R. Zur Münzkunde der Qarachaniden, s. 90, anm. 3. Данный фельс заслуживает особого внимания как единственная монета, на которой лакаб Мухаммада б. 'Али соединен с титулом Хан, однако здесь не место рассматривать этот феномен.

¹⁰⁴ Федоров М. Н. Политическая история Караханидов в конце X — начале XI в., с. 148.

¹⁰⁵ Федоров М. Н. Ходжендский клад..., с. 157, №№ 3—4.

¹⁰⁶ Хранятся, как и весь Ходжендский клад, в Музее истории культуры и искусства УзССР (Самарканд), инв. 4307, 5110.

¹⁰⁷ Буряков Ю. Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса. Ташкент, 1975, с. 28.

А. К. Марков опубликовал дирхем, выбитый от имени Арслан-хана и 'Адуд ад-Даула Чагры-тегина в городе, название которого начертано так: بوكى¹⁰⁸. 'Адуд ад-Даула Чагры-тегин известен по монетам как владетель Тункета, название которого, написанное с ошибкой, здесь, вероятно, и следует видеть. Если же ошибки нет, то перед нами дирхем Науката, одного из илакских городов, не менее, а может быть и более крупного, чем столичный Тункет¹⁰⁹.

Есть также упоминание фельса, выбитого в Нукете (?) в 410 г. х.¹¹⁰ На самом деле он выпущен в 420/1029 г. в пункте, название которого не удается точно прочесть, но это не Наукат. Любопытно, что фельс анонимен: в его надписях нет ни имен, ни титулов.

Таким образом, вопрос о раннекараханидском чекане Науката следует пока оставить открытым. Все же существование его не исключено, поскольку мелкая разменная монета эпизодически выпускалась здесь в X в. при Саманидах¹¹¹.

Наконец, М. Н. Федоров издал дирхем 410/1019—20 г., выбитый в пункте, название которого предлагал читать (хотя и под вопросом) как Кан-и Мансур, подразумевая под этим группу средневековых рудников Илака¹¹². На самом деле данная монета выпущена, безусловно, не в Кан-и Мансуре, а скорее всего в Ахсикете¹¹³.

В 415/1024—25 г. Арслан-хан Мансур б. 'Али скончался. Это произошло, вероятно, в начале года, так как монет 415 г. х. с упоминанием Арслан-хана очень немного; об этом же свидетельствует и тот факт, что, узнав о борьбе за престол и владения Арслан-хана, Махмуд Газнави явился в Балх в середине 415 г. х.¹¹⁴ Около этого же времени из надписей караханидских монет исчезает титулатура и имя Мухаммада б. 'Али.

Основными претендентами на баласагунский престол явились представители другой ветви дома Караханидов: правитель Восточного Туркестана Кадыр-хан Йусуф и его двоюродный

¹⁰⁸ Марков А. К. Инвентарный каталог..., с. 232, № 263.

¹⁰⁹ Буряков Ю. Ф. Историческая топография..., с. 106—109.

¹¹⁰ Абдуллаев К. Археологическое изучение..., с. 154.

¹¹¹ Кочнев Б. Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии, ч. I, с. 120—121.

¹¹² Федоров М. Н. Ходжендский клад..., с. 158.

¹¹³ Кочнев Б. Д. Указ. соч., с. 129.

¹¹⁴ Nazim M. The Life and Times of Sultan Mahmud of Ghazna. New Delhi, 1971, p. 53.

или родной брат Мухаммад б. ал-Хасан. Как мы видели, прежде он был удельным правителем Шаша и Самарканда и носил титул Тонга-тегин, теперь же принял титул Тоган (Тонга)-хан¹¹⁵. Мухаммаду удалось захватить не только Баласагун, но практически стать верховным правителем всех владений, входивших в состав державы Арслан-хана. Владетелем многих областей и городов и вторым лицом в государстве (подобно Мухаммаду б. 'Али при Арслан-хане) стал брат Мухаммада б. ал-Хасана 'Али б. ал-Хасан ('Али-тегин).

'Али-тегин хорошо известен средневековым авторам, однако многими данными о нем мы обязаны монетам. Использовал монеты и М. Н. Федоров, но пришел к выводам, которые не подтверждаются фактами, как постарался показать это в другом месте автор этих строк¹¹⁶. Все же здесь еще раз придется напомнить некоторые из этих выводов, поскольку они касаются истории Шаша и Илака.

В 415/1024—25 г. после смерти Арслан-хана титул Тоган-хан принял, по мнению М. Н. Федорова, Мансур б. 'Али. Тогда же в Бухару бежал 'Али-тегин (о бегстве его из плена без указания даты сообщает Ибн ал-Асир). Сперва 'Али признал себя вассалом Мансура, который, однако, не удовлетворился этим и в 416 г. х. двинулся против 'Али-тегина, но был им разгромлен. «Несомненно, что и Джагра Тегин Хусейн, и Бури Тегин Ибрахим (первый — сын, а второй — племянник Мансура) участвовали в сражении под Бухарой. Мансур был, очевидно, убит, так как после этого сражения мы ничего о нем не знаем, а Бури Тегин был взят в плен и содержался в качестве заложника. Что касается Хусейна б. Мансура, то он.. оказался счастливее своих родственников: он вернулся в Илак...»¹¹⁷.

Все, что сообщает Ибн ал-Асир о сражении под Бухарой, сводится к следующему: 'Али-тегин в союзе с Арсланом б. Сельджуком разбил Илека, брата Арслан-хана, и остался в Бухаре. Домыслы же М. Н. Федорова об участниках этого сражения основываются на трех неверных послылках: 1) отожд-

¹¹⁵ О Хасанидах см.: Pritsak O. Die Karachaniden. S. 31—32; о Мухаммаде б. ал-Хасане, его происхождении и родственниках см.: Кочнев Б. Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии, ч. 2.

¹¹⁶ Кочнев Б. Д. Указ. соч.

¹¹⁷ Федоров М. Н. Новые данные к политической истории... с. 52; Он же. Политическая история Караханидов в конце первой и во второй четверти XI в., с. 164—171.

дествление Арслан-хана с Мухаммадом б. 'Али и Илека — с Мансуром б. 'Али; 2) отождествление Тоган-хана II с Мансуром б. 'Али; 3) поздняя дата бегства 'Али-тегина и битвы под Бухарой. Новый нумизматический материал вполне подтверждает точку зрения О. Прицака о том, что бегство 'Али-тегина от Арслан-хана и сражение под Бухарой произошли около 411/1020—21 г., а Тоган-ханом II в 415/1024—25 и 416/1025—26 гг. был брат 'Али-тегина. Следовательно, нет и не может быть данных, свидетельствующих об участии в битве под Бухарой владельца Тункета Чагры-тегина и правителя Илака Бури-тегина. Особенно очевидным это стало тогда, когда выяснилась несостоятельность построений М. Н. Федорова, но если бы даже они были верны, никакие монетные данные не могут сообщить нам о составе участников того или иного сражения больше, чем письменный источник.

В жертву надуманной концепции приносятся и несомненные нумизматические факты. Так, хотя на шашских дирхемах 415 г. х. вполне определенно упомянут 'Али б. ал-Хасан, М. Н. Федоров считает, что он Шашем не владел, появление же его имени на монетах объясняется политической ориентацией наместника Шаша (кстати, вовсе не упомянутого в монетных надписях), узнавшего о захвате 'Али-тегином Бухары и посчитавшего выгодным для себя перейти на его сторону. 'Али будто бы и не мог овладеть Шашем, так как оставались в живых брат Арслан-хана, его сыновья и племянники (подразумевается, видимо, что они не пустили бы 'Али-тегина в Шаш). К тому же Ибн ал-Асир вообще ничего не говорит о захвате этой области 'Али-тегином. Он был, вероятно, настолько неуверен в своих силах, что в 415/1024—25 г. признал себя вассалом Тоган-хана Мансура б. 'Али, и эта демонстрация слабости, видимо, повлекла за собой выпуск в Шаше в том же году монет, не упоминающих 'Али б. ал-Хасана¹¹⁸.

М. Н. Федоров давно занимается вопросами политической истории Караханидов, поэтому не может не знать, сколь мало сведений сообщают о Караханидах письменные источники и как важна в этом отношении роль нумизматических данных, часто дополняющих и даже опровергающих сообщения средневековых авторов. Говорит ли о чем-либо в этом случае умолчание Ибн ал-Асира (даже если бы все остальные построения

¹¹⁸ Федоров М. Н. Политическая история Караханидов в конце первой и второй четверти XI в., с. 170.

М. Н. Федорова были верны)? Далее. Сколько бы родственников Илека не оставалось в живых, вовсе не обязательно, чтобы все они встали на защиту Шаша от посягательств 'Али-тегинз; сам М. Н. Федоров знает и рассматривает примеры борьбы между родными братьями: Насром б. 'Али и Ахмадом б. 'Али, затем между Ахмадом и, по мнению М. Н. Федорова, Мухаммадом б. 'Али.

Таким образом, даже без привлечения новых монетных данных, к рассмотрению которых мы теперь переходим, видно, насколько не основательны построения М. Н. Федорова относительно судеб Шаша и Илака после смерти Арслан-хана. Ниже приводятся описания монет (только дирхемов), в том числе тех же типов, что упомянуты, но не описаны М. Н. Федоровым; все они происходят из Первого Кульатинского клада.

17. Шаш, 415/1024—25 г.

Л. ст., поле: (؟) ترك ادى или Баха [ад-Даула].

Об. ст., поле: Насир ал-Хакк Илек ал-'Адил 'Али б. ал-Хасан.

Л. ст. В поле:

لا اله الا
الله و حده
لا شريك له.

Вверху ترك ادى (؟), внизу عدل

Вариант 1: вверху بها ,

внизу [الدولة].

Вариант 2: вверху — полумесяц, внизу — нет.

Выпускные сведения — квадратом:

بسم الله ضر/ بهذا الدرهم/
بالشاش سنة خمس/ عشر واربعمئة

Все в линейном ободке.

18. [Шаш], 415/1024—25 г.

Л. ст., поле: ترك ادى
(؟)

Об. ст. В поле:

الله
محمد رسول اله
القادر بالله ناصر الحق
ايك العادل على
بن الحسن

Кругом, между двух линейных ободков, Кор., IX, 33.

Об. ст., поле: Насир
ал-Хакк Илек ал-'Адил Баха
ад-Даула.

Л. ст. В поле, как № 17 (ос-
новной тип).

Выпускные сведения — квад-
ратом: بسم الله ضر بهذا الد...

... سنة خمس عشر و اربعمائه

Все в линейном (?) ободке.

Об. ст. В поле: لله

محمد رسول الله

القادر بالله ناصر الحق

ايلىك العادل

بها الدولة

Кругом, между внутренним
линейным и внешним таким
же (?) ободками, Кор., IX, 33.

19. Шаш, 415/1024—25 г.

Л. ст., поле: ترك ادى (?) или Баха (ад-Дау)ла или
Падшах.

Об. ст., поле: ал-Малик Хан ал-Амир ал-'Адил Илек.

Л. ст. В поле, как № 17 (ос-
новной тип).

Вариант 1: вверху بها внизу
[الدولة].

Вариант 2: как № 17, вари-
ант 2.

Вариант 3: вверху — پادشاه ,
внизу — нет.

Вариант 4: вверху и внизу —
нет.

Выпускные сведения и обрам-
ление, как № 17.

Об. ст. В поле: لله

محمد رسول الله

القادر بالله الملك خان

الامير العادل ايلىك

Вариант: слово خان , цели-
ком в третьей строке.
Кругом, как № 17.

20. Шаш, 416/1025—26 г.

Л. ст., поле: Илек и ? (неясное слово).

Об. ст., поле: ал-Малик ал-'Адил Тоган-хан.

Л. ст. В поле: ايلىك

لا اله الا

الله وحده

لا شريك له

Об. ст. В поле: لله

محمد رسول الله

القادر بالله الملك

العادل طغان

Выпускные сведения и обрамление, как № 17, но дата иная:

ست عشر و اربعمائه

Кругом, как № 17.

21. Шаш, 416/1025—26 г.

Л. ст., поле: Илек и ? (неясное слово).

Об. ст., поле: ал-Малик Тоган-хан Илек.

Л. ст. В поле, как № 20.

Вариант 1: сверху — украшение, внизу — *حسبى الله*.

Вариант 2: сверху — украшение, внизу — нет.

Выпускные сведения и обрамление, как № 20, но слово

سته начертано также *ست*.

Об. ст. В поле:

لله

محمد رسول الله

القادر بالله

الملك طغان خان

ابليك

Кругом, как № 17.

22. Шаш, 416/1025—26 г.

Л. ст., в поле: Баха ад-Даула.

Об. ст., поле: ал-Малик ал-'Адил Тоган-хан Илек.

Л. ст. В поле: украшение

لا اله الا

الله و حده

لا شريك له

بها الدولة.

Об. ст. В поле:

لله

محمد رسول الله

القادر بالله

الملك العادل

طغان خان

ابليك

Кругом, между двух линейных ободков выпускные сведения, как № 20.

Вариант, сверху — украшение, внизу — неразборчивая надпись (но не Баха ад-Даула), а выпускные сведения — квадратом.

Кругом, как № 17.

23. Илак, 415/1024—25 г.
Л. ст., поле: Сайф ад-Даула.
Об. ст., поле: ал-Малик Тонга-хан.

Л. ст. В поле: سيف
لا اله الا
الله و حده لاشريك له
الدولة

Об. ст. В поле: لله
محمد رسول الله
القادر بالله الملك
طنغا خان
ملكان.

Кругом, в линейном ободке:

بسم الله ضرب هذا الدرهم
بايلاق سنة خمس عشرة اربعمائة

Кругом, как № 17.

Об. ст., поле:
Тонга-хан 'Адуд ад-Даула...

24. Тункет, 416 (?) г. х.
Л. ст., поле — ?

Л. ст. В поле:
لا اله الا
الله و حده
لا شريك له.

Об. ст. В поле: لله
محمد رسول الله
القادر بالله طنغا
خان عضد الدولة.

Внизу — неразборчивое слово уйгурским письмом.

Выпускные сведения — квадратом: [بسم] لله ضرب بهذا

الدرهم بتونكت سنة ست (?)
/عشره اربع [مائة]

Кругом, как № 17 (сохранилось частично).

Все в линейном ободке.

Как видно из приведенных монетных данных, на дирхемах Тункета и Илака и дирхемах Шаша 416 г. х. сюзереном выступает Тоган (Тонга)-хан, т. е. Мухаммад б. ал-Хасан. Уже в 415 г. х. ему подчинялся Илак, можно думать, что и Шаш вошел в состав его государства не позднее этой даты, хотя титул Тоган-хан появляется на шашских монетах только в 416 г. х. На одном из типов шашских дирхемов в качестве сю-

зерена упомянут Хан, т. е. скорее всего именно Тоган-хан: вассалом Хана являлся Баха ад-Даула, который в следующем году признал своим сюзереном Тоган-хана.

О. Прицак приписывал лакаб Баха ад-Даула 'Али-тегину, М. Н. Федоров — Мансуру б. 'Али. Описанные шашские дирхемы 415 г. х. вполне подтверждают точку зрения О. Прицака. Правда, на монете № 18 не сохранилось название монетного двора, но это, конечно, Шаш, в чем убеждает полная идентичность надписей л. ст. на монетах № 17, 18 и 19 и очень большое сходство дирхемов типа 17 и 18; монеты же типов 17 и 19 выпущены именно в Шаше. Единственное различие в надписях об. ст. дирхемов типов № 17 и № 18 — в титулатуре, выбитой после имени халифа: 1) Насир ал-Хакк Илек ал-'Адил 'Али б. ал-Хасан; 2) Насир ал-Хакк Илек ал-'Адил Баха ад-Даула. Из этого сравнения видно, что слова «'Али б. ал-Хасан» и «Баха ад-Даула» в легендах шашских дирхемов 415 г. х. были как бы взаимозаменяемы, т. е. относились к одному и тому же лицу. Иными словами, 'Али б. ал-Хасану ('Али-тегину) и принадлежал лакаб Баха ад-Даула. Поскольку данный лакаб выбит и на шашских монетах 416 г. х., то и в этом году 'Али-тегин оставался владельцем Шаша. Титул Илек, помещаемый то на лицевой, то на оборотной сторонах шашских дирхемов 415—416 гг. х., тоже относится скорее всего к 'Али б. ал-Хасану, равно как и лакаб Насир ал-Хакк¹¹⁹.

На л. ст. дирхема Ахсикета 415 г. х.¹²⁰ выше и ниже символа веры выбито *عين الدولة ملكان*. Лакаб 'Айн ад-Даула принадлежал Мухаммаду б. Насру, следовательно, к нему же относится и слово *ملكان*, в котором следует, вероятно, видеть второе имя Мухаммада. Оно же помещено после титула Тонга-хан на илакском дирхеме 415 г. х. Стало быть, в этом году Мухаммад б. Наср, владевший до того лишь некоторыми городами в пределах Ферганы, сумел на время распространить свою власть на соседний Илак, принадлежавший прежде его брату Ибрахиму б. Насру Бури-тегину. Позднейшая известная монета Илака, чеканенная от имени Бури-тегина, датируется 411/1020—21 г., поэтому трудно сказать, был ли Мухаммад непосредственным преемником Ибрахима в Илаке.

¹¹⁹ Подробнее см.: Кочнев Б. Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии, ч. 2.

¹²⁰ Кульата I.

В столице этой области, Тункете, и при Тоган-хане продолжал править 'Адуд ад-Даула, т. е. ал-Хусайн б. ал-Хасан Чагры-тегин, родной брат Тоган-хана. Интересно, что даже такое близкое родство с верховным государем не помогло ему распространить власть на весь Илак, доставшийся представителю другой семьи — 'Алидов.

Борьба между Караханидами Кашгара, Кадыр-ханом Йусуфом и его сыновьями с одной стороны и братьями Тоган-ханом и 'Али-тегином с другой продолжалась и после утверждения Тоган-хана на баласагунском престоле. В войну вмешался Махмуд Газнави, при поддержке которого Кадыр-хану удалось в 417/1026—27 г. х. вытеснить Тоган-хана из Баласагуна¹²¹. Вероятно, в том же году Тоган-хан потерял также Шаш и Илак. Об этом свидетельствует дирхем, выпущенный от имени Кадыр-хана («Малик ал-Машрик») в 417/1026—27 г. в Дахкете¹²². Это был небольшой город в Илаке, располагавшийся неподалеку от рудника Кух-и Сим; Ю. Ф. Буряков помещает его на месте селения Дукент близ Ангрена¹²³. Как бы ни локализовать Дахкет, он находился выше по течению Ахангарана, чем Тункет. Следовательно, захват Дахкета мог произойти уже после овладения столицей Илака и практически всей области. Едва ли можно сомневаться, что одновременно был завоеван соседний Шаш.

В письменных источниках Дахкет упоминается как небольшой городок (без подробностей); невелики и размеры городища в Дукенте. Трудно предположить, что выпуск в этом пункте собственной монеты, к тому же серебряной, а не медной, разменной, был вызван потребностями торговли. Более вероятно, что чекан монеты в Дахкете был в первую очередь политическим актом и отразил один из этапов захвата Кадыр-ханом Илака, сам факт перехода под его власть одного из илакских городов. Однако не имело бы смысла специально отмечать этот факт чеканом дирхемов, если бы Дахкет был таким незначительным пунктом, каким он представлен в сообщениях письменных источников. Поэтому можно предположить, что в первой половине XI в. значение Дахкета возросло, чему

¹²¹ Абу-л-Фазл Байхаки. История Масуда, с. 158; Pritsak O. Die Karashaniden, S. 33.

¹²² Монета из частной коллекции Г. А. Худякова (г. Чирчик); публикацию ее см.: Кочнев Б. Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии, ч. I. ИМКУ, вып. 14. Ташкент, 1978, с. 128.

¹²³ Буряков Ю. Ф. Историческая топография..., с. 153—157, 179.

свидетельством описанный дирхем — вообще единственная дахкетская монета.

В 418/1027—28 г. в Тункете были выпущены дирхемы с упоминанием Кадыр-хана (Хан Малик ал-Машрик) и 'Адуд ад-Даула Чагры-тегина¹²⁴. Как следует из этого факта, ал-Хусайн б. ал-Хасан Чагры-тегин сохранил власть над столицей Йлака и при Кадыр-хане. В период, когда правители уделов постоянно менялись, Хусайн не менее 15 лет (по крайней мере с 404/1013—14 до 418/1027—28) оставался владельцем Тункета, сменив за это время четырех сюзеренов: Тоган-хана Ахмада б. 'Али, Арслан-хана Мансура б. 'Али, Тоган-хана Мухаммада б. Хасана и Кадыр-хана Йусуфа б. Харуна.

На тункетских дирхемах 421/1030 и 422/1030—31 гг. Чагры-тегин уже не упоминается, на них выбита титулатура Малик ал-Машрик Мухаммад б. Кадыр-хакан (в поле об. ст.) и лакаб Кавам ад-Даула (поле л. ст.)¹²⁵. В дальнейшем данный лакаб обычно встречался в чекане Мухаммада б. Йусуфа, которому и принадлежал. Следовательно, на тункетских дирхемах 421—422 гг. х. Мухаммад упомянут дважды: как Мухаммад б. Кадыр-хакан и как Кавам ад-Даула. Трудно сказать, кто здесь подразумевается под «царем Востока» (Малик ал-Машрик). По мнению Р. Фасмера, этот титул перешел от Кадыр-хана к обоим его сыновьям¹²⁶, но поскольку оба тункетских дирхема выбиты еще при его жизни, то, возможно, именно Кадыр-хан и упомянут здесь в качестве верховного сюзерена. Все же более вероятно, что вся титулатура, выбитая на об. ст., относится целиком к Мухаммаду б. Йусуфу.

Такую же титулатуру мы видим на дирхемах Шаша 421 г. х., но на одном из двух типов монет отсутствуют слова «Малик ал-Машрик» и лакаб Кавам ад-Даула¹²⁷.

Следовательно, Кадыр-хан передал Шаш и Илак во владение своему сыну Мухаммаду б. Йусуфу, причем его верховная власть не всегда отражалась в монетном чекане этих областей.

Кадыр-хан Йусуф скончался, согласно данным Джамала Карши, 1 мухаррама 424 г. х. (7 декабря 1032 г. н. э.), по сведениям же Ибн ал-Аспира и «Маджма ат-таварих» в 423/1031—

¹²⁴ Федоров М. Н. Новые данные..., с. 52—53.

¹²⁵ Абдуллаев К., Федоров М. Н. Клад караханидских монет с городища Канка.— ОНУ, 1971, № 10, с. 71—72.

¹²⁶ Vasmer R. Zur Münzkunde der Qarachaniden, S. 101.

¹²⁷ Абдуллаев К., Федоров М. Н. Клад..., с. 71.

32 г. х., причем последнюю дату подтверждают монеты¹²⁸. После смерти Кадыр-хана старший его сын, Сулайман, стал верховным правителем государства с титулом Арслан-хан. Вторым его сын, Мухаммад, принял титул Богра-хан и стал вторым лицом в государстве, «со-каганом» брата. При этом он получил в управление, согласно данным Байхаки и Ибн ал-Асира, Тараз, Испиджаб и Шаш¹²⁹. Илак в этом перечне отсутствует, видимо, потому, что нередко его включали в состав Шаша, считали «подобластью».

Таким образом, Шаш с Илаком принадлежали Мухаммаду б. Иусуфу еще при жизни его отца, так что проведенный Арслан-ханом раздел государства, вероятно, просто узаконил существовавшее положение вещей.

Как и при жизни Кадыр-хана, власть верховного государя не всегда отражалась в монетном чекане, в том числе шашском и илакском. Так, на дирхеме Тункета 424/1032—33 г. в поле об. ст. выбито Малик ал-Машрик Мухаммад б. Кадыр-хакан, в поле л. ст.— Кавам ад-Даула¹³⁰. По содержанию легенды этой монеты ничем не отличаются от надписей тункетских дирхемов 421—422 г. х., и по ним нельзя судить о перемещении верховной власти (может быть, здесь использованы разновременные матрицы?). Позднее на тункетских монетах стали упоминать Арслан-хана, как показывает один неизданный дирхем¹³¹.

25. Тункет, 433/1041—42 или 436/1044—45 г.

Об. ст., поле: Сана ад-Даула Арслан-хан, Султан ад-Даула.

Л. ст. В поле:

لا الد لا
الله و حله
لا شريك له

Об. ст. В поле: سلطان

محمد رسول الله
القايم بامر الله سنا
الدولة ارسلان خان
الدولة.

Вверху — три точки.

Выпускные сведения — квадратом:

بسم الله ضرب بهذا

Кругом, между внутренним двойным и внешним одинарным

¹²⁸ Vasmer R. Zur Münzkunde der Qarachaniden, S. 94, 95.

¹²⁹ Ibid., S. 95; Pritsak O. Die Karachaniden, S. 39.

¹³⁰ Марков А. К. Инвентарный каталог..., с. 252, № 383.

¹³¹ Хранится в частной коллекции Е. И. Мокрородова (г. Алматы). Найден в 1970 г. в Ташкенте в районе Домбарада.

الدرهم / بتونكت سنة ثلث (ست؟) ным линейным ободками.
Кор., IX, 33 (фрагменты).
و ثلثين و اربع مئة

Все в линейно-насечном ободке.

Сана ад-Даула Арслан-хан фигурирует здесь в качестве верховного сюзерена, вассалом же является Богра-хан, упомянутый под одним из своих лакабов — Султан ад-Даула. Лакаб Сана ад-Даула принадлежит, конечно, Арслан-хану, но до сих пор в литературе это почетное прозвание не было отмечено; и по письменным источникам, и по монетам Сулайман б. Йусуф известен как Шараф ад-Даула¹³².

Арслан-хан упоминался и на монетах Илака, что явствует из надписей илакских дирхемов с не вполне ясной датой.

26. Илак, 429/1037—38 (?) или 423/1031—32 г.¹³³

Л. ст., поле: Бу Шуджа'.

Об. ст., поле: ал-Малик Арслан-хан...

Л. ст. В поле:

لا اله الا
الله وحده
لا شريك له
بوشجاع

Кругом: [بسم الله] ضرب هذا

الدرهم بايلاق سنة تسع (ثلث؟)
عشر...

Все в линейном ободке.

Об. ст. В поле:

الله
محمد رسول الله
القادر بالله الملك
ارسلان خان

Внизу — надпись уйгурским письмом.

Кругом, между двух линейных ободков. Кор., IX, 33.

Первое слово даты более всего похоже на تسع «девять», а вся дата была бы тогда 429/1037—38 или 419/1028 г. Однако последний вариант невозможен, так как до смерти отца Сулайман б. Йусуф носил титул Богра-тегин, Арслан-ханом же стал только в 423/1031—32 г. Мало вероятен и второй вариант, поскольку упомянутый на об. ст. халиф Кадир скончался еще в 422/1030 г. Следовательно, либо мы имеем дело с серьезным

¹³² Давидович Е. А. О двух караханидских каганатах, с. 72.

¹³³ МИНУз, колл. 45, №№ 38—39.

анахронизмом, либо дату надо читать иначе: 423 г. х. (правда, и тогда остается анахронизм, но небольшой). Нельзя также отнести данные дирхемы к чекану Арслан-хана I (405—415 гг. х.), ибо кунья Бу (Абу) Шуджа' принадлежала именно Арслан-хану II¹³⁴. До расшифровки надписи уйгурским письмом на об. ст. публикуемых монет нельзя сказать, упомянут ли на ней только Арслан-хан или еще Мухаммад б. Йусуф.

В 425/1033—34 г. в Шаше была выпущена монета от имени Арслан-хана (верховный сюзерен), Богра-хана (непосредственный сюзерен) и Джабраила б. Кадыр-хакана (вассал и владелец области)¹³⁵. Позднее, на шашских дирхемах 433 г. х., Арслан-хан уже не упоминался.

27. Шаш, 433/1041—42 г.¹³⁶

Л. ст., поле: Богра-хан.

Об. ст., поле: Султан ад-Даула Кавам ад-Даула.

Л. ст. В поле:	بغرا	Об. ст. В поле:	الله
	لا اله الا		محمد رسول الله
	الله و حده		القادر بالله سلطان
	لا شريك له		الدولة قوام
	хан		الدولة

(уйгурским письмом).

Выпускные сведения — квадратом:

بسم الله ضر / بهذا الدرهم / بالشاش
سنة ثلث / و ثلثين و اربع مائة

Все в линейно-насечном ободке.

Кругом, между внутренним двухлинейным и внешним линейно-насечным ободками, Кор., IX, 33.

Разнообразный многочисленный чекан Богра-хана свидетельствует о том, что ему принадлежали оба выбитых на об. ст. описанных монет лакаба — Султан ад-Даула и Кавам ад-Даула. Он же, но уже под собственным титулом (Богра-хан) упо-

¹³⁴ Давидович Е. А. О двух караханидских каганатах, с. 72.

¹³⁵ Федоров М. Н. Очерк истории Караханидов второй четверти XI в. ИМКУ, вып. 7, 1966, с. 143.

¹³⁶ МИНУЗ, колл. 44, №№ 51—60. Р. Фасмер упоминает, но не описывает эрмитажные экземпляры монет Шаша 433 г. х. (Vasmer R. Zur Münzkunde der Qarachaniden, S. 98).

мянут и на л. ст. Таким образом, в 433 г. х. в Шаше дирхемы выпускались только от имени Богра-хана. Никто, кроме него, не упомянут и на шашском дирхеме 44. г. х. (поле л. ст.; ал-Малик ал-Музаффар Богра Кара-хакан)¹³⁷.

Мы совместно с М. Н. Федоровым опубликовали два медных дирхема из Второго Беловодского клада, выпущенных от имени Богра-хана и вассала с неустановленным лакабом в 448/1056—57 г. в городе, название которого читалось (под вопросом) как Тункет, хотя начертано оно так: برنگک¹³⁸. Исходя из написания, это слово следовало бы читать как برنگت — Баранкет — Паранкет: это вероятно, одна из форм воспроизведения топонима Фаранкет (فرنگت), ср. Парак—Фарак, Бараб—Параб—Фараб).

Фаранкет — один из небольших городков Шаша, о котором не сообщается подробностей¹³⁹. Ю. Ф. Буряков помещает Фаранкет на месте селения Паркент, где сохранились остатки не очень крупного городища¹⁴⁰. Поскольку сам факт выпуска в Фаранкете медных дирхемов середины XI в. нельзя считать точно установленным, едва ли здесь стоит его объяснять.

В 448 г. х. Богра-хан взял в плен Арслан-хана и захватил его владения, но уже через 15 месяцев (в 449 г. х.) был отравлен женой, которая возвела на престол своего несовершеннолетнего сына Ибрахима. Спустя два года Ибрахим погиб, а верховным государем стал третий сын Кадыр-хана Иусуфа Махмуд, принявший титул Тогрул Кара-хакан (с 451/1059—60 до 467/1074—75 г.)¹⁴¹.

Задолго до этих событий в Мавераннахре сложилось отдельное государство — Западнокараханидский каганат. Фактически оно отделилось еще при 'Али б. ал-Хасане ('Али-тегине), но окончательно сформировалось (около 432/1040—41 г.) при Табгач-хане Ибрахиме¹⁴². Воспользовавшись смутами и усобицами между Восточными Караханидами, Ибрахим начал наступление на их владения и в 450-х годах хиджры захватил некоторые присырдарьинские области. Как показывают моне-

¹³⁷ Марков А. К. Инвентарный каталог..., с. 258, № 414.

¹³⁸ Кочнев Б. Д., Федоров М. Н. Два клада..., с. 184, 194.

¹³⁹ Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., 1973, с. 22, 28, 33.

¹⁴⁰ Буряков Ю. Ф. Историческая топография..., с. 99—100.

¹⁴¹ Pritsak O. Die Karachaniden, S. 40—41.

¹⁴² Давидович Е. А. О двух караханидских каганатах, с. 74—75.

ты, в их числе были и Шаш с Илаком. Так, дирхемы Шаша 45-г. х. и Бинкета 458/1065—66 г. выбиты от имени ал-Му'аййид ал-'Адл Табгач-хана Ибрахима, именовавшегося также «Царем Востока и Китая» (Малик ал-Машрик ва-с-Син).

На других серебряных монетах Шаша и Тункета 45-г. х. упомянут только Амин ад-Даула (или Ямин ад-Даула) Шу'айс (شعیث) Ибрахим¹⁴³. Как известно, Шу'айс был сыном Табгач-хана Ибрахима¹⁴⁴, монеты показывают, что при жизни отца он был удельным правителем Шаша и Илака. Слова «Шуайс Ибрахим» следует понимать, видимо, как Шу'айс б. Ибрахим (ср. Ахмад 'Али вместо Ахмад б. 'Али на некоторых раннекараханидских монетах). На одном из тункетских дирхемов в поле л. ст. выбиты слова نعان تكين, в которых В. В. Бартольд видел тюркский титул Шу'айса — Тоган-тегин¹⁴⁵. Между тем «Тоган» обычно пишется иначе طغان, так что данный титул скорее следует читать как Йаган-тегин.

Преемником Ибрахима стал не Шуайс, а другой его сын — Наср, более известный как Шамс ал-Мулк (с 460/1067—68 до 472/1079—80 г.). При нем происходила борьба с Восточными Караханидами, сумевшими вернуть области, захваченные Ибрахимом. Согласно условиям договора, заключенного между двумя караханидскими государствами, границей между ними стал Ходженд¹⁴⁶. Шаш и Илак оказались в составе Восточно-караханидского каганата, о чем свидетельствуют серебряные монеты, выбитые в 46-г. х. в Тункете¹⁴⁷ от имени сына Тогрул Кара-хакана Тогрул-тегина (согласно О. Прицаку, его звали 'Умар б. Махмуд)¹⁴⁸. В надписях тункетских дирхемов приведены лакабы Тогрул-тегина Шараф ад-Даула и Зайн ад-Дин, а на одном из них упомянут также Мухаммад Тузун-тегин, вероятно, тункетский наместник Тогрул-тегина. Очевидно, к тому же наместнику относится и лакаб Сафи ад-Даула.

Более поздний чекан Шаша, Илака или Тункета не извес-

¹⁴³ Марков А. К. Инвентарный каталог..., с. 263, № 441, с. 264, № 444, с. 267—268, №№ 461—463.

¹⁴⁴ Бартольд В. В. Туркестан..., с. 377.

¹⁴⁵ Там же, с. 377, прим. 2.

¹⁴⁶ Там же, с. 377.

¹⁴⁷ Марков А. К. Указ. соч., с. 271, №№ 485—487.

¹⁴⁸ Pritsak O. Die Karachaniden, S. 41.

тен, поэтому мы точно не знаем, в состав какого из двух караханидских государств входила территория Ташкентского оазиса в третьей четверти XI — первой половине XII в.

В 482/1089 г. Сельджукид Малик-шах захватил столицу Западных Караханидов — Самарканд. С этого времени их государство попало в зависимость от Сельджукидов, сюзеренитет которых иногда¹⁴⁹ признавали и Восточные Караханиды.

В 30-х годах карахытаи захватили все Восточнокараханидское государство, а в 1141 г. в Катванской битве разгромили соединенную армию Сельджукида Санджара и самаркандского Караханида Махмуда. После этого все караханидские владения подчинились карахытаям (кидани), которые, хотя и не были мусульманами, не вмешивались ни в вопросы религии, ни в дела управления страной. Власть Караханидов была упразднена только в Баласагуне, а в Восточном Туркестане, Фергане и Мавераннахре сложились отдельные караханидские государства¹⁵⁰. В монетном чекане Караханидов их зависимость от карахытаев никак не отразилась.

Шаш и Илак входили в состав важнейшего караханидского удела — Мавераннахрского; один из самаркандских ханов, Тафгач-хан Мас'уд б. Хасан (около 556—565 гг. х.) распространял свою власть на эти области. Об этом свидетельствуют монеты (медные посеребренные дирхемы), выпущенные в 558/1162—63 и 559/1163—64 гг. в Бенакете¹⁵¹ от имени государя с титулатурой ал-Хакан ал-'Адил Руки ад-Дунья ва-д-Дин Клыч Тафгач-хан, принадлежавшей Мас'уду¹⁵². Хотя бенакетские монеты с именами или титулами предшествующих ханов Мавераннахра не известны, это не означает, что Шаш и Илак им не подчинялись: регулярный и достаточно обильный чекан после долгого перерыва, когда монеты выпускались от случая к случаю, возобновился, видимо, лишь при Мас'уде.

Мас'уд был одним из последних, если не последним, сильным государем Мавераннахра. При его преемниках некоторые окраинные территории державы отделились и превратились в

¹⁴⁹ Бартольд В. В. Туркестан..., с. 379, сл.

¹⁵⁰ Бартольд В. В. Туркестан..., с. 386, сл.; Он же. Очерк истории Семиречья. Соч. Т. II, ч. I. М., 1963, с. 48, сл.; Pritsak O. Die Karachaniden, s. 42—43, 57.

¹⁵¹ Марков А. К. Инвентарный каталог..., с. 278, №№ 519, 520.

¹⁵² О Мас'уде, его происхождении, времени правления и монетах см.: Давидович Е. А. Вопросы хронологии и генеалогии Караханидов второй половины XII в. Сб. «Средняя Азия в древности и средневековье». М., 1977, с. 177, сл.

особые уделы, управлявшиеся своими ханами из дома Караханидов. Есть некоторые основания считать, что один удел (или уделы?) сложился в приамударьинских областях. Относительно же Шаша и Илака нет сомнений, что они вошли в состав другого удела со столицей в Бенакете: здесь монеты выпускали от имени ханов, которые не управляли ни Мавераннахром, ни Ферганой.

Письменные источники не сообщают ни об одном из ханов Шаш-Илака. О них мы знаем только по монетам, поэтому сведения, конечно, очень не полны. Первым из известных правителей Шаш-Илака был Шах Клыч-хан. Он выпускал (посеребрённые) дирхемы в Бенакете в 573/1177—78, 574/1178—79 и 578/1182—83 гг.¹⁵³ Его монетная титулатура, особенно 578 г. х., очень пышная; ал-Хакан ал-'Алим ал-'Адил ал-'Азам Му'изз ад-Дунйа ва-д-Дин Абу-л-Музаффар Шах Клыч-хан.

В 592/1195—96 и 593/1196—97 гг. в Бенакете чеканил однотипные медные посеребрённые дирхемы другой государь: Джалал ад-Дунйа ва-д-Дин Тафгач-хакан¹⁵⁴.

Его преемником стал правитель, который на бенакетских монетах 594/1197—98, 597/1200—01 и 598/1201—02 гг. титуловался как Улуг Чагры-хакан. На дирхемах, чеканившихся в Бенакете ежегодно с 599/1202—03 по 602/1205—06 гг., титул его несколько иной: Улуг Акдаш Чагры-хан¹⁵⁵. В обоих случаях лакаб один — 'Имад ад-Дунйа ва-д-Дин. Показательно, что во второй половине XII — начале XIII в. из всех городов Шаша и Илака монетный двор находился только в Бенакете — столице позднекараханидского удела. Вероятно, возвышение Бенакета связано с определенным упадком и Бинкета, столицы Шаша, и Тункета, столицы Илака; факт упадка подтверждается и археологически¹⁵⁶.

Более поздние бенакетские монеты династии Караханидов (как и любой другой династии) пока не известны, письменные источники тоже ничего не сообщают о Шаше и Илаке в период перед монгольским завоеванием. Тем не менее едва ли можно

¹⁵³ Марков А. К. Инвентарный каталог..., с. 285—286, №№ 577, 580.

¹⁵⁴ Древности Туябугуза. Ташкент, 1978, с. 144—146. Все монеты описанного здеськлада не сохранили следов серебрения, однако позднее нам удалось ознакомиться с монетой того же типа, где эти следы отчетливо видны (МИНУз, инв. № 152/248).

¹⁵⁵ Давидович Е. А. Неопубликованные монетные находки на территории Узбекистана.— ТИИА АН УзССР, вып. 7. Ташкент, 1953, с. 157, 158; Древности Туябугуза, с. 155.

¹⁵⁶ Буряков Ю. Ф. Историческая топография..., с. 68, 112.

сомневаться, что Шаш и Илак были включены в состав державы хорезмшаха Мухаммада, а местная ветвь Караханидского дома упразднена не позднее 609/1212—13 г. В этом году хорезмшах казнил последнего караханидского султана Самарканда 'Усмана, а затем истребил прочих представителей династии¹⁵⁷. Более вероятно, что подчинение Шаш-Илака Мухаммаду произошло еще раньше, примерно в период Иламишской битвы (606/1209—10 или 607/1210—11 г.), в которой Мухаммад пленил киданьского полководца¹⁵⁸. После сражения «хорезмшах отправился в страну Мавераннахр и занял в ней каждый город и каждый край вплоть до Узгенда и поставил в них своих наместников»¹⁵⁹.

* * *

Как показывает рассмотренный нумизматический материал, Илак был одной из первых саманидских областей, подчинившихся Караханидам — не позднее 382/93 гг. он вошел в состав владений Богра-хана Харуна. Едва ли вероятно, что соседний Шаш не разделил судьбу Илака.

При Саманидах дихканы Илака, бывшие некогда удельными князьями, утратили политическую власть, но вновь добились ее с правом монетной регалии с момента вхождения Илака в состав Караханидского государства. По монетам известны три представителя династии дихканов Илака: Мансур б. Ахмад (фельсы 382/992—93, 387/997, 388/998, 389/998—99 гг.), Мухаммад б. Мансур (фельсы 391/1000—01, 393/1002—03, 395/1004—05 гг.) и Салар б. Мухаммад (фельс 399/1008—09 г.). Все трое носили титул Дихкан ал-Джалил («дихкан славный»). Проставлением этого титула (без имени) иногда ограничивалось упоминание на монетах илакских владетелей, иной раз они вообще не упоминались.

После 399 г. х. в надписях монет Илака никто из дихканов не фигурировал, следовательно, около этой даты (не раньше) они утратили власть над областью.

Степень зависимости дихканов Илака от Караханидов была, вероятно, значительна. На всех фельсах 382—399 гг. х. упомянут верховный государь (Богра-хан или Ахмад б. 'Али), а на многих и правитель (наместник) Илака из числа млад-

¹⁵⁷ Бартольд В. В. Туркестан..., с. 431.

¹⁵⁸ Там же, с. 420, сл.

¹⁵⁹ Ибн ал-Асир. Китаб ал-каmil фи-т-тарих..., с. 74.

ших членов правящей династии. Один из фельсов (387 г. х.) демонстрирует пример четырехступенчатой иерархии. Поскольку дихканы занимали нижнюю ступень иерархической лестницы, следует думать, что на их долю приходилось не так уж много прав, привилегий и доходов с Илака.

Кроме дихканов и верховных государей, на фельсах Илака упомянуты: в 387, 388 и 391 гг. х. Аба Салих, в 389 — Са'ид, вероятно, тождественный Аба Салиху, в 393 и 394 — Аби Са'ид Бакр б. ал-Хасан (ал-Хусайн?), в 387 — Мухаммад б. 'Али, в 398 г. х. — Наср б. 'Али. Все они — правители Илака из Караханидов.

После лишения дихканов власти над Илаком владельцем этой области вновь стал Мухаммад б. 'Али (монеты 400/1009—10, 406/1015—16 и, возможно, 403/1012—13 гг.). Верховным сюзереном Мухаммада был его старший брат Ахмад б. 'Али, непосредственным — другой брат, Наср б. 'Али (403 г. х.). Некоторое время Мухаммад являлся и правителем столицы Илака, Тункета (401/1010—11 г.), признавая себя вассалом Насра б. 'Али. По крайней мере с 404/1013—14 г. Тункет перешел под власть представителя другой ветви Караханидов — Адуд ад-Даула Чагры-тегина (ал-Хусайна б. ал-Хасана), вассала Ахмада б. 'Али.

Тот же верховный сюзерен упомянут на всех серебряных и многих медных монетах Шаша 388—405 гг. х. При этом в 388/998 г. на Шаш, возможно, распространилось влияние Насра б. 'Али. В 392/1001—02 г. владельцем этой области стал Абу-л-Фаварис, который, вероятно, тождествен правителю Шаша 394/1003—04, 395/1004—05, 403/1012—13 и 405/1014—15 гг. Иусуфу б. 'Абдаллаху. Короткое время (упомянут только в 395 г. х.) здесь правил и некий 'Али.

В 399/1008—09, 400/1009—10 и 401/1010—11 гг. Шашем управлял один из Хасанидов — Низам ад-Даула Абу-л-Музаффар Тонга-тегин Мухаммад б. ал-Хасан, позже Тоган-хан II.

В борьбе с новым претендентом на престол Арслан-ханом Мансуром б. 'Али Ахмад б. 'Али (Тоган-хан I) лишился в 405—407 гг. х. многих областей своего государства, в том числе Шаша с Илаком. Шаш был потерян в 406/1015—16 г., вероятно, одновременно и Илак. С этого времени и до 415/1024—25 г. в монетных надписях в качестве сюзерена фигурирует Арслан-хан.

При этом государе Мухаммад б. 'Али получил многие города и области, в числе которых был и Шаш. Правда, на шаш-

ских монетах он упомянут только в 407/1016—17 и 412/1021—22 гг. (возможно, и в 406/1016—17 г.), однако, видимо, Мухаммад идентичен правителю Тонга Ука шашских монет 410/1019—20. Не исключено, что на протяжении всего правления Арслан-хана Мухаммад владел Шашем, временами передавая его своим вассалам, например, Хадждаджу (411/1020—21 г.), не упоминавшему в монетных надписях своего непосредственного сюзерена.

Илак, принадлежавший при Ахмаде б. 'Али Мухаммаду, теперь перешел к его племяннику — Бури-тегину Ибрахиму б. Насру б. 'Али (408—411 г. х.). Какой-то долей прав на Илак располагал и ал-Хусайн б. ал-Хасан Чагры-тегин, ставший владельцем Тункета еще при Ахмаде б. 'Али и оставшийся им в течение всего царствования Арслан-хана (407—415 гг. х.).

Кроме Шаша, Илака и Тункета, для периода правления Арслан-хана известны также монетные дворы Бинкет и Бенакет, возможно, и Наукат, но их деятельность эпизодична.

После смерти Арслан-хана (415/1024—25 г.) его престолом и государством на короткий срок (415—417 гг. х.) завладел представитель другой семьи, Хасанидов, Тоган-хан II Мухаммад б. ал-Хасан. При этом правителе Шашем владел его брат 'Али б. ал-Хасан ('Али-тегин), Тункетом — другой брат, ал-Хусайн б. ал-Хасан. Илак же, принадлежавший прежде Ибрахиму б. Насру, перешел к его брату Мухаммаду б. Насру.

В 417/1026—27 г. правитель Восточного Туркестана Кадыр-хан Йусуф захватил большую часть северных владений Тоган-хана II, в том числе и Шаш-Илак. Если в 418/1027—28 г. правителем Тункета оставался Хусайн б. Хасан Чагры-тегин в качестве вассала Кадыр-хана, то затем (не позднее 421/1030 г.) Тункет перешел к сыну последнего Мухаммаду б. Йусуфу. Вероятно, одновременно (но не позже 422/1030—31 г.) ему же достался и Шаш.

После смерти Кадыр-хана (423/1031—32 или 424/1032 г.) Мухаммад б. Йусуф стал вторым лицом в государстве (после своего брата Арслан-хана) и принял титул Богра-хан. Шаш и Илак оставались в его власти, но на короткое время (425/1033—34 г.) Шаш передали в удел Джабраилу (третьему брату). Во многих случаях на монетах Шаша, Илака и Тункета в качестве сюзерена Мухаммада упомянут Арслан-хан. К концу правления Богра-хана (448/1056—57 г.) относится медный дирхем, чеканенный, возможно, в Фаранкете — одном из шашских городов.

В 60-х годах XI в. бывший владетель Илака Табгач-хан Ибрахим б. Наср захватил Шаш и Илак и таким образом включил их в состав Западнокараханидского государства. Удельным правителем Шаша и Илака был сын Ибрахима Шу'айс.

Преемник и сын Ибрахима Шамс ал-Мулк Наср не смог удержать завоеванное отцом, и в следующем десятилетии Шаш с Илаком вновь оказались во власти Восточных Караханидов. Верховный государь Тогрул Кара-хакан Махмуд передал эти области в удел своему сыну Тогрул-тегину 'Умару. Тункетским наместником 'Умара был Тузун-тегин Мухаммад.

О последующей судьбе Ташкентского оазиса известно только, что во второй четверти XII в. его территория вошла в состав державы «неверных» карахытаев, сохранивших в Средней Азии и Восточном Туркестане власть династии Караханидов, упразднив лишь ее баласагунскую ветвь.

В третьей четверти XII в. Шаш и Илак подчинялись Караханидам Мавераннахра, во всяком случае одному из самых могущественных самаркандских ханов того времени — Тафгач-хану Мас'уду б. Хасану (ок. 1160—1170 гг.). Позднее (не позже 573/1177—78 г.) сложился особый Шаш-Илакский удел со столицей в Бенакете, независимый от Самарканда и Узгенда и управлявшийся своими ханами из дома Караханидов. Из их числа по монетам известны три правителя: Му'изз ад-Дунйа ва-д-Дин Шах Клыч-хан (около 573/1177—78—578/1182—83 гг.), Джалал ад-Дунйа ва-д-Дин Тафгач-хан (до 593/1196—97 г.) и 'Имад ад-Дунйа ва-д-Дин Улуг (Акдаш) Чагры-хан (с 594/1197—98 по крайней мере до 602/1205—06 г.). Около 607/1210—11 или 609/1212—13 г. Шаш-Илакский удел вошел в состав государства хорезмшаха Мухаммада б. Текеша.

Во второй половине XII — начале XIII в. важнейшим из среднеазиатских караханидских уделов был Мавераннахрский со столицей в Самарканде, его правитель номинально считался главой всех Караханидов Средней Азии и носил самый высокий титул. Приоритет самаркандского хана виден уже в том, что титулы бенакетских владетелей скромнее. В то же время после Тафгач-хана Мас'уда ни один из правителей Шаш-Илака не упоминает на монетах государей Мавераннахра; иными словами, примерно на три десятилетия Шаш-Илакский удел стал самостоятельным, правда небольшим, государством.

В раннекараханидское время ничего подобного не отмечено, зафиксирована лишь чередка удельных правителей, постоянно

и очень часто сменявших друг друга в Шаше и Илаке. Сколь слабой ни была бы их зависимость от центральной власти (а установить по монетам степень этой зависимости невозможно), они почти всегда демонстрируют свой вассалитет в монетном чекане, отдельные же исключения лишь подтверждают правило. Все эти удельные владетели никогда не претендовали на титулы более высокие, чем тегин или илек, в то время как позднекараханидские правители Шаш-Илака — все ханы.

Примерно такую же картину мы наблюдаем в ряде других караханидских владений. Все это позволяет считать, что на последнем этапе существования государства Караханидов в нем усилились центробежные тенденции. В период вхождения Шаша и Илака в состав этого государства здесь функционировало несколько монетных дворов. Больше всего их было в первой трети XI в.: Шаш, Илак, Бинкет, Тункет, Бенакет, Дахкет и, возможно, Наукат. Есть еще ряд фельсов, выбитых в пунктах, названия которых расшифровываются с трудом (почему эти монеты и не рассмотрены выше; читаются как будто Джабгукет, Харашкет и еще одно, очень плохо сохранившееся наименование, тоже не из числа известных караханидских монетных дворов). Как бы ни читались эти названия, упомянутые фельсы найдены в Ташкентской области и, следовательно, выпущены скорее всего в Шаше и Илаке. Общее число монетных дворов в этих областях достигало таким образом десятка (вероятно, даже больше), однако регулярный чекан дирхемов и фельсов производился только на монетных дворах Шаша, Илака и Тункета (илакский монетный двор, вероятно, не тождествен тункетскому, хотя и располагался, надо полагать, тоже в Тункете). В остальных городах и городках выпуск монет осуществлялся эпизодически. В одних случаях это был в первую очередь политический акт, в других — экономическое мероприятие, призванное обеспечить нужды местной, в основном мелкой, повседневной торговли.

В период наибольшего числа монетных дворов, в конце X — первой трети XI в., чекан был очень интенсивным. Правда, он был сосредоточен преимущественно на трех основных монетных дворах (Шаш, Илак и Тункет), где осуществлялся, видимо, ежегодно. С 30-х годов XI в. выпуск монет заметно сократился, а в последней четверти XI — первой половине XII в. прекратился (впрочем, это характерно не только для Шаш-Илака). Интересно, что в разгар «серебряного кризиса», в середине XI в. (440-е г. х.) при Богра-хане в Шаше выпуска-

ли дирхемы с определенным количеством серебра, в то время как в Фергане, Семиречье, Прииссыккулье и (отчасти) в Восточном Туркестане выбивались дирхемы «неправильной чеканки» без серебра. Впрочем, серебро есть и в дирхемах Тараза. Возможно, оба этих случая (Шаш и Тараз) обусловлены близостью серебряных рудников (Илак и Шелджи).

В третьей четверти XII в. возобновился довольно регулярный монетный чекан, сосредоточенный в Бенакете.

Предложенный очерк истории Шаша и Илака при Караханидах зияет многими лакунами и изобилует предположениями разной степени вероятности. Это и понятно: для некоторых периодов и этапов монет немного или их нет, сам же исследуемый материал, как это давно признано, чрезвычайно труден для изучения и далеко не всегда поддается однозначной интерпретации. Дальнейшее поступление караханидских монет, чеканенных на монетных дворах Шаша и Илака, потребует, безусловно, не только дополнений, но и поправок ко многим разделам настоящего очерка. Все же можно надеяться, что в целом нарисованная здесь картина близка к истинной, а при написании в будущем исследования по истории Средней Азии при Караханидах (исследования, основанного на фактах, а не на домыслах) окажется небесполезным и данный очерк.

Заключение

Систематическое изучение памятников земледельческих и скотоводческих культур, проводимое на значительных площадях раскопок средневековых городов Чача и Илака, в сочетании с анализом письменных источников позволяет исследователям воссоздать историю одного из узловых пунктов Восточного Мавераннахра.

В результате анализа путей формирования земледельческих и городских культур отдельных районов В. М. Массон выделил два этапа в урбанизации Средней Азии: древневосточный (конец III — середина I тысячелетия до н. э.) и античный (III в. до н. э.—IV в. н. э.)¹. На первом этапе Ташкентский оазис включается в ареал распространения скотоводческих племен степной бронзы, что подтверждают приводимые в настоящей работе многочисленные материалы из пунктов вдоль Ташкентского канала, сосуды андроновского типа и бронзовые орудия труда. В то же время археологические исследования последних лет показывают, что с начала I тысячелетия до н. э. культурно-хозяйственный облик племен, населяющих бассейн Чирчика и Ахангарана, существенно изменяется.

В районах с благоприятными для развития земледелия физико-географическими и экономическими условиями начался переход к оседлости с организацией земледельческого хозяйства, в первую очередь в болотистых поймах равнинных русел рек и саев. В результате здесь возникли локальные земледель-

¹ Массон В. М. Проблемы древнего города и археологические памятники Северной Бактрии (перспективы исследования).— Сб. «Древняя Бактрия». Л., 1974, с. 6—7.

ческие районы, ограниченные в адырной зоне хозяйствами скотоводов. В Ташкентском оазисе этот процесс представлен памятниками бургулюкской культуры, выделенной А. И. Тереножкиным. Однако полученный в последние годы материал с раскопок памятников Туябугузского водохранилища позволил по-новому рассмотреть датировку ранних этапов бургулюкской культуры². Многочисленный (более 10 тыс. экз.) керамический комплекс ее дает ограниченное количество форм универсального назначения, для которых характерна круглодонность, сближающая их с сосудами кочевых племен. Ведущая форма керамических изделий — сосуд со сферическим туловом и легким сужением к прямопоставленной или срезанной горловине. С одной стороны к ней подлеплен округлый или овальный носик, с другой — горизонтальная ручка-налеп. В зависимости от размеров сосуд выполнял роль хума-хранилища, кухонного котла или столового горшка. Вторая широко распространенная форма — полусферические миски с обрезанной сверху или слегка отогнутой закраиной. Размеры их сильно варьируют.

Аналогии первым встречаются на поселениях переходного периода от бронзы к раннему железу на юге Узбекистана. Вторая форма широко распространена на поселениях чустской культуры, отличаясь, однако, от наших более уплощенным донцем. По подсчетам Х. И. Дуке, 99% керамики не орнаментировано, незначительное количество украшено росписью — залитыми, заштрихованными, прорисованными треугольниками, ломаными линиями и широкими полосами коричневой краски. Наряду с ними отмечены расписные же, но характерные для чустской культуры, а не для бургулюка фрагменты, позволяющие говорить об импорте не только приемов, но и самих изделий. Интересна находка на поселениях и фрагментов керамики андроновско-тазабагъябского круга. Прimitивная и архаичная керамика Туябугузских поселений сочетается с удивительно разнообразным набором бронзовых предметов. Это — наконечники стрел, серпы, бронзовые ножи, бритвы, ложечка, шилья. Наконечники стрел — черешковые, листовидные и втульчатые листовидной формы, известные для ряда памятников Средней Азии времени поздней бронзы и раннего железа³. Серпы короткие, слегка изогнутые, с заостренным рабочим

² Древности Туябугуза. Ташкент, 1978, с. 47—92.

³ Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. — МИА, 118, с. 31; Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ронов В. А. Древности Кайракумов. Душанбе, 1962, с. 222.

краем и утолщенным, иногда округлым противоположным. На конце серпа отверстие для крепления деревянной рукоятки. По форме они близки бронзовым серпам Семиречья⁴, Северной Ферганы⁵, аналогии встречаются и в Казахстане⁶ вплоть до Минусинской котловины⁷. Ножи однолезвийные с прямым лезвием и массивной рукоятью, характерны для чустской культуры⁸. Бритвы коленчатой формы, напоминающие карасукские ножи⁹. Шилья граненые и уплощенные. Ложечка с длинной круглой ручкой и овальным резервуаром.

Значительное количество бронзовых изделий, клады предметов и слитки металла отмечены и для районов скотоводческо-земледельческой культуры оазиса эпохи поздней бронзы и раннего железа (названные выше предметы из пунктов вдоль Гашкентского канала, Чимбайлыкский клад, Бурчмуллинский клад), что свидетельствует о довольно развитой металлургии Чача, основанной на местных сырьевых ресурсах.

Основные аналогии металлическим изделиям из Туябугуза мы находим на поселениях Чустской культуры Северной Ферганы, в Кайраккумах и в памятниках поздней бронзы и раннего железа культур андроновско-тазабагьябского круга. Датировка их с учетом данных А. И. Тереножкина о металлических комплексах чустской культуры¹⁰ определяется Х. И. Дуке в пределах IX—VII вв. до н. э. Однако эта датировка может определять рамки жизни Туябугузских поселений, но не бургулюкской культуры в целом. К сожалению, на Туябугузском поселении не удастся проследить всех этапов развития бургулюкской культуры из-за относительно короткого периода его функционирования. В то же время находка бургулюкских слов под целым рядом памятников каунчинского типа показывает хронологическую преемственность этих культур. В некоторой степени это удалось проследить и по материалам нижних сло-

⁴ Бернштам А. Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции.— МИА, 14, 1950. Табл. XXV—XXXVI.

⁵ Заднепровский Ю. А. Указ. соч., табл. XXI.

⁶ Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы.— МИА, 88, 1960, табл. XXXVI.

⁷ Гришин Ю. С. Производство в Тагарскую эпоху.— МИА, 90, 1960, с. 122.

⁸ Заднепровский Ю. А. Указ. соч., рис. II.

⁹ Новгородова Э. А. Центральная Азия и Карасукская проблема. М., 1970, с. 67—82.

¹⁰ Тереножкин А. И. Дата Мингечаурских удил.— СА, № 4, 1971, с. 77.

ев поселений долины Чирчика, в первую очередь самого Каунчи¹¹. Невыразительные черепки бургулюкского облика найдены и на Канке вместе с четко датирующимися предметами конца IV—II вв. до н. э.

Интересна найденная А. И. Тереножкиным землянка бургулюкского типа, внутри которой обнаружены стопки сырцового кирпича, вероятно, квадратного стандарта.

По керамике поздний этап бургулюкской культуры мало отличается от раннего. Можно отметить лишь еще большее уменьшение расписной керамики и ухудшение техники росписи, появление плоскодонной посуды, стандартизацию форм. С одной стороны, керамика сближается с усуньской посудой из курганов Южного и Восточного Казахстана III—II вв. до н. э.¹² Однако не менее тесные связи отмечаются с продолжающими чустские традиции памятниками Северной Ферганы эйлатанского¹³ (даваньского по А. Н. Бернштаму)¹⁴ и отчасти шурабашатского этапов¹⁵. Нельзя не отметить большого сходства по технике, формам и орнаментации сосудов актамкунгайского и суфанского могильников V—III вв. до н. э., особенно сформованных на матерчатом шаблоне полусферических мисок, покрытых жидкой облицовкой или окрашенных буровато-красной краской по светлому фону.

Н. Г. Горбунова, проанализировавшая комплексы ферганского материала, считает наиболее правильным отнести верхнюю границу к III в. до н. э.¹⁶ Все эти материалы позволяют датировать поздний этап бургулюкской культуры (Бургулюк II) VI—III вв. до н. э.

Характер пространственно-планировочной структуры бургулюкских поселений полностью представить пока невозможно.

¹¹ Буряков Ю. Ф., Дадабаев Г. Памятники античного времени в Ташкентском оазисе. ИМКУ, вып. 10, 1970, с. 48—49.

¹² Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, с. 268.

¹³ Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы.— МИА, 118, 1962, табл. XXXVI, рис. 2—18.

¹⁴ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая.— МИА, 26, 1952, с. 217—222.

¹⁵ Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г. Актамский могильник. КСИИМК, вып. 69, 1957, с. 84—86; Горбунова Н. Г. Культура Ферганы в эпоху раннего железа. Автореф. канд. дисс. Л., 1961, с. 7, 11.

¹⁶ Горбунова Н. Г. Культура Ферганы в эпоху раннего железа.— Археологический сборник Гос. Эрмитажа, вып. 5. Памятники эпохи бронзы и раннего железа Восточной Европы, Южной и Средней Азии. Л., 1962, с. 106.

Ранние поселения Туябугузской группы сильно размыты, а поселение на левом берегу вскрыто лишь частично. Трудно установить, имело ли оно оборонительный вал, однако искусственным рвом уже было обведено. Судя по планировке, жилища правобережных объектов Туябугуза располагались на выдающихся в сторону реки лессовых мысах и стояли в основном вдоль берега, входом к реке (причем застройка неплотная). Иногда их строили в несколько рядов с учетом естественного подъема террас побережья. На овальном поселении жилища идут по его краю, причем к берегу Ахангарана опускаются не менее чем двумя ярусами. К сожалению, не исследована центральная часть поселения. Жилища полуземляночного типа, с каркасными и глинобитными стенками, а в отдельных случаях с применением сырцового кирпича. Размеры их незначительны, в среднем 10—15 м², рассчитаны на небольшую семью. К сожалению, мы не можем судить, являлась ли каждая землянка отдельным хозяйством или последнее объединяло несколько землянок. Для жилищ характерны элементы намечающихся планировочных традиций — постоянные пристенные очаги, хозяйственные и производственные ямы. На левобережном поселении раскопана землянка крупных размеров, разделенная паховыми перегородками на отсеки. Вскрыты две землянки с выходом из одной в другую, в чем можно усмотреть зарождение многокомнатного жилья.

Интересно отметить в землянках выделение производственных участков с небольшими сильно обожженными и даже ошлакованными ямками — литейными очажками, возле которых встречаются шлаки и, вероятно, обломки одноразовых форм. Однако в расположении хозяйственных и планировочных узлов трудно уловить устойчивость. Наряду с пристенными очагами хаотично размещаются открытые. Лунницы на различных расстояниях от входа, а в одном случае — вне землянки, т. е. компоновка узлов в жилище еще произвольна.

Круг аналогий бургулюкским жилищам довольно широк, что объясняется общими для ряда районов условиями оседания скотоводческих племен. Определенную типологическую близость мы находим в памятниках Северной Ферганы, особенно в Чустском поселении, основным типом жилья которого являлись землянки, заполненные бытовым инвентарем и хозяйственными ямами в полу¹⁷. Однако не менее интересные ана-

¹⁷ Спришевский В. И. Чустское поселение эпохи бронзы. КСИИМК, вып. 69, 1957, с. 41—44.

логии отмечены в районах севернее Ташкентского оазиса. Полуподземные однокомнатные жилища с хозяйственными ямами внутри раскрыты и в Хорезме с амирабадского времени (Яккепарсан II)¹⁸. Как и на овальном поселении Туябугуза, у жилищ Яккепарсан II полы находились на разных уровнях при синхронности функционирования, так что от одних сохранились стены, а от других лишь скопление керамики и остатки очагов. Комплекс бронзовых находок их сближается с ранним вариантом Бургулюка. Это и серп, и бритва, и листовидные наконечники стрел, и шилья. Керамика также покрыта охрой, правда, сосуды плоскодонны, орнамент рельефный. Форма жилищ несколько иная — подпрямоугольная и размеры их (площадь от 75 до 110 м²) более значительны.

Гораздо ближе к Бургулюку можно поставить обнаруживающие некоторую преемственность жилища архаического поселения VI—V вв. до н. э. близ Турпаккалы¹⁹. Это округлые полуземлянки размером 8×10 м, однокамерные или двухкамерные, иногда сохранявшиеся лишь пятнами скоплений керамики. По определению Е. Е. Неразика, они представляют однокомнатный примитивный тип застройки, первый этап строительной деятельности осевших на землю кочевых племен, в жилищах которых производственные, хозяйственные и парадные функции либо совмещены внутри одного помещения, либо представлены узлами. Эти состоящие из полуземлянок или каких-то непрочных, вероятно, каркасных, наземных построек жилища характеризуют этап развития, генетически тесно связанный с эпохой поздней бронзы²⁰. Полученные материалы позволяют определить бургулюкскую культуру как складывающийся земледельческий тип хозяйства оседающих на землю скотоводов. Синкретический облик культуры налицо. В целом хозяйство поселений многоотраслевое, с явным преобладанием земледелия. Об этом красноречиво свидетельствует комплекс орудий труда — обилие серпов и зернотерок, ям для хранения зерновых и сама топография поселения.

Недалеко от левобережного поселения в долине реки выделяется планировка небольших равнинных полей с едва заметными валиками границ. При небольших ирригационных рабо-

¹⁸ Итина М. А. Поселение Яккепарсан II (раскопки 1958—1959 гг.) — МХАЭ, 6, 1963, с. 107—129.

¹⁹ Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв. н. э.). М., 1976, с. 20.

²⁰ Там же, с. 207.

тах их можно было легко оросить. К сожалению, площадь их сильно размыта водами водохранилища, однако не исключено, что они являлись полями бургулюкских насельников долины, так как более поздних памятников поблизости не обнаружено. Орошать их могли с помощью канала, окружающего само поселение. В этом плане топография поселения характерна для бургулюкской культуры в целом и близка к эйлатанскому этапу Ферганы. Поселения расположены в пониженной болотистой части рек, низовьях их саевых притоков, удобных для каирного и лиманного орошения, с регулированием проточных вод и проведением небольших ирригационных сооружений. Расположение поселений оседающих скотоводов у реки, у ее заболоченных участков типично для Ферганы VI—IV вв. до н. э.²¹

Вторая отрасль — отгонное скотоводство. У оседающих табагъябско-андроновских племен был большой опыт ведения скотоводческого хозяйства, поэтому расположение селищ на границе с адырами, удобными для данной отрасли, не случайно.

Незначительный остеологический материал не позволяет определить соотношение видов, но точно установлено использование в хозяйстве крупного и мелкого рогатого скота. Естественно развитие ткачества, свидетельством чему являются пряслица и подвески, отпечатки ткани на крупных и мелких сосудах.

Гончарство было распространено без применения гончарного круга. Х. И. Дуке отмечает в технике два приема — изготовление посуды на матерчатом шаблоне и лепку ленточным способом.

Важной отраслью была металлургия. Для Ташкентского оазиса характерно обилие бронзовых предметов и сочетание довольно архаических форм керамики с развитой металлургией. При сравнительно небольшом объеме работ на Туябугузских поселениях количество и ассортимент орудий поразительны. Многие орудия, вероятно, изготавливались на месте, свидетельством чему являются печи-лунницы и обломки глиняных форм.

Мы отмечали, что металлургия Чаткало-Кураминского района, фиксируемая археологически со II тысячелетия до

²¹ Горбунова Н. Г. Культура Ферганы в эпоху раннего железа, с. 106.

н. э., развивалась на местной рудной базе²², причем, по предположению А. С. Уклонского, примесью меди для получения бронзы мог служить аурихальцит²³.

Вероятно, с I тысячелетия до н. э. уже достаточно интенсивно начинают функционировать медные рудники Кармазара, снабжающие сырьем район Кайраккумов и долину Ахангарана. В этом плане весьма интересны находки на южных склонах Кураминского хребта в Кайраккумах, где выявлены специальные рудоплавильные поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа, работавшие на Кармазарской руде²⁴. Отсюда слитки металла могли поступать в соседние районы и, в частности, в долину Ахангарана.

Следует отметить, что и тип жилья и комплекс материальной культуры эволюционировали медленно. Это, вероятно, объясняется экономическими особенностями, способствовавшими оседанию скотоводов и занятию их земледельческим хозяйством без создания крупных ирригационных сооружений на относительно небольших площадях равнинной части Чирчика и Ахангарана и их притоков, в удобных для заболачивания и орошения местах с помощью небольших каналов. Это определило локальный характер топографии поселений (Шаштепе, Каунчитепе и др.) или их скоплений (Туябугуз). В процессе развития они сосуществовали со скотоводческими племенами, занимавшими адырные и степные районы, следы которых сохранились в виде погребальных курганов²⁵.

Материальная культура их как бы является продолжением развития культуры скотоводческих племен андроновского круга. Они входят в круг сакских племен и, вероятно, принадлежат к заречным сакам, с которыми сталкивался Александр Македонский, форсировав Сырдарью у Александрии Крайней.

На последнем этапе бургулюкские земледельцы и скотоводы оазиса испытали влияние новой культуры, затем слились с ее носителями, внося свой компонент в каунчинскую культуру. Его можно проследить в керамике: сохранение в керами-

²² Буряков Ю. Ф. Горное дело и металлургия средневекового Илака. М., 1974, с. 98.

²³ Массон М. Е. К истории горной промышленности Кармазара. Труды Таджикской базы АН УзССР. Т. 4. Л., 1935, с. 216.

²⁴ Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А. Древности Кайраккумов. Душанбе, 1961, с. 196—231.

²⁵ Буряков Ю. Ф., Дуке Х. И. [и др.]. Древности Чарвака. Ташкент, 1976, с. 33—42.

ческих сосудах носиков-сливов, которые стали характерными для ряда каунчинских форм, распространение росписи на керамике, в основном в виде грубых растекающихся полос («внаплеск»), однако в некоторых районах Ташкентского оазиса, особенно в Илаке, она появилась в пору позднего Каунчи I вновь в традиционной манере росписи сосудов заштрихованными треугольниками и ромбовидными фигурами.

Таким образом, развитие бургулюкской культуры интересно не только в связи с более ранним в регионе становлением земледельческого хозяйства. В недрах ее развиваются такие важные ремесла, как металлургия, зарождается жизнь древних городов оазиса. Все это подчеркивает перспективность проведения дальнейших работ по изучению памятников, особенно в долине Ахангарана, где эти комплексы более стерильны.

Не менее важны разнообразные материалы сменяющей ее каунчинской культуры, почти повсеместно перекрывающей бургулюкские слои и в ряде пунктов являющейся основой крупных и мелких оседлых пунктов, знаменующей широкое становление в оазисе земледельческой и городской культуры с мощной фортификацией, развитыми архитектурно-строительными приемами и сложившимися типами жилой застройки. Однако именно к этому периоду относится наибольшее количество курганных погребений в виде мощных скоплений (от нескольких десятков до нескольких сотен) курганов с лессовой насыпью, включающих одиночные и групповые захоронения с инвентарем, занимающих обширные полосы адыров, спускающихся в долины рек, вырастающих на окраине античных городов, т. е. ставших характерной чертой погребальных обрядов скотоводческого, сельского и городского населения оазиса. Интересна фиксация новых памятников этого типа в маловодных районах межгорья Чирчикахангаранского междуречья в зоне Ташкентского канала, на высоких склонах левобережья Чирчика и его пересыхающих летом притоков.

В результате исследования погребальных сооружений в различных районах оазиса установлено более интенсивное нарастание монголоидных черт населения долины Средней Сырдарьи по сравнению с южными и западными районами Средней Азии в первые века нашей эры.

Ценный материал для истории феодального Чача представляют проведенные на широких площадях раскопки синхронных наслоений эпохи развитого феодализма различных городских территорий одного из крупнейших памятников оазиса — Ха-

рашкета. Раннекараханидский период характеризуется интенсивным освоением всех ранее пустовавших городских территорий и некоторой перепланировкой функционирующих. Этот процесс свойствен для оазиса в целом. Мы видим новое обживание руин замков Актепе Юнусабадского²⁶, Актепе Чиланзарского²⁷, городища Мингурюк²⁸ в Ташкенте, поселение Чангтепе в нижнем течении Чирчика²⁹ и Турткультепе в его верховьях³⁰, разрастании городских центров на торговых путях (Нукет³¹, Бинкет³²) и на периферии³³.

Выделяются городские хозяйства различной социальной структуры и размеров. Раскрытое в цитадели крупное хозяйство площадью свыше 1500 м² включает более 20 помещений с двумя внутренними дворами и довольно четким разделением на парадно-жилые, производственные, кухонно-хозяйственные узлы с коммунально-санитарным устройством. Интересно отметить внутри него специальный ремесленный комплекс, связанный с ювелирным производством, обработкой металлов и отливкой ажурных украшений.

В шахристане I раскрыты хозяйства, которые можно отнести к разряду средних. Площадь их составляет 150—200 м². Как и в цитадели, здесь освоены руины раннефеодального сооружения. Каждое хозяйство включает от 5 до 10 помещений и обязательно небольшой внутренний дворик. В комнатах жилого назначения отмечены парадные элементы — раскраска стен, резьба по алебастровой основе. Кухонный комплекс вынесен во дворик или отдельное помещение. Ремесленные помещения иногда выполняли одновременно функции хозяйственных и комнат-хранилищ.

Как и в крупных хозяйствах, полы в парадных помещениях и дворики вымощены жженым кирпичом. Одно из хозяйств

²⁶ Тереножкин А. И. Холм Актепе близ Ташкента (раскопки 1940 г. ТИИААН УзССР, т. I. Ташкент, 1948, с. 103—112).

²⁷ Древний Ташкент. Ташкент, 1973, с. 138.

²⁸ Буряков Ю. Ф., Зильпер Д. Г. Археологические наблюдения в 1957 г. на городище Мингурюк в Ташкенте. Труды ТашГУ им. В. И. Ленина. Археология Средней Азии, вып. V, 1960, с. 144.

²⁹ Буряков Ю. Ф. Укрепленное поселение Чангтепе. ИМКУ, вып. 14, 1978, с. 103—112.

³⁰ Древности Чарвака. Ташкент, 1976.

³¹ Буряков Ю. Ф. Историческая топография древних городов..., с. 108—109.

³² Древности Ташкента. Ташкент, 1976, с. 78.

³³ Буряков Ю. Ф. Историческая топография..., с. 197.

принадлежало ремесленникам-ювелирам, доказательством чему являются тигель, обломки шлаков, производственная печь и составная форма. Во втором хозяйстве следов производства (кроме ткачества) установить не удалось. Третий тип хозяйств раскрыт в юго-восточном секторе шахристана III. Здесь на площади 900 м² раскрыто шесть отдельных домостроений, расположенных вдоль крупной городской торговой магистрали, подходившей из Бенакета. Рост в это время Бенакета и Харашкета говорит об оживленном функционировании этого пути, по которому шли караваны из Ферганы, Уструшаны и отчасти Согда.

Тип хозяйств — уже установившийся. Почти во всех домах дворики, хотя иногда очень маленькие, 35—40 м². Предпринимались попытки выделить михманхану, под которую иногда приспособляли часть жилой комнаты, специально организовать кухонный узел, комнаты или хотя бы небольшие чуланы с тазарами для мытья.

В более зажиточных хозяйствах этой части города парадные комнаты, дорожки, тазары выкладывали жженым кирпичом, который иногда выбирали из разновременных строений. Однако здесь бросается в глаза значительная теснота, местами бедность. Очень показательно в плане скупности застройки хозяйство № 4 шахристана III. Узенький проулок шириной 1,8 м подходил наискосок, оформляя неправильной формы участка. Вход шириной 1,1 м вводил в крошечный дворик, вымощенный жженым кирпичом. В центре его — водопоглощающий колодец, вдоль западной стены — два хранилища: одно поменьше с обломками кухонных сосудов, второе покрупнее. Слева, рядом с входом, выступ-суфа и в нем пристенный очаг. Налево тоненькая перегородка очень небрежной кладки отделяла комнатку коммунально-санитарного назначения со сливными колодцами и двумя бадрабными ямами. Она выполняла функции санузла и холодной бани. На южной стороне дворика располагались две комнаты, одна из которых с прямоугольной выступающей суфой была парадно-жилой.

Таким образом, здесь налицо все элементы сложившейся городской застройки — жилая и парадная части, хранилища, кухонный и санитарно-коммунальный узлы. Однако из-за тесноты кухонный узел ограничен суфой и очагом и часть его функций выполняет малое хранилище. Холодная баня совмещена с санузлом, а жилые комнаты выполняют и функции парадных. Не исключено, что самая крупная комната была

связана с каким-то производством типа ткачества, требовавшего крупных помещений.

Три типа домохозяйства рисуют громадную социальную иерархию феодального города Чача, в котором даже в густо застроенной части домовладения занимали площади от 1500 до 60 м² и включали от 20 комнат (и более, вместе с хозяйственными пристройками и несколькими двориками) до домиков с 4—5 комнатками. В первых четко заметно разделение на господскую половину и комнат для слуг, ремесла, подсобно-хозяйственных узлов. В мелких хозяйствах функции помещений совмещены. Однако все они характеризуются установившимися архитектурно-строительными приемами. Основным строительным материалом был тонкий прямоугольный сырцовый кирпич (30×15×4—5 см), удобный и для кладки, и для облицовки стен более ранних построек, прием, чрезвычайно широко практиковавшийся в караханидскую эпоху. Причем в облицовке использовали обкладку в полкирпича и кирпича, поставленного на ребро (толщиной в 5 см) и торцом. Стены, особенно внутренние, тонкие — в один или полкирпича (30 или 16 см).

Широко входит в употребление жженный кирпич того же стандарта. Его используют в основании стен, при вымостке полов парадных помещений, двориков, коридоров, в тазарах и закромах. При оформлении интерьера парадного двора его применяли для фигурной выкладки стен комнат, выходивших во двор. Фигурная кладка была в виде ломаных линий, елочки, сдвоенных кирпичиков. Интересно фигурное оформление полов, устьев тазаров, обрамление ниш и суф.

Наряду с кирпичной кладкой зафиксирована глинобитная мелкими блоками и каркасная с заполнением деревянного каркаса из тонких балочек с глиняными булкообразными блоками типа «гувала». Толщина стен при этом могла ограничиться 12—18 см. И, наконец, применяли тонкие перегородки из камыша, обмазанного глиной. Остатки таких стен толщиной не более 5 см сохранились в слоях пожараща северной части цитадели.

Комнаты отапливали с помощью пристенных и напольных очагов. Кроме того, применяли специальные обогревательные устройства — сандалы, в виде углублений в полу, иногда облицованных жженым кирпичом, или столиков. Интересна форма полых суфообразных сандалов с отводящим дым и угарный газ устройствами. Их не использовали для отопления, так как

и трубы, и сами устройства не обгорели. Не могли они использоваться и в качестве суф, поскольку конструкция их очень хрупка: кирпичи едва касаются друг друга, держатся в основном с помощью обмазки. Однако внутри обоих устройств сохранился сгоревший древесный уголь. Подражающие по форме канам они представляют оригинальные обогревающие устройства.

Стены комнат иногда покрывали белой штукатуркой, а парадные помещения богатого и среднего типов хозяйств украшали полихромной росписью, резным ганчем или рельефным процарапанным рисунком.

Характеризуя материальную культуру Харашкета, следует подчеркнуть связь почти всех вскрытых домовладений с ремесленным производством. В хозяйствах найдено много предметов из железа, меди: набор сельскохозяйственных орудий (кель, серп, лемех омача), гвозди разных размеров из сгоревших деревянных конструкций и стен, топор, ножи, кухонные капыры, ножницы, подковы для лошади и мелких копытных, подковы-набойки на обувь, медные пряжки и цепочки, кольца, браслеты, сосуды, дверные ручки, нашивки-украшения и др. Однако в хозяйствах отмечены не только находки, но и остатки кузнечного и ювелирного металлообрабатывающих производств.

В хозяйствах 2 и 6 шахристана-3 найдены керамические фурмы-сопла, кузнечная печь, а во втором хозяйстве еще железные крицы и мелкие шлачки. Железоделательное производство проходило несколько этапов: от обогащения и обжига железной руды до ее плавки, обжимки, закалки. Характеризуя этот процесс в средневековом Закавказье, И. А. Гзелишвили, например, отмечает в Грузии X—XII вв. печи, совмещавшие процесс обжига и плавки³⁴. В Средней Азии же эти процессы проходили раздельно. Первичный обжиг, вероятно, осуществлялся вместе с обогащением близ источников сырья. Плавка проходила в специальных центрах, так как требовала специальных, довольно громоздких приспособлений (дробильные устройства руды, флюсы, горны), оставляла большое количество шлаков, требовала много топлива. По этнографическим данным плавка одного пуда железа требовала затраты

³⁴ Гзелишвили И. А. Железоплавильное дело в древней Грузии. Тбилиси, 1964, с. 98—101.

18 пудов древесного угля³⁵. Естественно, что такие ремесла сосредоточивались в городах неподалеку от источников сырья и топлива. В средневековом Чач-Илаке такими центрами были Тункет, Туккет. В другие центры продукция могла расходиться в виде полуфабриката — крицы, потому что с нее начиналось получение разных сортов железа. Не случайно такие крицы мы встречаем в ремесленных мастерских средневекового Ардланкета³⁶ или более древнего Кендыктепе³⁷. Такие же крицы вместе с печью найдены и в Харашке. Крицу сильно разогревали в печи и обжимали на наковальне деревянными или железными молотами так, что из нее окончательно вытекали шлаки и получали чистое железо. Этот процесс требовал значительно меньше топлива³⁸ и оставлял небольшие шлаковые отходы. Путем различной степени закалки получалось мягкое или твердое железо.

Некоторые мастерские были связаны с ювелирным производством. В этом отношении важна расчистка металлургической печи в комнате № 15 цитадели. Печь пристенная, цилиндрическая, но, вероятно, с искусственной подачей воздуха, так как сохранившаяся часть стенок печи и начало дымохода ошлакованы от высокой температуры. Там же найдена часть литейной каменной формы с отпечатком половины граненого кулона и надписью «ал-мулк-алла» — «вся власть аллаха». Такие кулоны выпускались ремесленниками и продавались как тумары — оберег от злых чар.

С ювелирным производством могли быть связаны и многочисленные сосуды для ртути, с помощью которой обрабатывалось золото, и стеклянные аланбики, служившие для удаления легкоплавких компонентов. Обломки стаканообразного тигля из огнеупорной глины, слиток меди и половина каменной литейной формы найдены и в хозяйстве шахристана-1, что позволило и его отнести к ювелирным мастерским города.

³⁵ Кочлавашвили А. И. Роль России в развитии горнометаллургической промышленности Грузии. — «Исторический вестник». Тбилиси, 1955, № 8, с. 377—378.

³⁶ Древности Чарвака, с. 73.

³⁷ Древности Туябугуза, с. 100.

³⁸ По этнографическим материалам, на очистку одного пуда железа уходило около двух пудов древесного угля. См.: Воскобойников Н. Описание горных промыслов и полезных минералов в округах Имеретии, Раче, Мингрелии, Лечхуме и в Суанах. — Горный журнал, 1826, кн. XI, с. 52, СПб.

Другая важная отрасль ремесла средневекового Харашкета — гончарное производство. На городище обильно представлена разнообразная неполированная и глазурованная керамическая продукция, характеризующаяся высокими технологическими данными, мастерством формовки и обжига, своеобразной манерой росписи. Этот факт в сочетании с крупными отвалами бракованной посуды, предметами припаса керамистов, расчищенными в раскопе № 5, и находкой остатков синхронных печей в другой части (северном пригороде) позволяют нам выделить комплексы нескольких ремесленных мастерских Харашкета. Находя широкие аналогии в продукции таких крупных центров, как Бинкет, Нукет, продукция этого центра вливается в общую чачскую школу средневековой керамики, выделяющуюся в Мавераннахре своим высоким мастерством. Вероятно, важную роль в этом играли крупные и широко разрабатывавшиеся сырьевые ресурсы с каолиновыми глинами, свинцовыми, медными рудниками, богатыми выходами ярких красителей, особенно охристых глин, специальная разработка которых для средневековья зафиксирована в долине среднего Ахангарана.

Важно отметить, что наиболее тесный круг аналогий в керамическом производстве караханидского периода наблюдается не столько в западных районах Мавераннахры, сколько в южном Казахстане, Семиречье, долине Таласа и Северной Фергане. Остатками явно стеклодувного производства являются слиток пенистого неочищенного стекла, обломки стеклянных шлаков и шихты, стеклянная масса с включением серы и кремнистых остатков, деформированные бракованные изделия и разнообразная продукция в виде сосудов бытового назначения, производственных поделок, украшений (бусы, медальоны, фрагменты браслетов).

Вероятно, было развито и костерезное дело. Об этом свидетельствуют находки в ремесленных мастерских ювелиров наборов кости и рога со следами спиллов. Ими могли оформлять металлические предметы, использовать для рукояток ножей или наборных пластинок или обрабатывать самостоятельно. Примерами могут служить сами костяные предметы — детали ручек, пряжек, пуговиц, бусы, костяная шпилька с навершием в виде руки с согнутыми пальцами. С ювелирным же искусством связана обработка раковин, найденных в ювелирной мастерской, с просверленными или только намеченными отверстиями.

Интересны деревянные предметы — два деревянных гребня. Дерево использовали в конструкциях стен, плоских перекрытий, дверных проемов и перекрытий подвалов.

Ремесленное производство носило развитый товарный характер. Продукция не только производилась в мастерских, но, вероятно, значительная часть ее и реализовывалась непосредственно ремесленниками, что обуславливает концентрацию их вдоль оживленных городских магистралей. Этим объясняется и довольно значительное количество медных и серебряных монет, найденных отдельными экземплярами или мелкими кладиками в хозяйствах. География чекана этих монет довольно обширна. Но они же дали и очень интересный, можно сказать, уникальный, материал для характеристики политической истории Чача и Восточного Мавераннахра в целом крайне запутанной и малоизвестной поры ранних Караханидов. Этот период служил объектом анализа ряда специалистов, однако, как показывает специальный раздел данной работы, многие страницы истории были или недостаточно известны или освещались неверно.

Монетные же данные подтверждают и выявленный на керамическом материале факт запустения города с конца XI — начала XII в., причины которого еще требуют дальнейшего изучения.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Древнейшие земледельцы Ташкентского оазиса	9
Памятники скотоводов Чача (курганы Каунчинской культуры в окрестностях Кавардана)	52
Из истории городской культуры средневекового Чача (по материалам Харашкета)	59
Шаш (Чач) и Илак при Караханидах (по нумизматическим данным)	110
Заключение	167

ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ КУЛЬТУРА ЧАЧА

*Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии, Отделением истории,
языкознания и литературоведения АН УзССР*

Редактор Э. Р. Балаян
Художник А. Ли
Художественный редактор В. А. Расулев
Технический редактор В. М. Тарахович
Корректор Н. В. Хазова

ИБ № 742

Сдано в набор 26/X-79 г. Подписано к печати 5/XII-79 г.
P04795. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура
литературная. Печать высокая. Усл.-печ. л. 10,69. Уч.-изд.
л. 8,5. Тираж 1000. Цена 1 р. 40 к.

Адрес издательства: 700047. г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография издательства «Фан» УзССР, г. Ташкент, проспект
М. Горького, 79.

Цена 1 р. 40 к.

